

СЮЗАННА СИММОНС

РОЗА
ПУСТЫНИ

Сюзанна Симмонс

Роза пустыни

OCR Angelbooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141450

Цветок пустыни: АСТ; Москва; 2002

ISBN 5-17-005023-2

Аннотация

Юная леди Элизабет Гест, отправляясь с отцом в Египет, мечтала о приключениях и поисках сокровищ.

Могла ли девушка предположить, что в тени древних пирамид ее ждет самое захватывающее приключение в жизни – встреча с лордом-авантюристом Джонатаном Уиком? Могла ли мечтать, что получит величайшее из сокровищ мира – дар безумной, всепоглощающей любви?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	42
Глава 4	67
Глава 3	76
Глава 6	94
Глава 7	105
Глава 8	129
Глава 9	148
Глава 10	170
Глава 11	183
Глава 12	197
Глава 13	207
Глава 14	235
Глава 15	252
Глава 16	263
Глава 17	278
Глава 18	290
Глава 19	306
Глава 20	315
Глава 21	329
Глава 22	342
Глава 23	355

Глава 24	389
Глава 25	403
Глава 26	417
Эпилог	431
Примечание автора	433

Сюзанна Симмонс

Роза пустыни

Глава 1

Сначала он ее обольстит. А потом, если надо будет, он на ней даже женится.

Когда он рассказывал о намеченных действиях принцу Рамсесу, все звучало достаточно просто. В тот момент он не сознавал, что для этого ему придется преследовать свою добычу по всем базарам Александрии. Похоже, даме нравилось делать покупки.

Переходя от одного затененного портала к другому, Черный Джек прятал глаза, глядя ukradkoy из-под складок головного убора.

В этой части света его небесно-голубые глаза приносили ему и счастье, и беды. Что хорошего, когда по ним можно сразу догадаться: он родился не здесь, не в Кемете – Черной стране, Даре Нила, Египте. Но разве многочисленные юные красавицы не шептали ему на ухо, что его глаза ярче Реки жизни в безоблачный день?

На смуглом лице появилась улыбка. О, эти красавицы! Скольких он успел узнать и полюбить с тех пор, как приехал в страну «Тысячи и одной ночи»!

Черный Джек внезапно остановился, пробормотав себе под нос:

– Клянусь священной кровью Осириса, тебе не следует забывать о деле, Джек.

А его делом в данный момент была слежка за некоей леди Элизабет Гест, младшей из ныне здравствующих дочерей Эвери Геста, графа Стенхоупа. По крайней мере так его проинформировали знающие люди из Англии.

Он держался в тени здания и наблюдал, как леди Элизабет и ее спутники ходят вдоль пестрых лавчонок, рассматривая дешевые украшения, штуки ткани, медные кофейные сервизы, старинные изделия из царских усыпальниц (каждый житель Египта, будь то мужчина, женщина или ребенок, мог заявить, что обнаружил как минимум одно такое захоронение) и пузырьки с эликсиром, изготовленным из стертых в порошок мумий.

Черный Джек представлял, сколько времени эта конкретная «мумия» пролежала в земле, пока кладбищенские грабители не выкопали ее, чтобы продать аптекарю. Скорее всего не больше недели-другой, если он хоть что-то в этом понимает.

Он обратил все свое внимание на даму, которая вертела в руках, затянутых изящными перчатками, позолоченную статуэтку старого фараона.

Прежде всего он отметил, что дама была высокой. Она держалась величаво, прямо-таки как королева. Несомненно,

в осанке проявляется порода. Эта женщина, судя по ее внешности и манерам, могла претендовать на родство со своей тезкой, Элизабет Тюдор, английской королевой Елизаветой.

Ее молочно-белую, почти прозрачную кожу можно было сравнить с удивительно тонким фарфором. И наверное, под лайковыми перчатками прячутся очень красивые руки с едва заметными голубыми жилками, гладкие и прохладные. А что до остального ее тела...

Воображение Черного Джека на мгновение вышло из-под контроля. Благословенная Баст, он совершенно забыл, до чего они светлокожие, эти англичанки!

Хотя головка женщины была покрыта довольно причудливой соломенной шляпкой, украшенной искусственными плодами и лентами, он живо представил себе ее волосы – длинные, густые и шелковистые. Несколько непослушных прядок на шее сказали Джеку, что волосы у нее темно-каштановые.

Он не мог разглядеть ее глаз из-за шляпки и зонтика – женского пустячка из бледно-розового шелка. Она была одета по последнему слову лондонской моды – а значит, и парижской, – но ее платье с длинными узкими рукавами, перетянутой талией казалось тесным и даже нелепым по сравнению с широкими струящимися одеждами, которые носили в Александрии и мужчины, и женщины.

И тем не менее посреди суеты и суматохи портового города она напомнила ему тихую, прохладную, тенистую горную

долину.

На секунду сердце Джека сжалось.

Англия. Если бы он не знал себя так хорошо, он сказал бы, что тоскует по дому.

Джек помрачнел. Тихо посвистывая, но смотрел, как к нему приближается низенький и смуглый человечек, похожий на обезьяну. Слуга вошел в тень, почтительно склонил голову над сложенными руками, а потом заговорил на древнем языке фараонов, хотя и он, и его господин владели многими языками.

– «Звезда Египта» отплывет через два дня на рассвете, господин.

Голубые глаза яростно сверкнули.

– Это я уже знаю.

Стремясь угодить, человечек поспешно добавил:

– Леди отведена отдельная каюта. Ее служанка разместится в соседней маленькой комнате. Каюта полковника и миссис Уинтерз находится по левому борту. Проводник спустится в трюм, ему разрешили разделить каюту с первым помощником. И еще их будут сопровождать три или четыре янычара. – Нахмурившись, он пересчитал по пальцам турецких солдат, а потом воскликнул: – Эх! Да ее охраняют не хуже, чем саму королеву Викторию!

– Вероятно, – произнес задумчиво Черный Джек.

Щуплый человечек неодобрительно прищелкнул языком и добавил:

– Я видел эту женщину, господин. Она бледная и больная. А еще – она из тех, кого англичане зовут старыми девами.

– Она – старая дева? – Черный Джек от удивления замер. «Да нет, конечно!» – подумал он.

Карим, его слуга, начал от волнения заламывать смуглые руки.

– Вот то-то и оно! Ей не меньше семнадцати. А может, даже восемнадцать! Или еще больше.

Черный Джек с трудом сдержал улыбку.

– Такая старая! – сокрушался Карим. – Эта женщина вам не годится, господин. Разрешите привести вам старшую дочь племянника моего троюродного брата. Ей почти одиннадцать, и она – настоящая красавица! Конечно, она девственница и стремится на брачное ложе. Надо приручать женщину, когда она еще молода и податлива, э?

Джека откровенные слова Карима не шокировали. Он уже давно ко всему привык. Лорд Джонатан Уик (теперь известный только как Черный Джек) за годы, проведенные в добровольном изгнании, вдали от Англии, объехал множество стран и познакомился с самыми разными обычаями, которые его соотечественникам показались бы варварскими. Повидал он и немало чудес.

Хотя ему было всего двадцать шесть, чувствовал он себя гораздо старше. Того, что он успел пережить, хватило бы и на две жизни.

Останься он в Нортумберленде, как того хотели отец и

старший брат, насколько иной была бы его жизнь!

Он поморщился.

Ну, брат, наверное, хотел не этого. Лоренс, которому предстояло когда-нибудь стать восьмым герцогом Дора-ном, больше всего хотел, чтобы его непокорный брат уехал подальше и чтобы о нем никто потом даже не вспоминал.

Джек наконец ответил слуге:

– Твое предложение для меня лестно, Карим, но нам не следует забывать, что мы выполняем поручение принца Рамсеса. Мне сейчас необходимо следить именно за этой леди, так задумано.

Карим покорно кивнул:

– Понимаю, мы должны выполнять приказ принца. Но очень жаль, что эта женщина такая старая и такая бледная.

– В моей стране женщины семнадцати-восемнадцати лет не считаются старыми, а бледность кожи очень нравится.

Туземец в отчаянии замотал головой, а потом озадаченно переспросил:

– В вашей стране, господин?

Джек вздохнул. Есть ли у него родная страна?

Взглянув на слугу, он вслух произнес:

– В Англии.

В ответ послышалось недоверчивое фырканье. Слуга дерзко переспросил:

– В Англии?

Черный Джек нахмурился и мысленно укорил себя:

«Сколько времени прошло с тех пор, когда тебя, дорогой, считали англичанином?»»

Карим явно не успокоился:

– А эта английская женщина знает тайны своего отца?

– Возможно. Лорд Стенхоуп вызвал ее сюда, это известно точно. Если он еще не поделился с ней своей тайной, то наверняка сделает это.

– И вы готовы по просьбе принца Рамсеса уложить эту недостойную женщину к себе в постель?

Джек не стал объяснять, что эта идея принадлежала не Рамп, а ему самому.

– Да.

Слуга посочувствовал ему:

– Это будет огромной жертвой и очень трудным делом, господин.

Черный Джек прищурил глаза и прислушался. Леди Элизабет вернула продавцу золоченую фигурку и объявила своей спутнице, что это всего лишь копия, и притом довольно неудачная. Похоже, леди по-настоящему разбирается в древностях.

Не обращая внимания на несмолкаемые причитания Карима, Джек продолжал внимательно наблюдать за англичанкой. Он невольно отметил, что грудь у нее необычно пышная и высокая для столь молодой девушки. А бедра ее под нелепым турнюром покачивались неожиданно призывно и обольстительно.

– Возможно, не таким уж трудным, – пробормотал он.

Жилистый смуглокожий человечек негромко и понимающе рассмеялся:

– У вас слишком давно не было женщины.

– Да, – с чувством согласился Джек.

– Вы же знаете, что люди говорят, господин.

Он любопытствовал:

– И что же они говорят?

На древнем языке его слуга произнес поговорку: «Египет подобен мужчине без женщины: днем жарок, ночью – холоден».

Черный Джек рассмеялся, но уже в следующую минуту тихо выругался:

– Ах, черт побери!

Слуга мгновенно встревожился:

– Что случилось?

– По-видимому, эта дурочка умудрилась отбиться от своих сопровождающих, – ответил Джек. – Она свернула не в ту улочку.

Карим моментально насторожился, и его рука потянулась к рукояти кинжала, спрятанного под широким матерчатым поясом.

– В той улочке наверняка множество грабителей и воришек, господин. Вы желаете, чтобы я пошел за ней?

Черный Джек со вздохом покачал головой:

– Ты следи за остальными. Я позабочусь о леди Элизабет.

Она заблудилась!

Только что она стояла рядом с Колетт, полковником и миссис Уинтерз – а в следующую секунду оказалась совершенно одна в темном переулке. И все потому, что не смогла удержаться, чтобы не посмотреть на миниатюрную статуетку из черного гранита, которую заметила в лавочке, расположенной, как ей показалось, сразу же за углом базарной площади.

– Не надо паниковать! – громко сказала себе Элизабет, стараясь успокоиться. – Эти переулки не так уж отличаются от зеленого лабиринта у нас дома!

Под «нашим домом» она разумела в виду фамильное поместье, Стенхоуп-Холл, где было тридцать спален для гостей, огромный парк и сады, множество коттеджей работников, церковь постройки четырнадцатого века с расположенным вокруг нее кладбищем – местом последнего упокоения всех Стенхоупов со времен Вильгельма Завоевателя – и земли, которые нельзя было охватить взглядом.

«Дом» был одним из самых богатых и великолепных поместий не только в Йоркшире, но и во всей Англии.

Когда Элизабет выросла настолько, что смогла разобраться в сложном строении «Ошибки леди Кэтрин» (эта дама имела глупость неоднократно теряться в причудливом лабиринте и, как правило, – сие говорилось с многозначительным подмигиванием – делала это в обществе какого-нибудь

молодого и благообразного гостя), она частенько прогуливалась по аллеям из аккуратно подстриженного тиса, который был намного выше человеческого роста. Ей нравилось решать нелегкую задачу – безошибочно проходить лабиринт из конца в конец.

Сейчас, стоя среди переулков Александрии с их контрастами света и тени, она сделала глубокий вдох и расправила плечи. Именно так ей и следует рассматривать положение, в котором она оказалась: как некий лабиринт, через который надо пройти, или как ребус, требующий решения. Она никак не может позволить себе паниковать. Она – в незнакомой стране, языка которой не знает.

Элизабет направилась в ту сторону, где, по ее расчетам, должна была находиться главная улица с красочным шумным базаром, – и в это мгновение услышала за собой шаги. Не останавливаясь, она быстро оглянулась.

Их было двое... нет, трое: мужчин неопределенного возраста в пыльных одеждах – рубашках и полосатых хлопчатых халатах. Головные уборы прикрывали не только волосы, но и лица. У одного на правом глазу была грязная повязка.

Переглядываясь, мужчины что-то говорили и жестикулировали, но Элизабет не могла понять ни одного слова.

– Я не говорю по-арабски, – объявила она несколько недобдуманно. – Кто-нибудь из вас понимает английский?

Один из мужчин хитровато ей улыбнулся. Половины передних зубов у него недоставало, а остальные были окраше-

ны в темный табачно-коричневый цвет. Второй ткнул в нее пальцем и глумливо захихикал. Элизабет почувствовала, как щеки ее залила горячая краска. И без переводчика было ясно: ей говорили что-то непристойное.

Хулиганы угрожающе надвинулись на нее, и Элизабет по-настоящему испугалась – впервые с того момента, когда поняла, что заблудилась. Сердце у нее отчаянно заколотилось, дышать стало трудно. Возможно, Колетт слишком туго зашнуровала ей корсет.

Элизабет подумала, не следует ли ей забыть о достоинстве, подобающем настоящей леди, и не кинуться ли бежать, но в следующую секунду ее уже окружили. Она открыла рот, чтобы закричать, но не смогла издать ни звука. Впрочем, городской шум все равно заглушил бы любой крик.

Элизабет стояла, прижавшись спиной к стене, сжимая в одной руке шелковый зонтик, а в другой – ридикюль из того же розового шелка, словно они могли послужить ей хоть какой-то защитой.

Кто эти люди – грабители? Им нужны деньги? В сумочке они найдут лишь горсть мелких египетских монет. Остальные деньги остались в ее сундуке, в гостинице «Виктория». Но может быть, эти люди замыслили нечто более страшное, чем грабеж?

От этой мысли Элизабет похолодела. Ведь даже до Йоркшира доходили зловещие слухи. Однажды она тихонько сидела в библиотеке Стенхоуп-Холла и читала, а тетушка, не

заметив ее, в подробностях рассказывала матери о печальном происшествии. Оно касалось титулованной дамы, которая решила пройтись по Стамбулу со своим знакомым, а он оказался «отвратительным типом». Элизабет не все поняла, но речь шла о том, что женщина была «скомпрометирована» и продана в рабство!

Боже! Только бы эти люди не оказались торговцами «белыми рабынями»!

Невозможно, чтобы после долгого путешествия она, облаченная в прозрачную вуаль и практически ни во что больше, оказалась наложницей в гареме какого-нибудь богатого паши. Матушка такого не переживет!

Элизабет крепко зажмурилась и зашептала горячую молитву Всевышнему. Спустя мгновение она снова открыла глаза – только для того, чтобы увидеть, как к ее рту тянется грязная рука с почерневшими от грязи ногтями.

В ухо ей хрипло дышали. Ухватив за плечи, ее потащили в грязную лачугу, находившуюся в глубине переулка.

– Нет! – выдохнула Элизабет.

Кто-то, гнусно смеясь, начал хватать ее. Шляпка сбилась, волосы растрепались. Душил отвратительный запах пота и невымытых мужских тел. Появилось ощущение тошноты.

В детстве Элизабет усвоила наставления няни, как должна вести себя благородная девушка-англичанка и как ей поступать не подобает. Теперь, забыв о приличиях, она решила защищаться – била насильников своими маленькими кулач-

ками, носком ботинка ударила одного из них по щиколотке так, что он взвыл от боли. Однако мужчин было трое, и вырваться из их цепких рук она не могла.

И тут в дверях темной каморки словно ниоткуда возникла фигура человека в просторных одеждах. Он был широкоплеч и высок – на полголовы выше тех, кто на нее напал. Он двигался быстро, удивительно грациозно и в то же время мощно. Его удары были молниеносны: раз! – и сразу еще, еще, еще...

Один из негодяев, скорчившись, рухнул на земляной пол. Второй со стоном метнулся к выходу, держась за разбитую челюсть. Третий отступил, решив не сражаться, когда незнакомец повелительным тоном что-то сказал по-арабски. Элизабет поняла, что ее обидчики теперь сами испугались. Ни слова не говоря, они выбежали из лачужки.

Девушка осталась наедине со своим спасителем. В темноте она не могла разглядеть его лица. А голос оказался красивым. Мужчина спросил по-английски:

– С вами все в порядке?

Элизабет уже немного успокоилась и даже обрадовалась, обнаружив, что осталась невредимой. Только шляпка сбилась набок и была нарушена прическа.

Она ответила тихо:

– Да, в полном порядке.

Незнакомец, видимо, почувствовал облегчение, но потом с досадой пробормотал:

– Амон-Ра свидетель, женщине не следует бродить по незнакомой стране без сопровождающих!

– Это... это получилось случайно, уверяю вас.

Он продолжал выговаривать ей, словно она ничего не сказала:

– Вы позволили себе отстать от своих спутников, леди Элизабет. Это было весьма неосмотрительно.

Она насторожилась:

– Вы знаете мое имя?

Незнакомец секунду колебался.

– Да.

Она попыталась увидеть его лицо, но на нем был традиционный головной убор жителя пустыни, который скрывал почти все лицо.

– Кто вы? – решительно спросила она.

– Ваш друг.

Не подумав, Элизабет выпалила:

– Но у меня в Египте нет друзей – не считая моих спутников, конечно!

Пугающе тихим голосом облаченный в широкие одежды незнакомец, пришедший ей на помощь, ответил:

– Значит, вам повезло, что я оказался поблизости. Вам нужен друг.

– Как ваше имя, сэр?

Он отмахнулся от ее вопроса:

– Мое имя значения не имеет. Важна только ваша без-

опасность.

В этот момент сквозь щель в ставне, которая закрывала окно, пробился ослепительный луч света и осветил руку незнакомца. Красивой формы кисть с крупной ладонью и длинными изящными пальцами была бронзовой от загара. Тонкие волоски блестели на запястье, исчезая под широким рукавом туземного одеяния.

Однако внимание Элизабет привлек средний палец. На нем было массивное золотое кольцо, изготовленное в форме анка, древнего египетского символа жизни.

– Какое красивое! – восхищенно воскликнула она.

Незнакомец понял, чем вызвано восклицание, и быстро спрятал руку в складках одежды.

– Приведите себя в порядок, миледи, – сказал он довольно строго. – Ваши сопровождающие не должны лицезреть вас в таком виде.

– Да, это верно! – вздохнула она.

Полковник и миссис Уинтерз и без того слишком серьезно восприняли прощальный наказ ее матери: «Присматривайте за леди Элизабет днем и ночью, словно она – ваша дочь».

Ей было невероятно досадно.

Элизабет надеялась, что, выбравшись из Йоркшира, из-под опеки матери, она получит возможность «жить по-настоящему». По правде говоря, именно ради этого она со слезами умоляла, уговаривала и убеждала матушку, пока та наконец не позволила ей навестить милого папу в Египте.

Она считала, что жизнь следует наполнить удивительными и интересными вещами, встречаться с разными людьми, бывать в разных местах, совершая увлекательные путешествия. Ей очень не хватало приключений. Элизабет ничего подобного не видела за все свои семнадцать с половиной лет, но она мечтала об этом, грезилась об этом, молилась об этом.

Не в буквальном смысле, конечно. Если верить няне, то недопустимо молиться о мелочах, особенно просить о них для себя. Молиться положено о просвещении, прощении грехов, добром здравии королевы, о душах дорогих усопших. Это допустимые предметы молитвы.

Элизабет негромко вздохнула и начала приводить в порядок волосы и поправлять модную шляпку, которая чуть не слетела с нее совсем.

Когда ее внешний вид снова стал безупречным, незнакомец высказал прощальное предостережение:

– Надеюсь, вы понимаете, что это небольшое происшествие должно остаться нашей тайной.

В комнате вдруг возникло ощущение опасности совсем иного рода. Элизабет ясно ее почувствовала. Казалось, она ощущает ее почти физически, так что можно протянуть руку – и прикоснешься к ней. И в то же время она, пожалуй, не могла бы сказать определенно, в чем заключалась эта опасность.

И тут ее осенило: возможно, этот человек гораздо опаснее любой шайки грабителей!

Он настойчиво спросил:

– Вы понимаете, леди Элизабет?

Она начала нервно теребить завязки ридикюля.

– Да, понимаю, – наконец ответила она. – То, что произошло сегодня, нужно держать в секрете.

– Тогда я пойду следом за вами, миледи, – сказал он с такой преувеличенной вежливостью, как если бы хотел посмеяться над ней.

Элизабет шагнула из сумрачной лачуги на яркий свет. На сердце у нее мгновенно стало легче. Чувство приближающейся беды исчезло. Нет, этот человек не мог представлять для нее опасность! Дело просто в том, что у нее чересчур разыгралась фантазия. Вот и все.

Но что за чудесное приключение! Первое! Ее спас высокий, смуглый, красивый незнакомец. Конечно, она не может быть уверена в том, что он красив, поскольку лица его не видно, но она представила себе его именно таким.

– Идите рядом со мной, – строго приказал он и повел ее по извилистым улочкам города.

Они шли молча. Наконец он заговорил:

– Теперь я могу покинуть вас, миледи. Дальше пойдете без меня. Поверните направо. Там вы найдете базар и ваших друзей.

Не сказав больше ни слова, ее проводник исчез в толпе.

Элизабет сделала еще несколько шагов и услышала знакомый голос:

– О, вот вы где, миледи! Я вас везде ищу. Мне уже стало совсем страшно.

Улыбаясь, Элизабет положила руку на плечо своей служанке.

– Нет причин тревожиться, Колетт. Я просто была за углом – рассматривала статуэтки.

– Ваша матушка никогда бы меня не простила, если бы с вами произошла какая-нибудь беда, – недовольно проговорила мадемуазель.

Элизабет постаралась успокоить горничную:

– Со мной ничего страшного не произошло. Пожалуйста, не надо тревожиться.

Она была очень привязана к Колетт, считала ее подругой и поверяла ей свои тайны. Эту молодую француженку мать несколько лет назад привезла с собой из Парижа, куда ежегодно ездила за покупками. Графиня и эта барышня вместе покинули город. Париж был оккупирован прусской армией, что в конце концов привело к падению Второй империи и императора Луи Наполеона.

Но, если послушать леди Стенхоуп, гораздо трагичнее было то, что из-за этой оккупации она больше не могла покупать платья у Уэрта. Именно там работала модисткой Колетт в тот момент, когда матушка с ней познакомилась.

Изящная бровь француженки вопросительно выгнулась.

– Ваша шляпка сидит как-то странно, миледи.

Элизабет быстро нашлась, что ответить:

– Какая я неловкая! Я задела ее зонтиком. Ты сможешь мне привести шляпку в порядок, когда мы вернемся к карете.

– Оуі, миледи.

– Наверное, на сегодня покупок достаточно. Давай найдем полковника и миссис Уинтерз и вернемся в гостиницу.

И тут Элизабет вспомнила, что из-за волнения не поблагодарила своего мужественного спасителя за то, что он уберег ее от судьбы, которая, несомненно, была бы страшнее самой смерти.

Она быстро обернулась и стала разглядывать толпившихся на базаре людей, но незнакомца нигде не было видно. Слишком поздно! Он исчез, и она больше никогда не встретит его.

Глава 2

– Qui est-ce, миледи? – спросила Колетт и тут же повторила свой вопрос по-английски: – Кто он, миледи?

Элизабет, стоявшая у фальшборта, с немалым интересом посмотрела туда, куда был обращен взгляд молодой француженки.

На причале царил суматоха: неподалеку от «Звезды Египта» только что остановился модный экипаж, и оттуда неспешно вышел какой-то джентльмен. Слуга следовал за ним в почтительном отдалении, держа в смуглых руках тяжелые кожаные чемоданы. Когда джентльмен двинулся к сходням, вокруг него полукругом собрались носильщики и малолетние попрошайки.

Элизабет помнила, как няня внушала ей: воспитанные девушки не должны глазеть на кого-то или на что-то. Но, если верить сплетням, даже светские дамы в бальных залах Лондона позволяли себе влезать с ногами на сиденья позолоченных стульев, чтобы не пропустить появления Аилли Лэнгтри, общепризнанной светской красавицы Англии. Не спуская глаз с приехавшего, Элизабет решила, что просто следует их примеру и удовлетворяет свое любопытство.

– Я не знаю, кто он, Колетт. – Она на секунду задумалась и добавила: – Может быть, это тот англичанин, о котором упоминал полковник, – тот, который поедет вместе с нами.

– Он не похож на настоящего англичанина, миледи.

Элизабет прикусила язык. Она была согласна со своей служанкой, но не собиралась говорить об этом.

Колетт пожала плечами так выразительно, как могла сделать только истинная парижанка:

– Он слишком красив. И ничуть не продутый.

– Не продутый? – переспросила Элизабет, сдвигая брови. Она не поняла, о чем говорила Колетт. Потом вдруг догадалась. – Ты хотела сказать – не надутый?

– Oui, миледи. Не надутый. – Стройная француженка заметно оживилась. – Может быть, он француз. – И она радостно затараторила на своем родном языке: – О, какой красивый мужчина! Очень красивый мужчина. Конечно же, он француз!

Элизабет не сдержала смеха: невозможно было сохранять серьезность в те минуты, когда Колетт вела себя так по-французски непосредственно, мило и говорила что-то так забавно!

Элизабет не выдержала и громко рассмеялась. Ее мать сказала бы, что настоящей леди не подобает так смеяться. К счастью, ее смех потонул в какофонии александрийского порта: крики матросов, вопли нищих, отчаянно жестикулирующие и громко спорящие арабы («наверняка самый деловитый и шумный народ мира», как она прочла в египетском дневнике Флоренс Найтингейл).

Овладев собой, она повернулась к Колетт:

– Почему-то мне не верится, что этот джентльмен – француз.

Пожалуй, он действительно не был похож на настоящего англичанина. В наблюдательности Колетт не откажешь. И дело даже не в том, что он слишком хорош собой, – хотя Элизабет никогда не видела более красивого мужчины.

Она задумчиво сдвинула брови. Внешность этого человека свидетельствовала о том, что он давно не был в Англии.

Во-первых, его одежда. Великолепный костюм сидел на нем идеально, лишь чуть натягиваясь на широких плечах, однако покрой не вполне соответствовал фасонам Бонд-стрит, где располагались ателье портных, обшивавших аристократию. Его наряд скорее подошел бы богатому жителю Франции, Германии или Италии. Похожих на него мужчин можно было увидеть на улицах Парижа или, может быть, в европеизированных отелях Александрии.

Он был высокого роста – на три-четыре дюйма выше любого мужчины из тех, что толпились вокруг него на причале, и намного выше смуглого слуги, который давал указания носильщикам относительно багажа своего господина.

Незнакомец снял шляпу. Его прекрасные черные кудри отливали синевой и блестели как шерсть ухоженных скакунов. Черты его лица были мужественными. Крупный аристократический нос, изогнутые черные брови, прекрасной формы уши, тесно прилегающие к черепу. Четкая и резкая линия гранитно-твердых челюстей и подбородка. Да, Колетт

была права: действительно очень красивый мужчина.

Тут джентльмен поднял взгляд, и Элизабет показалось, что он посмотрел прямо ей в душу, так что на секунду ее сердце замерло.

Голубые глаза!

Она будто погрузилась в бездонное синее море. Она никогда не видела таких глаз. Они напоминали небо ранним летним утром. А еще цветки глицинии, которая дома, в Стенхоуп-Холле, вилась по решетке под ее окном. Глаза были ясные, умные, завораживающие...

Элизабет невольно затаила дыхание – и заметила это только тогда, когда задохнулась.

Будущие пассажиры двинулись по сходням. Примерно в десяти футах от нее англичанин вдруг остановился. Видимо, он удивился или даже был поражен, увидев ее.

Элизабет смутилась и попыталась понять, в чем дело. У нее растрепались волосы? Или платье не в порядке? У нее на кончике носа сажа?

Такое случалось с ней не раз – дома, в Йоркшире, когда она не выдерживала соблазна и работала в саду. Мать утверждала, что садоводство (она презрительно называла его «копанием в грязи, подходящим только для судомоек») – это унижительное занятие для молодой девушки с положением в обществе.

Но она уже сыта нравоучениями. И этим своим положением в обществе. Садоводство – прекрасное времяпрепро-

вождение! Так приятно трогать руками теплую землю. Сажать нежные стебли и наблюдать за тем, как они растут. И, наконец, видеть результаты своих трудов. А садовник Траут говорил, что более талантливого садовода не встречал, – а ему уже немало лет, их садовнику.

Элизабет достала носовой платочек со своей монограммой и вытерла кончик носа – быть может, на нем действительно оказалась грязь.

При этом она подумала: «А, пустое!» – и, сунув платочек обратно в ридикюль, решительно выпрямилась. По крайней мере к ее осанке придраться нельзя.

Высокий красивый мужчина продолжал подниматься по сходам. В паре шагов от того места, где стояли они с Колетт, он на секунду остановился. Губы шевельнулись, будто он хотел ей что-то сказать.

Джентльмен не должен заговаривать с женщиной, если их никто не представил друг другу. Остановившийся рядом красавец не может этого не знать. Так подумала Элизабет.

Едва заметно кивнув головой в знак приветствия, незнакомец прошел мимо. Он приблизился к офицерам корабля, и они поздоровались со своим новым пассажиром.

Элизабет услышала, как капитан приветствовал его:
– Добро пожаловать на борт «Звезды Египта», милорд.

После чего капитан добавил что-то по-арабски, и пассажир ответил ему на том же языке.

Ее почему-то не удивило, что англичанин свободно гово-

рит на языке чужой страны. Но было чему изумиться через несколько мгновений.

Как по мановению волшебной палочки из-за облаков выглянуло солнце и залило палубу своим ярким светом. Поднимая зонтик, чтобы защититься от ярких лучей, Элизабет заметила: у незнакомца что-то блеснуло.

Золото.

Червонное золото.

У Элизабет перехватило дыхание. На среднем пальце англичанина было золотое кольцо. Кольцо в форме анка, древнеегипетского символа жизни. Она готова была поклясться, что точно такое же видела на пальце своего таинственного спасителя.

Черный Джек разговаривал с капитаном «Звезды Египта», а в мыслях осыпал себя проклятиями. Яма, которую он себе выкопал, стала гораздо глубже.

При виде леди Элизабет, стоявшей у фальшборта, Черный Джек испытал сильное потрясение. Да ведь она еще, в сущности, девочка. Настоящий ребенок!

Он открыто воззрился на нее, как не позволял себе смотреть ни на одну прекрасную женщину. Он тут же мысленно поправился: прекрасную девочку. Сегодня, при свете дня, он увидел ее иной – с нелепой корзинкой фруктов вместо шляпки, с шелковым зонтиком, которым она прикрывала милое личико. Казалось, ей не больше пятнадцати-шестна-

дцати лет.

Но хуже было другое... В первое же мгновение он ощутил, что его плоть загорается желанием. Это чувство продолжало тревожить его и сейчас.

У него оставалось только одно утешение: леди Элизабет его не узнала. В этом он был совершенно уверен.

Позавчерашнее происшествие едва не закончилось катастрофой. Он совершил сразу несколько ошибок, хотя не относил себя к числу тех, кто ошибается. Как он негодовал в душе, когда случайно произнес ее имя. Очень непрофессионально. Непростительно для военного, который в былое время считался одним из лучших разведчиков.

Да вот еще и золотое кольцо, символ его клятвенной преданности принцу. Насколько хорошо она смогла его рассмотреть? Вспомнит ли она его, если снова увидит? А если эта опасность существует, то почему же ему так не хочется снять его со своего пальца?

Дьявольщина! Можно подумать, ему хочется, чтобы эта малышка его узнала...

Черный Джек не терял самообладания и спокойно разговаривал с капитаном и стюардом, которые проводили его в каюту. Пока Карим играл роль его камердинера, распаковывая вещи и раскладывая их по местам, он налил себе щедрую порцию портвейна, хотя еще не было и пяти.

– Черт возьми! – проворчал он себе под нос, выпив темного ароматного вина.

Черный Джек получил о леди Элизабет Гест самые подробные сведения и знал, что ей почти восемнадцать. Но чертов осведомитель не предупредил его о том, насколько она свежа и наивна. Он надеялся – нет, он ожидал увидеть женщину. А встретил это юное прелестное создание.

Джек снова налил вина и начал с рюмкой в руке расхаживать по каюте.

А какого цвета у нее глаза?

Не карие. Не зеленые. И конечно, не желтые. Но – невероятное сочетание всех этих цветов. И она смотрела на него так, словно никогда раньше не видела мужчины. Было неловко. Было тревожно. И довольно лестно.

Его губы изогнулись в ироничной улыбке. Поосторожнее, Джек.

Ему не следует забывать, что именно поставлено на карту. Честь принца Рамсеса и людей, которые когда-то спасли ему жизнь. Тогда-то он и понял, что жизнь имеет какой-то смысл.

Черный Джек устремил взгляд в иллюминатор, забыв про зажатую в руке рюмку. Он вспомнил день, когда впервые встретился с принцем Рамсесом, – в тот самый день он получил свое прозвище.

Им обоим едва исполнилось шестнадцать, и они, новоиспеченные студенты Кембриджа, только-только устроились в своих комнатах. Он, Джонатан Малькольм Чарльз Уик, второй сын и, следовательно, не наследник герцога Дорана, хвастливо заявил принцу, что родственники считают его

паршивой овцой, человеком с черной душой – чернее просто не бывает.

Это немалое достижение, пояснил он совершенно серьезно, со свойственной юности заносчивостью, поскольку в нортумберлендском семействе Уиков каждое поколение имело свою паршивую овцу – обязательно с голубыми глазами, чем отличались от остальных «Отчаянные Уики».

Принц Рамсес весело расхохотался, с почтением пожал ему руку и тут же окрестил его Черным Джеком.

Только спустя несколько месяцев Джек понял, каким птенцом, наверное, показался он принцу в день их знакомства. Ведь у Рами, к примеру, уже тогда была жена. Он женился на Майе в нежном возрасте – десятилетним мальчишкой. И кстати, утром, после брачной ночи, он без всякой жалости отдал приказ казнить дюжину человек, попытавшихся захватить источник, принадлежавший его племени.

Таковы были обычаи пустыни.

«А я-то тогда хотел выглядеть в его глазах самостоятельным, волевым, непреклонным», – думал Черный Джек, отпивая из рюмки портвейн.

Тем не менее прозвище, данное принцем, у него осталось. А их с Рами дружба выдержала испытание временем. Они – друзья. И даже больше, чем друзья.

Он обязан сдержать слово, которое дал своему принцу и его людям. Все очень просто. Он не испытывает никакой личной неприязни ни к лорду Стенхоупу, ни к его дочери.

Пусть леди Элизабет юна, невинна и прекрасна. Пусть он испытывает к ней такое влечение, какого не вызывала в нем еще ни одна женщина. Однако то, что должно быть сделано, исполнится.

Таковы обычаи пустыни.

– Насколько я могу судить, лорд Джонатан заработал себе в этих краях хорошую репутацию, не говоря уже о немалом состоянии, – заметил полковник Уинтерз, когда их небольшая компания разместилась в салоне корабля, чтобы выпить чаю.

– Кажется, дорогой, ты сказал, что он – второй сын герцога Дорана? – тихо спросила мужа миссис Уинтерз, стараясь, чтобы ее не услышали другие.

Кивнув, полковник принялся объяснять жене:

– Его старший брат – виконт Линд сей. Если я не ошибаюсь, их фамильные владения включают в себя Грантли-Мэнор в Нортумберленде, замок Кендалстон в Оксфордшире и особняк в Лондоне, на модной Парк-лейн.

Полковник погладил подбородок, не задумываясь, что этим жестом привлекает внимание к начинающим отвисать щекам и второму подбородку. Он был на двадцать лет старше своей хорошенькой жены, а выглядел так, что можно было решить – на все тридцать.

– Конечно, в один прекрасный день все это достанется старшему сыну, – с важным видом добавил он. – Все цели-

КОМ.

Амелия Уинтерз покачала изящной головкой и заявила:

– Я не согласна с законами первородства. Они так жестоки по отношению к девочкам и младшим сыновьям, которые очень проигрывают на этом. – Тут она покосилась на свою юную спутницу. – Не обижайтесь, леди Элизабет.

Та ответила, тщательно выбирая слова:

– Хотя мне понятна необходимость сохранять титулы и поместья, не разделяя их, я сознаю: тем, кто не родился старшим сыном, трудно заключать брак так, как им хочется.

– Прекрасно сказано, леди Элизабет, – похвалил ее полковник. – Не то чтобы отсутствие герцогского титула помешало лорду Джонатану занять достойное место в обществе, скажу я вам.

– Возможно, он человек необыкновенный, – предположила Элизабет.

Если ее подозрения верны, то он намного лучше, чем могли о нем думать полковник и его жена.

– Красив он чертовски, – пробормотала миссис Уинтерз. – Интересно, женат ли он.

– Насколько я знаю – нет, – ответил ее супруг.

– Кстати, о женитьбе... – Поскольку ее собеседники подняли этот вопрос, Элизабет сочла возможным продолжить разговор на эту тему. – Почему все, с кем я сталкиваюсь, спрашивают меня, замужем ли, я, а когда я отвечаю отрицательно, то они явно бывают удивлены?

Ответ прозвучал у Элизабет за спиной и был произнесен звучным баритоном с легкой хрипотцой, от которой у нее по спине пробежали мурашки:

– Возможно, потому, что незамужняя женщина в возрасте семнадцати или восемнадцати лет в Черной стране редкость.

Хилберт Матиас Уинтерз стремительно встал и поклонился, щелкнув каблуками:

– Милорд.

– Полковник Уинтерз, вот мы с вами и встретились снова, – любезно отозвался подошедший.

– Рад вам представить мою жену, миссис Уинтерз, и нашу спутницу, леди Элизабет Гест.

Темная голова вежливо склонилась.

– Леди, счастлив с вами познакомиться.

– Я имел честь однажды встретиться с вашим отцом в его лондонском клубе, – проговорил полковник, пока все усаживались за стол. – Как поживает его светлость?

Ответ был очень сдержанным:

– Когда я в последний раз виделся с отцом, он был вполне здоров.

– А ваша матушка, герцогиня?

Элизабет заметила, что по лицу лорда Джонатана пробежала легкая тень, но ответил он очень спокойно:

– Моя мать умерла почти шесть лет назад.

Полковник Уинтерз смутился:

– Извините, ради Бога! Я не знал, конечно. Приношу вам

свои соболезнования.

Лорд Джонатан холодно откликнулся:

– Благодарю.

Полковник смущенно откашлялся.

– А ваш старший брат, виконт Линдсей...

По губам лорда Джонатана пробежала насмешливая улыбка. Элизабет решила, что это губы человека щедрого, но способного на жестокость.

– В тот момент, когда мы в последний раз вместе были в Грантли-Мэнор, Лоренс был поглощен своим любимым занятием. – И в ответ на молчаливый вопрос полковника он добавил: – Мой брат объезжал купленного накануне жеребца.

– Главное поместье вашей семьи, кажется, находится в Нортумберленде, – вступила в разговор Амелия Уинтерз.

– Да, это так.

– Леди Элизабет тоже с севера, – добавила молодая женщина.

Впервые с того момента, как лорд Джонатан присоединился к ним в салоне, он посмотрел прямо на нее. Лицо его выражало вежливое внимание – и ничего больше. Элизабет ощутила разочарование. Он не узнал ее? В голубых глазах не было удивления, не было блеска – ни одной искры. Возможно, утром она вообразила себе невесть что. Просто ей показалось, будто он удивился, увидев ее на судне.

Элизабет быстро перевела взгляд на руки лорда Джоната-

на. Нет, если она что-то и придумала, то явно не все. Средний палец его руки украшен золотым кольцом!

Сердце у Элизабет забилося сильнее, но она сказала себе: «Разве не может быть совпадения?» Изображение анка – креста с округлым концом – было очень распространенным древним иероглифом. Откуда ей знать – может, практически все египтяне, мужчины, женщины и дети, носят подобные кольца.

И потом, человек, который помог ей отбиться от хулиганов, был местным жителем, об этом свидетельствовали его одежда и головной убор.

Лорд Джонатан заговорил с ней:

– Могу ли я спросить, где именно вы живете на севере, леди Элизабет?

От неожиданности она чуть не пролила чай и с трудом выговорила:

– В С-с-стенхоуп-Холле, в Йоркшире.

– Красивое место, насколько я слышал.

Она чуть покраснела:

– Думаю, это так, милорд.

Элизабет обратила внимание на то, что лорд не притронулся ни к чаю, ни к маленьким пирожным. Он продолжал говорить с ней:

– Вы впервые в Египте?

– Да, – ответила она, переживая, как бы смятение не отразилось на ее лице. Зато она заметила, что на секунду лицо

лорда Джонатана приняло какое-то странное выражение.

– И вам тут нравится?

– Очень нравится, – быстро ответила она и оживленно добавила: – Позавчера мы все утро делали покупки на местных базарах.

– Леди Элизабет – заядлая покупательница, – рассмеялась Амелия Уинтерз.

Лорд Джонатан взглянул на свои начищенные до блеска сапоги, потом поднял голову и с улыбкой заметил:

– Надо полагать, вы приехали в Египет не для того, чтобы делать покупки.

Не решил ли этот джентльмен подсмеяться над ней? Если так, он ее сильно разочарует! Это ей совершенно не нравится!

– Нет, милорд, я плыву по Нилу, чтобы встретиться с отцом.

– Вот как, – отозвался он с долей искренней заинтересованности.

– Отец леди Элизабет, лорд Стенхоуп, – знаменитый археолог, – пояснил лорду Джонатану полковник Уинтерз.

– Понятно, – холодно ответил тот.

– Может быть, вы слышали о моем отце? – спросила она. Ей вдруг страшно захотелось хоть что-то узнать об этом загадочном человеке с золотым кольцом на руке.

Он слегка пожал плечами:

– В Египте найдется мало людей, которые не слышали бы

о лорде Стенхоупе.

– А вы встречались с моим отцом?

– Не имел удовольствия.

Элизабет заморгала, выпрямилась и глубоко вздохнула. Она была бы рада любой весточке об отце. И надеялась узнать что-то о жизни самого Джонатана.

Амелия Уинтерз решила поддержать прервавшуюся беседу.

– Как далеко вы плывете на «Звезде Египта», лорд Джонатан?

– До самого Луксора. – Сделав небольшую паузу, он добавил: – У меня в тех местах есть немного земли, на которой я выращиваю хлопок.

– Хлопок, – глубокомысленно произнес полковник. – Любопытно.

– Я считаю, что наступит день, когда египетский хлопок станет известен во всем мире, – уверенно заявил лорд Джонатан.

Элизабет с изумлением услышала собственные слова:

– Тогда, возможно, вы все-таки познакомитесь с моим отцом: ведь я встречаюсь с ним именно в Луксоре, в Долине царей.

Его губы тронула ироническая улыбка:

– В таком случае я буду рассчитывать на официальное знакомство.

Полковник Уинтерз прокашлялся и вставил:

– Похоже, нас за чаем собираются развлечь.

В салон вошли несколько музыкантов-египтян со своими инструментами. Не сказав ни слова, они начали играть. Их музыка оказалась волшебной, свободной, с отзвуками древних мелодий.

После того как отзвучала последняя нота, лорд Джонатан наклонился к Элизабет и негромко сказал:

– Большую флейту называют най, а маленькая – это саламийя, в Египте под ее аккомпанемент поют суфические песни.

– А как называется инструмент с длинным грифом и металлическими струнами? – спросила она, остро ощущая, как от его теплого дыхания у нее слегка покачиваются локоны и щекочут шею. Из-за этого ей было очень трудно, почти невозможно сосредоточиться на том, что он ей рассказывал.

Лорд охотно объяснял:

– Это бузук. Рядом с ним – уд. А тот большой барабан – это тар.

– В Александрии мы слышали, как играют на маленьких бронзовых цимбалах, – сказала ему Элизабет. – А вот во что дует вон тот человек? Я не знаю.

– Это разновидность гобоя, называется мизмар.

– Их музыка захватывает, – прошептала она, слушая, как оркестр начинает новую мелодию. – Она такая красивая!

– Как сама Черная страна, – прошептал он так тихо, что эти слова услышала только одна Элизабет.

Потом они молчали и с наслаждением слушали музыку.

Только когда концерт закончился и все начали расходиться по каютам (даже на борту корабля считалось необходимым переодеться перед обедом), лорд Джонатан сказал нечто такое, что потом не давало покоя Элизабет в течение многих дней и даже недель.

Пристально глядя ей в глаза, он предостерег ее:

– Путешествуя по Нилу, который мы зовем Рекой жизни, будьте осторожны, леди Элизабет. Вы рискуете найти здесь больше, чем вам хотелось бы.

Элизабет почувствовала, что у нее странно сжалось сердце. Не может быть, чтобы этот человек проник в ее тайну!

Натянуто улыбнувшись, она ответила:

– Я буду очень осторожна. Уверяю вас, лорд Джонатан.

Никто не знал, что Элизабет ищет ключ к прошлому. И своему собственному будущему.

Глава 3

Ей никак не удавалось заснуть.

Элизабет скинула с себя прохладные хлопчатые простыни, отдернула противомоскитную сетку и потянулась за пеньюаром, который лежал в ногах кровати.

Не было смысла продолжать попытки заснуть. Она так и не сомкнула глаз.

Не зажигая лампу, стоящую на столике у кровати, она сунула ноги в атласные тапочки и крепко затянула на талии пояс пеньюара. После этого открыла дверь каюты и вышла на палубу.

Ночь была тихая. «Звезда Египта» встала на якорь до утра.

Облокотившись на фальшборт, Элизабет смотрела на противоположный берег Нила. Луна заливала все ярким светом – на фоне иссиня-черного неба ночное светило казалось сияющим шаром. Ей были видны пальмовые рощи у края воды, плодородные зеленые поля вдали, а дальше – скалы, за которыми начиналась пустыня.

Местность между полями и пустыней была усеяна темными лачугами, белоснежными виллами и развалинами древних храмов. На воде играли серебристые отблески лунного света. Ночной ветерок приносил с собой запахи лотоса и папируса, акации, тамаринда и эвкалипта.

Время от времени в реке шумно плескалась крупная рыба – или, может быть, это голодный крокодил пытался добыть себе ужин.

Элизабет почувствовала, как по спине пробежал холодок, – вокруг нее толпились тени прошлого. Хотя ей казалось, что над этими местами не властно время.

Интересно, сколько мужчин и женщин вот так, как она, с замиранием сердца смотрели на вечный пейзаж Египта? Что они при этом чувствовали? О чем думали?

Возможно, сама Клеопатра с борта царской ладьи смотрела на темно-синюю воду, повторяя слова древнего гимна:

«Приветствую тебя, о Нил! Выбившийся из-под земли, пришедший питать Египет. Кормилец, источник богатства, создатель всего благого!»

И позже, когда Элизабет покинет Египет, какая-то другая женщина будет глядеть на синие воды и думать о тех, кто бывал здесь раньше. Что она будет чувствовать? О чем вспомнит?

Прошлое, настоящее, будущее – для Нила, Реки жизни, они были неразрывны.

Элизабет вздрогнула и крепче обхватила себя руками. Подумать только: она чуть было не лишилась возможности поехать в Черную страну! Ей снова вспомнился разговор с кузеном прошлым летом – тогда все и решилось...

– Боюсь, что ваша головка полна фантазий, – выговаривал

своей кухне Хорас Фитцхью. – Египет – место отвратительное. Там жара, пыль, мухи и москиты и самые примитивные и ужасные условия жизни. – Он содрогнулся, вспоминая. – Солнце просто беспощадное. Я был болен все то время, пока там находился.

– Но мне так хочется поехать в Египет! – произнесла Элизабет мечтательно. – Говорят, что небо в тех краях синее синего, песок сверкает, как алмазы, а солнечный свет яркий, как нигде в мире. Папа как-то сказал мне старую поговорку: «В Египте вы ближе к богам». – И она добавила: – Папа не приезжал в Англию уже три года. Я так по нему соскучилась!

Ее немолодой кузен неуклюже переминался с ноги на ногу.

– Конечно, то, что вы скучаете по отцу, вполне естественно. Но чтобы вы поехали так далеко, в эти пустынные, забытые Богом земли...

Она перебила его:

– Ландшафт там необычайно живописный, правда? И Нил, и пустыня, и удивительные пирамиды Гизы, и огромный храм Абу-Симбела...

Выражение лица Хораса Фитцхью чуть заметно изменилось.

– Да, конечно, это великолепное зрелище. Храмы Карнака. Сфинкс. Живописные дахабийе, плывущие вверх по Нилу. – Опомнившись, он поспешно добавил: – Но это неподходящие места для такой хрупкой молодой особы, как вы.

Элизабет почувствовала, что начинает терять терпение. Ей надо ехать в Египет. Она должна увидеть отца! Это просто необходимо. Отец не только прислал ей письмо с приглашением приехать – он отправил полковника и миссис Уинтерз специально, чтобы они ее сопровождали. Лучшей возможности поехать в Египет у нее не будет. Если только удастся убедить кузена Хораса, тогда, несомненно, он поможет ей уговорить матушку. Элизабет решила схитрить.

Многие молодые девицы, с которыми общалась Элизабет, страдали от всего на свете – начинали с обмороков и кончали меланхолией, причем втайне наслаждались этим. У Элизабет же в отличие от них было отменное здоровье. Тем не менее...

Она прижала кружевной платочек к губам.

– Но насколько я знаю, зимой погода в Египте считается очень полезной для людей со слабым здоровьем.

– Зимние месяцы более благоприятны, чем периоды разлива Нила или ужасная летняя жара, – признал ее кузен.

Она опустила взгляд на свои пальцы.

– Я очень страдала этой зимой здесь, в Йоркшире.

Это не было откровенной ложью. Зима была действительно ужасной – с момента смерти ее сестры Аннелизы до новой надежды, которую принесла весна. Ее милая, нежная Анни угасла за две недели. Трудно было привыкнуть к мысли, что сестры больше нет.

Кузена Хораса явно смутило напоминание о кончине леди Аннелизы. Эта пятнадцатилетняя девочка, младший ре-

бенок лорда и леди Стенхоуп, была настоящим ангелочком, белокурым голубоглазым ангелочком с нежным сердцем.

Кузен откашлялся.

– Зима была очень трудной для всей нашей семьи.

– Да. И погода была особенно холодной и влажной, правда? – Элизабет вздохнула. – По-моему, мне не вынести еще одной такой йоркширской зимы.

Ей была сделана некоторая уступка:

– Возможно, солнечная и сухая погода Египта была бы полезна для вашего здоровья, леди Элизабет.

Она снова вздохнула и посмотрела в окно, на сад и расположенный за ним парк.

– Наверняка была бы. Но матушка не разрешила мне ехать.

– Она... Возможно, леди Стенхоуп не учла всех обстоятельств, – осторожно заметил кузен Хорас. – Если мне представится удобный случай, я поговорю с ней об этом.

Лицо Элизабет осветилось улыбкой, которая совершенно ослепила ее родственника.

– Это было бы так мило с вашей стороны, кузен Хорас!

Он снова откашлялся.

– Ничуть, дорогая моя. Ничуть. Мы ведь должны заботиться о вашем здоровье.

– Конечно, кузен. Ведь жизнь коротка, правда? И надо стараться сделать ее как можно богаче.

Он в который раз прочистил горло, явно недоумевая, как

можно отреагировать на философские размышления столь юного существа – и к тому же девушки. С облегчением заметив, что настало время чая, он встал, чтобы проводить Элизабет в салон.

Не прошло и трех дней, как мать дала свое согласие, – и начались приготовления к ее отъезду.

И вот теперь она смотрит на воды Нила! Элизабет хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться в том, что это не сон.

Ей надо запечатлеть в памяти необычайную красоту этого момента и места. Ей надо наслаждаться каждой минутой за двоих – за себя и за Анни. Ведь ее милая нежная сестренка никогда не совершит поездки в эту дальнюю страну – она уже ушла в последний путь, на небо.

Подняв руку, Элизабет вытерла щеки – они были мокры от слез.

Прошло еще сколько-то времени – минуты или часы, сказать было невозможно, поскольку этой волшебной ночью время не подчинялось обычным законам, – и Элизабет больше не страдала от одиночества. Еще не увидев и не услышав ничего, она уже точно знала, что это – лорд Джонатан. Она сама не понимала, откуда у нее такая уверенность, но не сомневалась: это было так. А потом из ночи до нее донесся его голос – звучный, чувственный баритон, от которого у нее по телу пробежала волна какого-то незнакомого ей чувства.

«Привет тебе, о Нефертери, прекраснейшая из женщин,

Супруга Бога, возлюбленная носящего две короны
Лицом прекрасная, безупречная телом и духом,
Исиды воплощение, как преклоняются перед тобой все
Боги!

Груды твои меда слаще,
Лицо прекрасней легендарной Нефертити,
Кожа тоньше золота Куша,
Глаза – как два гагата.
Твой голос напевней мелодичной арфы, слаще предрас-
светного журчания Реки жизни.
Ты любима всеми богами,
Что зовут тебя по имени, – и имя это Египет.
И когда видят, что идешь ты, говорят – идет Несравнен-
ная!»

Когда он замолчал, она чуть слышно прошептала:
– Как прекрасны даже сегодня стихи, которые фараон
Мернептон Сети посвятил своей возлюбленной жене!

Лорд Джонатан вышел из темноты на залитую луной па-
лубу и, изумленно глядя на Элизабет, спросил:

– Вы знаете об этих стихах?

– Я о них знаю.

– И о Нефертери?

Элизабет кивнула, и распущенные волосы скользнули по
ее плечам, словно тонкий шелк.

– Ей было дано имя в честь жены великого Рамсеса. У них

с Мернептоном Сети было четверо детей. А потом во время разлива Нила у нее началась какая-то странная лихорадка, и она умерла.

Он смотрел на нее с высоты своего немалого роста, и на лице его отражалось искреннее восхищение.

– Вы знаете и о древних фараонах?

– Немного, – скромно ответила Элизабет.

Она не захотела признаться, сколько на самом деле знает. Лорду Джонатану, так же как полковнику и миссис Уинтерз, нельзя рассказывать о том, сколько она читала о Древнем Египте. Вспомнив о наставлениях няни, она подумала, что эти люди, возможно, стали бы считать ее хвастливой и невежливой.

Но ее сдержанность диктовалась не только скромностью. Мать строго запрещала в своем присутствии любые разговоры о Египте, его истории и памятниках. В конце концов «именно эта шляха» – так матушка говорила о Черной стране – обольстила ее мужа, безжалостно отняла его у нее и у детей.

Неприязнь матери к Египту не мешала Элизабет прокрадываться в старую библиотеку Стенхоуп-Холла и там жадно читать множество книг, которые собрал ее отец. Начала она с автобиографии барона Демона, а потом взялась за отчеты Джованни Бельцони о его похождениях в Черной стране и переводы иероглифов с Розеттского камня, сделанные Шампольоном.

Лорд Джонатан негромко заметил:

– А вы все-таки дочь своего отца.

С нескрываемой гордостью Элизабет заявила:

– Я – дочь своего отца, археолога лорда Стенхоупа.

И только в эту секунду она сообразила, что стоит на палубе в одной только полупрозрачной батистовой ночной рубашке и легком халате. Совершенно неподобающий наряд для леди, разговаривающей с джентльменом. В Англии подобную встречу сочли бы недопустимой – просто скандальной.

Правила очень строго определяли то, что может и чего не может делать незамужняя женщина. Ее должны были сопровождать – при любом появлении в обществе. Ей нельзя было одной ходить по Лондону, брать извозчика или ехать в незащищенном купе поезда. Отправляться на бал и уезжать с него можно было только с матерью, компаньонкой или, в самом крайнем случае, со служанкой. Ей нельзя было оставаться наедине с мужчиной в оранжерее, библиотеке или любом другом помещении. Матушка говорила, что соблюдение этих правил совершенно обязательно, а уж она-то в таких вещах разбиралась.

Конечно, сказала себе Элизабет, дома было бы крайне маловероятно, чтобы она оказалась наедине с мужчиной на палубе парохода посередине ночи.

Лорд Джонатан шагнул к ней, и ее сердце забило сильнее. Он показался ей еще выше, чем днем. Ей ясно видны

были его яркие глаза и темная тень на небритом подбородке.

На нем был длинный экзотический халат, надетый поверх фрачных брюк и рубашки. Однако воротника у рубашки не было, и пуговицы до самого пояса были расстегнуты, а рукава закатаны почти до локтей.

Свободный халат ничуть не скрывал его широких плеч, мускулистых рук и поджарого тела. В открытом вороте рубашки видна была крепкая смуглая шея. Его руки, покрытые пушком волос, имели бронзовый цвет – наверняка в результате долгих часов, проведенных под жарким солнцем пустыни.

Элизабет поймала себя на том, что потрясенно смотрит прямо на его обнаженную грудь.

Он был великолепен!

Ее рука невольно поднялась вверх – и она в последний момент удержала ее, не позволив себе прикоснуться к его коже. Ей никогда не приходилось видеть обнаженные части тела мужчины. И несмотря на это, она почему-то была уверена в том, что он более мускулист, мужествен и красив, чем любой ее знакомый.

И гораздо более опасен.

Она вдруг остро почувствовала, как тонка ткань, защищающая ее тело от ночной прохлады и незнакомца, который стоит всего в нескольких футах от нее. От нервного напряжения тело ее задрожало, руки и ноги покрылись мурашками. Ей слышно было, как отчаянно бьется ее сердце.

Лорд Джонатан оказался человеком очень наблюдательным:

– Вы замерзли, леди Элизабет?

– Просто холодный ветер подул, милорд, – ответила она. – Уже все в порядке. Спасибо.

Он пристально посмотрел на нее:

– Вам не спалось?

Она не видела смысла лгать.

– Не спалось.

Он неожиданно ласково заметил:

– Вы плакали.

– Немного.

– Отчего вам плакать, миледи?

– От красоты. Красоты Нила и этой страны, – призналась она тихим прерывистым голосом. «И из-за Анни», – добавила про себя.

– Эта страна при первом знакомстве может вызвать такую реакцию даже у мужчины. – Тут он поправился: – И конечно, у женщины. – По его голосу чувствовалось, как он любит эти места. – Египет – это страна легенд, застывшая между реальностью и мифом. Куда ни посмотришь, всюду видны тени прошлого.

– Да, это именно так! – воскликнула она, поднимая голову, – и встретила с ним взглядом.

На несколько мгновений оба забыли обо всем, думая только друг о друге.

У Элизабет еще сильнее забилося сердце. Губы пересохли, и она провела по ним кончиком языка. Казалось, волосы у нее на затылке зашевелились. Живот как-то странно заныл, грудь вдруг словно распухла, а соски стали тугими и приобрели непривычную чувствительность, так что прикосновение тонкой ткани рубашки было почти нестерпимо ощутимым. Ей захотелось прикрыть грудь руками, потому что в глазах лорда Джонатана вдруг загорелся чувственный огонь, понятный даже ей.

Она очень плохо знала мужчин, конечно, но ей случалось подслушивать разговоры дам из общества, искусственных красавиц, у которых были любовники. Приезжая погостить в Стенхоуп-Холл, они разговаривали о мужчинах.

Есть такие мужчины, которым достаточно было просто посмотреть на женщину, и она начинала чувствовать себя желанной. Такой мужчина может доставить женщине наслаждение, даже не прикасаясь к ней, не произнося ни единого слова. Именно так смотрел на нее сейчас лорд Джонатан, и от этого взгляда Элизабет задохнулась. Ей хотелось растаять в его объятиях.

Оба услышали плеск воды за бортом, и чары рассеялись.

Когда лорд Джонатан снова заговорил, на его губах появилась ироничная улыбка.

– Я был с вами не совсем честен, леди Элизабет.

Она отметила, что на его лице не было ни малейшего признака стыда.

– Неужели, милорд?

У него начался тик.

– Боюсь, что да.

Элизабет не знала, что следует ответить джентльмену, признавшемуся в своей нечестности, – если его, конечно, после этого можно назвать джентльменом.

Лорд начал беспокожно шагать по палубе.

– Я позволил вам, полковнику и миссис Уинтерз считать, что у меня с моими близкими хорошие отношения.

– А это не так? – невольно вырвалось у нее.

– Отнюдь не так, – проговорил он с такой горечью, что она изумилась. – Я расстался с ними уже много лет назад. По правде говоря, я не видел отца и моего старшего брата, Лоренса, с того времени, как умерла моя мать.

– А она умерла шесть лет назад, – тихо сказала Элизабет.

– Да, в это Рождество уже шесть лет, но...

Он явно недоумевал, откуда ей может быть известен этот факт.

– Вы сами упомянули об этом сегодня днем, за чаем, – напомнила ему Элизабет.

– Да, конечно, упомянул! – Он покачал головой, как бы сомневаясь в собственной нормальности. А интонацией будто выдал презрение к себе. – Я чувствую, что должен сказать вам еще кое-что.

Элизабет прижала руку к груди.

– Если это действительно нужно.

Ее разговор с этим джентльменом не укладывался ни в какие рамки правил благовоспитанности. Да, она оказалась в очень необычной ситуации.

Но с другой стороны, она ведь стремилась именно к необычному – в противном случае следовало остаться дома, в Йоркшире, поспешила напомнить себе Элизабет.

Лорд Джонатан энергично взмахнул обеими руками.

– В Нортумберленде всем известно, что некоторые мужчины в семействе Уиков рождаются с голубыми глазами и с прискорбной склонностью к некоторой необузданности.

– Некоторой необузданности? – переспросила она, не понимая, что он хочет ей сказать.

Он нахмурился, сдвинув свои красиво выгнутые брови, такие же темные, как волосы на голове, и попытался снова объяснить ей, что он имеет в виду:

– Отщепенцы, блудные сыны, леди Элизабет. В нашей семье раз в два поколения рождается паршивая овца.

Неужели этот человек совершенно безумен? Пытается обсуждать с ней вопросы сельского хозяйства посреди ночи?

– Паршивая овца, – эхом повторила она, испытывая легкое огорчение. – Не понимаю.

Он перестал шагать по палубе, остановился прямо перед ней и скрестил руки на груди.

– А я – самая паршивая из всех паршивых овец семейства Уиков. Именно поэтому я и уехал из дома. Поэтому шесть долгих лет не виделся с отцом и братом.

Она наконец поняла, о чем он говорит, и душа ее наполнилась состраданием.

– Милорд, я прекрасно понимаю ваши чувства, – с глубокой убежденностью заявила она.

Он был поражен.

– Понимаете?

Она кивнула:

– Я сама уже три года не видела отца. Да и тогда он пробыл дома всего две недели, а потом снова вернулся в Египет.

– Я не думаю...

Она прервала его, подняв руку:

– И дело не только в этом.

Он упер руки в бока и стал пристально ее рассматривать. Элизабет призналась себе, что его взгляд заставляет ее нервничать.

– Не только?

Ей было больно, но она чувствовала потребность рассказать ему все. Иначе как же доказать ему, что она действительно понимает?

– К сожалению, я нередко огорчала матушку.

Казалось, ее признание его изумило.

– Боже правый, что привело вас к такому выводу?

– Это яснее ясного, – ответила она просто. – Я слишком откровенна. Слишком упряма. Слишком импульсивна. И рост у меня слишком большой.

Он расхохотался.

– Рост?

Она обиделась:

– Я ничего не могу поделать с тем, что слишком высокая, милорд. Но я отказываюсь жаться в углу и казаться маленькой и хрупкой, когда я вовсе не такая.

Он попытался ее успокоить, мягко проговорив:

– Вы мне не кажетесь слишком высокой. По-моему, вы прекрасны.

Она покраснела от удовольствия.

– Это только потому, что сами вы такой великан, лорд Джонатан.

– Гм.

Не может быть, чтобы его смутили ее слова. Ей он действительно казался очень большим.

Элизабет решила быть с ним откровенной до конца. Вздыхнув, она сказала:

– Но и это еще не все.

Лорд не удержался, чтобы не поддразнить ее:

– Похоже, вашим грехам нет конца.

Она сделала глубокий вдох и решительно сказала:

– Я считаю, что лондонский сезон – это пустая трата времени и денег.

Его красивое лицо осталось совершенно серьезным, но Элизабет показалось, что он сдерживает смех.

– Правда? – наконец сказал он.

– Да. Это просто унижительно. Лондонский сезон приду-

ман только для того, чтобы продемонстрировать молодых девушек на выданье, как товар, выставленный для продажи.

– В этом что-то есть, – признал он.

– Но даже если это было бы не так, меня вывозить в свет просто опасно. Я совершенно не знаю, что говорить и делать. Я не умею вести светскую беседу. Я слишком высока для большинства мужчин. И...

– И?..

– Для меня невыносима мысль о будущем. Я должна выйти замуж за сына какого-нибудь графа, родить ему наследника и еще сына про запас. А потом буду беззаботно менять любовников, как делают другие дамы из круга Мальборо-Хаус.

– Из круга Мальборо-Хаус?

– Это те, кто находится рядом с его королевским высочеством принцем Уэльским, – объяснила она. – Я для такой жизни не подхожу, милорд. Совершенно не подхожу.

Казалось, его заинтересовали ее слова.

– А для какой жизни вы подходите, миледи?

Элизабет поняла, что сейчас выкажет себя глупой мечтательницей. Ну и пусть, решила она.

– Я хочу, чтобы моя жизнь была как можно полнее. Я хочу повидать мир, пережить массу интересных приключений, а потом, когда стану старше, хочу выйти замуж, жить в деревне и растить счастливых здоровых детей – чтобы их был целый дом. Мне не нужен великолепный особняк или огромное поместье, но мне хотелось бы иметь библиотеку и немно-

го земли для сада.

– Для сада? – повторил он звучным голосом.

– Да. В особенности для розария.

Лорд Джонатан уже не поддразнивал ее:

– А вы нашли его, того идеального мужчину, за которого выйдете замуж?

Она сама не сознавала, насколько невинным был взгляд, который она обратила к нему.

– Увы, нет.

Его речь вдруг зазвучала резко:

– Такой мужчина – это всего лишь мечта, леди Элизабет.

– Возможно, – ответила она. – Но это – моя мечта. И когда-нибудь я его найду.

Черный Джек затряс головой. Господи, что с ним происходит?

Ему не спалось, он вышел на палубу, чтобы подышать свежим воздухом. И вдруг начал читать этой девочке древнюю любовную поэму.

Нахмурившись, он напомнил себе, что сейчас не время кривить душой. Леди Элизабет – не девочка.

Она очень молода, это так. Но она отнюдь не ребенок. Разве может ребенок иметь такое чудесное тело и такой острый ум? В своем отделанном кружевами халате она казалась одновременно девочкой и женщиной, скромной и пылкой.

Чертовски неприятное противоречие.

На секунду лорд дал волю воображению. Прикрыв глаза,

он необычайно живо представил себе, какой шелковистой окажется ее кожа, когда он прикоснется к ней, как длинные густые пряди ее волос обовьются вокруг его руки.

От нее исходил легкий аромат, манящий, естественный. Звуки ее голоса ласкали его слух: чистые, мелодичные, с чуть заметной обольстительной хрипотцой, о которой она явно не подозревала.

Джек открыл глаза и заглянул в ее лицо. Губы у нее были влажные и свежие, нижняя казалась чуть припухшей. Ему вдруг захотелось узнать, каким окажется их вкус: медовым или, может быть, винно-сладким?

Он представил себе, как приникнет к ее губам, как кончиком языка проследит очертания ее ушка, как прижмется к нежному изгибу шеи...

Фигура у нее была неожиданно зрелой для девушки, которой еще не исполнилось восемнадцати. Он почувствовал, как его рукам хочется прикоснуться к ней, обхватить ладонями ее тугие груди, ощутить, как набухают страстью соски...

Он знал, что от его нежных прикосновений у нее дивно затрепещет живот. Завитки волос в самом его низу будут маняще-упругими. Она невинна, однако ее тело даст ему горячую и сладкую влагу страсти, которая останется на кончиках его пальцев, на губах, на пульсирующей желанием плоти, сводя его с ума, заставляя забыть обо всем, пока он не раздвинет ее дивные ноги и не погрузится в нее снова и снова,

пока не достигнет вершины экстаза, орошая своим семенем ее нежное лоно.

Черный Джек едва не застонал.

Сам того не желая, он позволил Элизабет увидеть гораздо больше, чем намеревался. Она тревожно спросила:

– Лорд Джонатан, что с вами?

Он поправил свое одеяние, чтобы не поставить их обоих в неловкое положение, и процедил сквозь зубы:

– Просто старая рана заныла, миледи.

Леди Элизабет преисполнилась трогательного сочувствия. Она даже осторожно прикоснулась к его руке.

– Бедняжка! Чем я могу вам помочь?

Ему страшно хотелось ответить ей честно: разрешите мне взять вас ко мне в постель, милая леди, и любить вас так, что у нас обоих в глазах потемнеет. Вместо этого он сказал:

– Ничем. Это, право, пустяк. Боль быстро пройдет.

Она не отступала:

– У вас старая рана?

Ему пришлось заставить себя дышать ровно.

– Очень старая.

Вопрос вырвался у нее почти неосознанно:

– Вы участвовали во многих войнах, милорд?

– Даже слишком.

– Значит, вы военный?

Он сказал ей правду:

– И военный тоже. А еще предприниматель, авантюрист,

исследователь. Я занимаюсь многим.

У нее разгорелись щеки и засверкали глаза.

– Как интересно! Иногда я жалею, что не родилась мужчиной: тогда я могла бы ехать куда хочу и делать что пожелаю.

Джек подумал, что Элизабет, вероятно, даже не подозревает о том, насколько она наивна и бесхитростна. Несомненно, она была бы очень недовольна, если бы узнала, что ее лицо для него – открытая книга. На нем отражались все ее чувства. В ней не было таинственности, искусственности, наигранности, женской хитрости. Она была именно такой, какой казалась, – в отличие от большинства людей.

В отличие от него.

Тут Джек подумал о другом объяснении. А что, если она из тех женщин, которые ненавидят собственную природу?

– Вам нравится быть женщиной, Элизабет?

Она ответила сразу же:

– О да! Конечно. Но я предпочла бы к тому же ни от кого не зависеть. Иметь собственные деньги и возможность делать то, что мне нравится.

– Выращивать розы?

– Да. И путешествовать, учиться – просто жить.

– В полном смысле этого слова.

Она кивнула:

– Вот именно.

Он не удержался и спросил:

– Вы когда-нибудь были наедине с мужчиной?

Она высокомерно вздернула носик:

– Конечно.

– Вот как.

– Ну... в некотором смысле. С Траутом.

– И кто же был этот Траут? – насмешливо осведомился он.

– Главный садовник Стенхоуп-Холла. Он работал у нас много лет назад.

Лорд сумел не показать смеха, который так и рвался наружу.

– И сколько же лет этому Трауту?

Она на секунду задумалась.

– Восемьдесят. Может, восемьдесят один.

– Думаю, Траута можно не считать. А другие?

Было заметно, что она пытается сохранить невозмутимость.

– Мой брат, Франклин. Папа, конечно. И кузен Хорас.

– О, кузен Хорас!

Она пробормотала что-то. Ему слышалось: «Но он друг матушки».

– Друг матушки?

Всегда бледное лицо леди Элизабет вдруг залила краска.

– Ее особый друг.

– Особый друг...

Обычно он не был таким тугодумом.

Она выпалила:

– Кузен Хорас – любовник моей матери.

Джек смущенно кашлянул.

– Понимаю.

Его собеседница поспешно объяснила:

– Естественно, они очень осмотрительны.

– Естественно.

– Но я уже давно это знаю. Надо полагать, все знают. –

Она нахмурила свои тонкие брови. – Вы не должны судить матушку слишком строго, как это поначалу делала я.

– Постараюсь, – сухо отозвался он.

– Повзрослев, я поняла, что отца интересует только египтология. Он уезжает и на целые годы оставляет мать.

– Она могла бы ехать с ним, – предположил Джек.

– Если бы матушка уезжала с ним в Египет, то некому было бы заниматься Стенхоуп-Холлом, фермами, землей и тысячами вопросов, которые возникают при управлении таким большим поместьем. А потом ведь были и мы, дети.

– Я удивлен, что у вас появился такой глубокий интерес к Египту – ведь именно он отнял у вас отца.

Элизабет с чувством сказала:

– Египет меня зачаровывает. Так всегда было. Наверное, это у меня в крови.

Лорд снова испытал странное беспокойство.

– Вы поистине дочь своего отца.

Ему следует всегда об этом помнить. Он должен ни на минуту не забывать об этом. Он плывет по Нилу на «Звезде Египта» не ради удовольствия. У него есть святая обязан-

ность. Он дал клятву и должен ее сдержать.

Да, он совершил большую глупость, оставшись на палубе с этой девушкой. Если бы полковник или миссис Уинтерз застали их вместе, ему больше не разрешили бы говорить и даже видаться с ней. Почему-то при мысли о такой перспективе у Джека болезненно сжалось сердце.

Он опять заговорил более резко, чем следовало:

– Уже очень поздно. Глубокая ночь.

– Да, милорд.

Он снова произнес фразу, сказанную ей недавно в городе:

– Вы понимаете, леди Элизабет, что этот эпизод должен остаться нашей тайной.

Она переспросила:

– Остаться нашей тайной?

Ему пришлось говорить откровенно:

– Боюсь, что в противном случае это может повредить вашей репутации. Я давно не был в Англии, но не сомневаюсь, что нас осудят даже за такую случайную встречу.

– Осудят, – без всякого выражения повторила она.

Черный Джек отступил обратно в тень. Лунный свет упал ему на руку. Он проследил за взглядом Элизабет. Она не отрываясь смотрела на золотое кольцо, которое он носил в знак своей преданности принцу Рамсесу.

Глаза Элизабет сначала широко раскрылись, потом сощурились. По ее лицу было видно, как в ней борются любопытство и гнев. Она вскричала в изумлении:

– Там, у базара, были вы!

Он глубоко вздохнул и признался:

– Да.

Глава 4

– Я не люблю, когда меня обманывают, милорд, – проговорила Элизабет гневным тоном, как только поняла, что он сделал именно это – обманул ее.

– Конечно, миледи.

Элизабет гордо подняла голову. Она была возмущена и не скрывала своей ярости.

– Я не люблю, когда мне лгут и когда меня дурачат.

– Конечно, миледи.

Терпение у нее было на пределе.

– И мне не нравится, когда со мной говорят покровительственным тоном.

– Конечно, миледи.

Она топнула ножкой о палубу.

– И я хочу, чтобы вы перестали на все мои слова отвечать только «конечно, миледи».

– Конечно, миледи.

– Ну вот! Опять!

– Прошу прощения, миледи.

– Вы, милорд, совершенно невыносимы.

– Конечно, ми... – В последнюю секунду лорд Джонатан успел остановиться.

– Однако вы спасли меня от тех ужасных грабителей. – Элизабет решила, что надо отдать ему должное. В конце кон-

цов, справедливость этого требовала. Он пришел ей на помощь. Вполне вероятно, что он спас ее от судьбы, которая была значительно страшнее смерти. – За это я вас благодарю.

Чуть наклонив красивую голову, лорд Джонатан пробормотал:

– Рад служить вам, леди Элизабет.

Она скептически выгнула бровь и начала нервно притопывать ногой.

– Мне хотелось бы узнать одну вещь, милорд.

Он с любопытством посмотрел на нее:

– Да?

В ее голосе ясно звучала подозрительность:

– В тот день на базаре... почему вы шли следом за мной?

– Шел за вами, миледи?

– Да, шли за мной.

У него плохо со слухом или с головой?

Его лицо приняло хорошо отработанное выражение полной невинности.

– А что заставило вас думать, будто я...

Она бесцеремонно прервала его:

– Не принимайте меня за дурочку, лорд Джонатан. Пусть я молода, пусть немного наивна, но я не глупа.

Он ответил долгим пристальным взглядом.

– Я никогда не считал вас такой.

Возможно, это было правдой.

Когда-то мать вбивала ей в голову: джентльмены ожида-

ют от молодых леди, что те будут веселыми, остроумными и занимательными, и для этого вовсе не нужно, к примеру, говорить с ними о методах мумифицирования в Древнем Египте (она на собственном опыте убедилась, как джентльмены брезгливы). Конечно, все мужчины, с которыми она была знакома, относились к ней, как к безмозглой девчонке. Неужели и лорд Джонатан окажется таким же, как все остальные? Ведь она считает его самым необычным мужчиной, может быть, даже идеальным мужчиной.

Элизабет уперла руки в бока. Ее ножка продолжала постукивать по палубе.

– Ну?

Лорд Джонатан сделал пару шагов, так что теперь их разделяло всего несколько дюймов. Из-за своего высокого роста он буквально нависал над ней, но Элизабет не отступила, хотя для этого ей пришлось собрать все свое мужество.

– Вам никто не говорил, насколько вы неотразимы и прекрасны, когда злитесь? – Он взял ее за подбородок.

Она раскрыла рот от изумления. Никто не говорил с ней так, как лорд Джонатан. Никто не прикасался к ней так, как это сделал он.

– Нет, – с трудом выдавила она и не узнала собственного голоса.

– Значит, джентльмены, с которыми вы общались, были недопустимо глупы, – заявил он и, неожиданно наклонившись, припал к ее губам.

Ей лгали.

Все – мать, няня, старшая сестра Каролина. Болтливые служанки, разговор которых она подслушала как-то утром, когда они стирали пыль со скульптур, стоявших в коридоре у ее спальни. Даже Колетт.

Они все заставили ее считать, что когда-нибудь в один прекрасный день красивый молодой джентльмен (ее жених, конечно же), увлечет ее за кадку с пальмой в оранжерее, в музыкальном салоне или, может быть, в библиотеке и с великим трепетом и не особо умело, склонившись к ней, коснется губами ее губ – быстро, нежно и взволнованно. Вот таким, как она представляла, будет ее первый поцелуй.

Все ей лгали.

Она стояла на палубе. Она глядела снизу вверх на лорда Джонатана. И вот его язык ворвался ей в рот.

Она была потрясена.

Это был не поцелуй – это было вторжение. Вторжение самого интимного рода. Она была уверена, что вот-вот потеряет сознание. И возможно, так и случилось бы, если бы лорд Джонатан не обхватил ее талию.

В каком-то уголке сознания мелькнуло, что он очень сильный, жесткий и пугающий. А она вся внезапно превратилась в некое подобие желе, полностью лишённого мозга.

Его язык снова оказался у нее во рту, щекоча ей небо, дразняще толкая ее язык, скользя вдоль губ, а потом погружаясь глубоко-глубоко, чуть ли не в самое горло, пока она

не задрожала, не затрепетала всем телом, совершенно обесилев.

Элизабет не могла дышать, однако ее это почему-то не беспокоило.

Ей следовало бы почувствовать отвращение, а она вдруг поняла, что жаждет чего-то большего.

Не может быть, чтобы такие проявления чувств были нормальными. Но ей хотелось думать, что она не поступает предосудительно.

Лорд Джонатан привлек Элизабет к себе, и она ощутила жар, распространявшийся от его тела, необычный запах, свойственный ему одному. Это была пьянящая смесь крепкого бренди и экзотических приправ, густого турецкого кофе, который они пили после обеда, и еще чего-то, что, как она подозревала, было им самим.

Она почти не сознавала, что вцепилась пальцами в его рубашку. Она ощущала, как часто вздымается и опадает его грудь, похожая на стену из гладкой кожи и сильных мышц. Ее соски, защищенные только тонкой материей ночной рубашки и халата, терлись о густые завитки темных волос. У Элизабет кружилась голова. Ее бедра невольно подались вперед, и она ощутила, как у ее ног очутилось нечто непонятное: большое, жесткое, живое!

Сначала ей казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди, а потом оно вдруг стремительно ухнуло куда-то вниз. У нее как-то странно свернулись пальцы ног. В горле застрял

тихий вскрик. Ей надо было, чтобы он остановился. Ей надо было, чтобы он никогда не останавливался.

Если не знаешь, что делать, закрой женщине рот поцелуем, напомнил себе золотое правило Черный Джек и, наклонившись, прижался к губам Элизабет.

Это срабатывало всегда, должно было сработать и теперь. В конце концов, у любой женщины тоже есть в запасе несколько хитрых приемов.

По его красивому лицу промелькнула ироническая улыбка.

В то мгновение, когда их губы соприкоснулись, он понял, что это ее первый поцелуй. Она была застигнута врасплох: чуть приоткрытый рот, кончик языка прижат к ряду ровных белых зубов, его имя у нее на губах...

Джек снова напомнил себе, что она чертовски мила и наивна. Однако желание заставило его продлить поцелуй, привлечь ее к себе, погрузить пальцы в ее волосы – роскошный водопад огненного шелка, который ему так хотелось прижать к своему обнаженному телу.

Боже праведный, у нее был вкус ночи: темного бархата, волшебства и тайны.

Он вобрал в себя аромат ее тела. Совершенно необъяснимая вещь: он ощутил слабый запах роз. Проведя пальцами по нежной впадинке у основания шеи, он почувствовал отчаянный темп ее пульса. Под фарфоровой кожей едва заметно проступали голубые жилки.

Элизабет судорожно вздохнула, и он ощутил, как его кровь закипает страстью.

Несомненно, он желал гораздо большего, чем проникнуть языком в ее манящий рот. С наслаждением он покрыл бы поцелуями и ощупал все ее тело. А еще ему хотелось, чтобы и она прикасалась к нему, начала гладить, ласкать, ведя к вершинам экстаза.

Его плоть налилась желанием, он едва не потерял власть над собой. Он не испытывал столь быстрого и всепоглощающего возбуждения с тех дней, когда был совсем зеленым юнцом. Теперь это казалось и мукой, и блаженством.

Сознание посылало Джеку сигналы предостережения. А ему больше всего в эту минуту хотелось уложить Элизабет прямо на палубу, сдвинуть тонкую рубашку и погрузиться в ее тело.

Однако он этого не сделал.

Ее тихий вскрик заставил его опомниться:

– Лорд Джонатан!

Дьявольщина, ему нельзя любить ее прямо здесь. Это чересчур. Еще не время. Ему надо запастись терпением. Он должен остановиться – или потерять все шансы на то, что его миссия будет успешной.

Тяжело дыша, он неохотно отодвинулся от нее.

– Да, миледи?

Она была ошеломлена и встревожена.

– П-по-моему, это совершенно неприлично, милорд.

– Конечно, миледи.

– Нам не следует... нам нельзя...

– И мы не будем, – договорил он за нее с чуть кривой улыбкой.

Она вдруг резким движением затянула пояс халата и быстро произнесла:

– Я... должна пожелать вам доброй ночи, милорд. Не годится, чтобы Колетт проснулась и обнаружила, что меня нет в каюте.

– Избави Бог! – усмехнулся он.

Она чуть заметно кивнула:

– Я с вами прощаюсь, лорд Джонатан.

Он тоже кивнул ей:

– А я с вами, леди Элизабет.

Уже взявшись за ручку двери своей каюты, она приостановилась и обернулась к нему, чуть сдвинув брови:

– Люди это имеют в виду, когда говорят о том, что живут по-настоящему?

Ему с трудом удалось сдержать смех.

– Не совсем, миледи.

Она нахмурилась сильнее:

– Понимаю.

– Почему-то я очень в этом сомневаюсь, – пробормотал он чуть слышно, глядя, как за ней закрывается дверь каюты.

Оставшись один, Джек стремительно повернулся и направился к себе.

Карманные часы лежали на столике у его койки. Взглянув на них, он понял – ночь почти миновала. Что ж, все равно не удалось бы заснуть. Вечером Джек был сильно возбужден...

Он лежал с закрытыми глазами и видел прекрасную молодую девушку с невинным взглядом, женственным манящим телом и волосами, источающими аромат роз.

Глава 3

Ее провели.

Ее провели, вот и все. К такому выводу Элизабет пришла в следующие три дня.

В ту лунную ночь на борту «Звезды Египта» лорд Джонатан поцеловал ее по одной простой причине: для того, чтобы она забыла о вопросе, который ему задала. Совершенно очевидно, что он не хотел на него отвечать.

Этот человек был хитрее самого дьявола.

Элизабет проклинала его в ту ночь, ворочаясь без сна на своей постели и чувствуя, как сладко горят губы, обожженные его поцелуем. Негодяй. Нахал. Змей. Мошенник. Подлый соблазнитель. Развратник.

Правда, Элизабет не была уверена, что знает, какими бывают развратники. Она один раз видела это слово в книге и решила, что развратником не может и не захочет быть настоящий джентльмен.

Конечно, поведение лорда Джонатана свидетельствовало о том, что он не настоящий джентльмен. Но тогда и ее никак нельзя назвать настоящей леди. Ведь она была глубоко взволнована его поцелуем. Позже Элизабет боялась признаться даже себе самой, что не раз видела лорда Джонатана во сне.

Засыпала она уже под утро и просыпалась, ощущая вкус

его губ, помня аромат его тела. И сама вся трепетала от непонятного томления.

Все так ужасно! И так тревожно!

Если бы Элизабет была честна с собой, ей пришлось бы признать, что она совершенно не сопротивлялась. Один поцелуй, и она полностью забыла о том, какой вопрос хотела задать лорду Джонатану. Почему он шел за ней в тот день на базаре? И почему оделся, как местные жители, египтяне?

Элизабет все еще не находила ответа на эти вопросы. Но по крайней мере теперь она начеку и не допустит, чтобы лорд Джонатан во второй раз употребил против нее свое обаяние. Ему не удастся снова ее провести.

Элизабет решительно сжала губы и поправила тонкое шелковое белье, заканчивая утренний туалет. В каюте она сидела одна. Колетт отправилась за закусками для пикника, которые должен был приготовить для них кок.

В дверь постучали. Элизабет услышала знакомый голос Амелии Уинтерз:

– Леди Элизабет! Мы собираемся осмотреть английские сады и пирамиды. Вы уже готовы, моя милая?

– Я через минуту к вам присоединюсь, – откликнулась Элизабет, поспешно застегивая корсаж дорожного платья, одного из дюжины платьев, которые она привезла с собой в Египет. Их фасон придумала Колетт, а сшиты они были дома, руками йоркширских мастериц, и цвет у каждого был свой. В основе кройки лежала прекрасная идея: юбки ши-

ли из двух частей, и платье получалось очень практичным и удобным для верховой езды, для пеших прогулок и вылазок в горы.

Хитроумной француженке каким-то образом удалось убедить матушку в том, что подобный наряд не выходит за рамки благопристойности. Элизабет могла только радоваться – не нужно ни кринолина, ни турнюра.

Она обулась в удобные ботинки для прогулок и надела соломенную шляпу. Прихватив с туалетного столика бледно-голубой зонтик и такой же ридикюль, она поспешила присоединиться к своим спутникам.

Элизабет чувствовала, что щеки ее разгорелись от волнения.

Утром ее милая Колетт проговорила на своем родном языке, сверкая темными глазами:

– Я никогда не думала, что увижу Египет, пирамиды и охраняющего их сфинкса, миледи! Сам император Наполеон когда-то стоял в благоговении перед этими памятниками древности. Он сказал, что они появляются на горизонте, как вершины огромных гор.

Элизабет повернулась к своей подруге и наперснице:

– Старинная арабская пословица говорит: «Все на свете боится времени, но время боится пирамид».

Колетт восторженно захлопала в ладоши:

– И только подумать, что мы уже сегодня увидим эти удивительные сооружения!

«Уже сегодня», – повторила Элизабет про себя, чувствуя, как душа наполняется радостью.

Наступил день, которого Элизабет ждала уже много лет, мечтая своими глазами увидеть великие пирамиды. Она ускорила шаги, спеша присоединиться к компании.

– Али нанял большой экипаж, который отвезет нас к садам, – сообщил полковник, как только они собрались в салоне корабля. – Оттуда все, кто захочет, смогут проехать к пирамидам.

После этого пояснения компания сошла на берег и отправилась туда, где их ожидал молодой и очень благообразный проводник-египтянин.

– Может быть, миледи сядет впереди, откуда все хорошо видно, – предложил он Элизабет на безупречном английском и помог ей забраться в экипаж.

– Спасибо, Али, – сказала она и одарила его улыбкой.

Когда все устроились, Элизабет удивилась и встревожилась, обнаружив, что сидит между миссис Уинтерз и лордом Джонатаном. В течение всей поездки она необычайно остро ощущала соседство его полного жизненной энергии тела и вынуждена была мысленно признать, что это ей приятно.

– Очень мило, что вы присоединились к нашей маленькой экспедиции, милорд, – заметил полковник, сидевший напротив него. – В таких вылазках еще один мужчина всегда полезен. Никогда нельзя предсказать, с чем столкнешься.

– Очень рад, полковник. Я уже много лет не видел розария в английском стиле. Думаю, что получу немало удовольствия, – отозвался его молодой собеседник.

– А пирамиды, милорд? Вы и от них получите удовольствие? – поинтересовалась Элизабет.

Лорд Джонатан повернулся к ней, и его загорелое лицо внезапно осветила обезоруживающая улыбка – она-то как раз и вызывала в ней опасения.

– Конечно, получу. Но я хотел бы предупредить вас, леди Элизабет: никакие рассказы и иллюстрации не могут подготовить человека к первой встрече с пирамидами Гизы – последним, что осталось от семи чудес древнего мира. Все остальные исчезли. Давно исчезли.

От его слов у нее по спине пробежал странный холодок. Неожиданно глаза защипало от навернувшихся слез. Она больно прикусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

– Подумать только: когда восхищенный Юлий Цезарь стоял перед пирамидами, им уже было много тысяч лет!

– Так вы изучаете историю, леди Элизабет? – спросила сидящая рядом с ней женщина.

– Немного, миссис Уинтерз, – призналась она с осторожной улыбкой. – Как вы знаете, я гораздо лучше разбираюсь в садах и садоводстве.

Элизабет имела в виду прогулку, которую они вдвоем совершили по парку и садам, окружавшим Стенхоуп-Холл.

– Именно поэтому мы с мужем уверены, что вы получи-

те большое удовольствие от посещения садов, в которые мы направляемся.

– Возможно, вы слышали о леди Шарлотте Бейкер-Финч, – сказал полковник Уинтерз.

Он сидел абсолютно прямо, сложив руки поверх трости с серебряным набалдашником. «Военный человек навсегда остается военным» – таков был его девиз.

– Несколько лет назад, – продолжал полковник, – доктора посоветовали этой леди бежать от английских зим и устроиться здесь, в Египте.

– Насколько я знаю, она когда-то была довольно известной писательницей и хозяйкой светского салона, – напомнила его супруга.

Полковник кивнул:

– Теперь у нее дом в оазисе неподалеку от пирамид. Все-му европейскому обществу известны ее гостеприимство и ее розарий.

– Она очень любезно предложила нам заехать к ней, – объявила миссис Уинтерз таким тоном, словно сообщала о приглашении самой королевы.

Элизабет была очень рада этому, о чем и сказала.

Полковник добавил:

– Если верить слухам, леди Шарлотта свободно говорит по-арабски и считает возможным общаться с местным населением. Она часто носит лекарства больным.

– Египтяне считают ее знахаркой, – сказал лорд Джона-

тан. Наверное, он хорошо знал эту даму. – Ее очень любят в стране. Ауди готовы проехать много миль, чтобы она их полечила.

– Я читала «Письма из Египта», которые леди Бейкер-Финч опубликовала почти десять лет назад, – призналась Элизабет. – Рассказы о ее жизни и приключениях на Ниле вдохновили многих англичанок на путешествие в Египет.

– И вас она тоже вдохновила, миледи? – осведомился мужчина, сидевший рядом с нею. – Или вы намерены когда-нибудь написать собственную книгу приключений?

Что-то заставило ее посмотреть на лорда Джонатана, однако выражение его лица ничего ей не сказало. Элизабет попыталась вспомнить, не упоминала ли она о своем дневнике в ту лунную ночь, когда они встретились на палубе. Она очень живо помнила все: свет луны и напоенный ароматом лотоса воздух, великолепный Нил и таинственные рощи на берегу. Звук его голоса. Золотистую кожу его рук и груди. Озорную улыбку. Чувственный взгляд его лазурных глаз. Удивительный поцелуй, который потряс ее...

Но как Элизабет ни старалась, она не могла вспомнить, чтобы говорила о дневнике, записи в котором делала каждый вечер перед сном. Вроде бы не было разговора и о «Письмах из Египта», которые действительно глубоко тронули ее душу и сердце.

– Мне понравилась книга леди Шарлотты, – ответила Эли-

забет. – Но, готовясь к путешествию, я прочла и многое другое. Полковник очень любезно отыскал в библиотеке Стенхоуп-Холла несколько нужных томов – чтобы расширить мой кругозор. Думаю, он сможет подробнее сообщить об этом, милорд.

Полковник Уинтерз тут же начал самым подробным образом рассказывать лорду, какие именно книги он выбрал и по каким соображениям, после чего долго распространялся о том, как великолепна библиотека Стенхоуп-Холла.

Элизабет сдерживала улыбку. Намерения у полковника были самые лучшие, но иногда он впадал в занудство.

Вот и прекрасно! Пусть он «развлекает» лорда Джонатана до конца их прогулки.

Леди Шарлотта Бейкер-Финч оправдала свою репутацию. Ее беленый глинобитный дом стоял посередине пышного оазиса с чистыми голубыми озерами и уходящими в небо пальмами. У входа росло огромное рожковое дерево. И повсюду благоухали розы, розы – всевозможных размеров, цветов и форм.

Дом был не слишком большим, но и не маленьким. Служанка-египтянка провела их в гостиную, где леди Шарлотта возлежала на подушках дивана, который когда-то принадлежал малозначительному фараону девятнадцатой династии.

Набалдашники на деревянной раме ложа были покрыты золотом Нубийской пустыни. Изголовье и изножье украшали

изображения правителя-бога, фараона, сына Амона-Ра, сына Господина Вечности, Осириса. По бокам шла причудливая мозаика из африканской слоновой кости, сирийского серебра и бадахшанского лазурита (синий цвет был любимым у древних египтян).

– Добро пожаловать в мое скромное жилище, – приветствовала их леди Шарлотта. В руках она держала веер из слоновой кости и небольшую черную турецкую сигару.

Конечно, ее дом, увешанный богатыми вышивками и уставленный причудливой резной мебелью и множеством древних скульптур (некоторым предметам было несколько веков или даже тысячелетий), никак нельзя было назвать скромным жилищем.

– Садитесь, пожалуйста, – предложила леди Шарлотта после традиционной церемонии знакомства. – Сейчас моя служанка Анхай подаст нам кофе.

Элизабет окинула взглядом комнату и нашла себе подходящее кресло.

– Насколько я поняла из слов полковника и миссис Уинтерз, вы – дочь лорда Стенхоупа, – заговорила хозяйка дома, когда все, усевшись, осторожно взяли горячий кофе.

Элизабет придала своему лицу подобающее вежливое выражение.

– Да, это так.

– Вам у меня нравится? Милое мое дитя, не следует спешить с выводами. Признаюсь, что в последний раз делала

покупки в Париже... – Тут леди Шарлотта сложила веер и задумчиво начала постукивать им по губам. – Да, кажется, это было в 1858 году. Так что, видите ли, приходится как-то обходиться.

Элизабет отхлебнула кофе и чуть не подавилась густым варевом.

А тем временем взгляд леди Шарлотты уже скользил по остальным гостям и остановился на более молодом из двух присутствовавших джентльменов.

– А вы?..

– Джонатан Уик.

Взгляд серых глаз был пронизательным.

– И откуда вы, Джонатан Уик? – осведомилась она с нехарактерной для англичанок прямоотой.

– Родом я из Нортумберленда, – непринужденно ответил он.

– А где обитаете теперь?

– Теперь я живу в разных местах. То в Александрии, а то... в пустыне.

Внимательно слушавшая их разговор Элизабет заметила, что хозяйку дома ответ лорда Джонатана не удивил. В разговоре с ней он не упоминал о своих домах, кроме фамильного поместья в Англии.

Жаль, что Элизабет мало знает об этом человеке.

– Ваши спутники говорят, что вас интересуют мои розы, – сказала леди Шарлотта, обращаясь к Элизабет. При этом она

затушила сигару и бросила окурочок в сосуд, который показался ее молодой гостье настоящей древностью. – Хотите посмотреть на них прямо сейчас?

– Да, хочу.

Женщина медленно поднялась со своего трехтысячелетнего ложа и потянулась за деревянным посохом, стоявшим в углу.

– Можете подать мне руку, дитя мое. Я не так молода и подвижна, как раньше.

Элизабет поспешила на помощь и обнаружила, что под широким одеянием леди Шарлотты Бейкер-Финч скрывалось худенькое тело. Буквально кожа да кости.

Элизабет сочувственно подумала, как это, должно быть, печально: стареть в одиночестве и так далеко от родных мест. Находиться не в окружении собственных детей и внуков, а среди чужих людей и любопытствующих путешественников – и тех, кто совсем недавно уехал из Англии, и тех, кто служит на границах империи. Сердце Элизабет открылось крошечной женщине, которая оперлась на ее руку.

– Я несколько раз перечитывала ваши «Письма из Египта», – призналась она хозяйке дома, пока они медленно шли по направлению к саду. – Ваша книга вдохновила целое поколение англичанок на поездки в Египет, чтобы своими глазами увидеть эту чудесную страну.

Леди Шарлотте эти слова были явно приятны. Она улыбнулась, открыв потемневшие от табака зубы.

– Ну, это я просто бумагу марала, когда была помоложе. Но все равно приятно думать, что кто-то читает мои рассказы. – Склонив голову набок, она близоруко сощурила глаза, глядя поверх стекол пенсне. – Скажите мне, милая девочка, – (это слово прозвучало у нее почти как «тефочка»), – ваш отец близок к тому, чтобы открыть гробницу?

Элизабет насторожилась, однако сумела ответить так, что ее голос прозвучал спокойно и легко:

– Простите, но я не знаю, о какой гробнице вы говорите.

– О гробнице Мернептона Сети, – пояснила старуха, упоминая имя древнего фараона с таким хладнокровием, словно это было имя ее знакомого.

Элизабет насторожилась:

– Откуда?..

– Откуда я узнала, что лорд Стенхоуп ищет гробницу Сети? – с хриплым смехом закончила леди Шарлотта ее вопрос. – Все, что происходит в английской общине здесь, в Египте, рано или поздно становится известным мне.

– Я не подозревала, что мечта всей жизни моего отца привлечет всеобщее внимание.

– Возможно, не всеобщее, но мое – определенно, – отозвалась леди Шарлотта, удовлетворенно поджимая губы. Немного помолчав, она добавила: – Конечно, я сама против того, чтобы их выкапывать.

У Элизабет почему-то запершило в горле.

– Их выкапывать? Кого?

– Древних. Я считаю, что они имеют такое же право покоиться в своих могилах, как и все остальные люди.

Элизабет не удержалась от вопроса:

– А разве не правда, что большинство гробниц было разграблено еще в древности?

Седая голова наклонилась в утвердительном кивке:

– Правда.

– Тогда, если мы не раскопаем то, что осталось, следующее поколение грабителей просто вломится в гробницы и похитит все сокровища, какие удастся найти. И при этом они уничтожат все, что помогло бы нам лучше узнать древних.

Леди Шарлотта выгнула белоснежную бровь.

– Мне кажется, вы говорите так же, как ваш отец.

– Ну, я ведь его дочь.

– Значит, вы археолог?

– Нет, – ответила Элизабет.

– Но позволю себе предположить, что вы – египтолог.

Она встревоженно улыбнулась хозяйке дома:

– Я просто разделяю некоторые интересы своего отца.

После недолгого молчания леди Шарлотта проговорила:

– Понятно.

Элизабет почувствовала, что пора поменять тему разговора. Ступив па дорожку сада, она замерла, восхищенная прекрасной картиной, которая ей открылась.

– Никогда не думала, что увижу розарий посередине пустыни! – сказала она сдавленным от волнения голосом.

– Это вечный парадокс Египта, – тихо произнесла леди Шарлотта. – Богатые и бедные. Пустыня и разливы Нила. Зеленые поля и коричневые пески. Жаркие дни и прохладные ночи. Жизнь и смерть. Все это обладает непреодолимым магнетизмом, который некоторые из нас ощущают в Кемете, Черной стране. – Мудрая старушка повернулась к своей юной гостье: – Вы ведь относитесь к их числу, правда?

Помолчав пару минут, Элизабет призналась:

– Да, отношусь.

Ее признание заставило пожилую женщину улыбнуться. Однако улыбка почти мгновенно исчезла с ее лица, и она с полной серьезностью предсказала:

– Египет может изменить всю вашу жизнь, леди Элизабет. Та задумалась о чем-то своем.

– Может. – И спустя секунду добавила: – Я очень на это надеюсь.

– Двадцать пять лет назад Флоренс Найтингейл, приехав в Черную страну, как и вы сейчас, плыла вверх по Нилу.

– Да.

– Она написала домой, своим родным: «Можно только удивляться, как это люди, возвратившись из Египта, продолжают жить прежней жизнью». – Полный мудрости взгляд был устремлен на Элизабет. – Я, конечно, не смогла.

Элизабет невольно вздрогнула:

– Продолжают жить так же, как жили прежде?

Леди Шарлотта кивнула и тихим голосом сказала:

– Для меня все изменилось. Честно говоря, когда я вспоминаю свою первую встречу с пустыней, у меня до сих пор идет мороз по коже.

Элизабет не могла не спросить:

– А как вы впервые увидели пустыню?

И старуха рассказала ей об этом:

– Мы ехали в открытом экипаже. Со мной было несколько спутников и мой... и маленький мальчик лет семи. Мы слышали, что один из французских археологов открыл гробницу фараона, и, как многие до нас, горели нездоровым любопытством: нам хотелось увидеть царственную мумию в ее саркофаге.

Леди Шарлотта споткнулась и чуть не упала. Элизабет успела ее поддержать, и они медленно пошли по каменным ступенькам. Рассказ продолжился:

– Саркофаг фараона должны были погрузить на баржу и провезти ее вниз по течению Нила до самого порта Александрия. Там ее собирались перенести на французский корабль и отправить в Париж. Фараону предстояло навсегда расстаться со своей древней землей.

Элизабет воскликнула:

– Но это же нехорошо!

– Да, нехорошо. – Старуха вздохнула. – Когда древнего правителя извлекли из гробницы, места, где он обрел вечный покой, мужчины пустыни начали стрелять из ружей, как это принято делать на похоронах. Женщины выстроились вдоль

берегов Нила и завели плач. Странные звуки их траурных воплей разносились по Долине царей.

– Кошунство, – прошептала Элизабет.

– Кошунство, – откликнулась леди Шарлотта, печально качая закутанной в шаль головой. – Люди пустыни решили, что гробница фараона осквернена неверными, ненавистными иностранцами, не уважающими их мертвых. Ведь правитель-бог в течение многих веков лежал, погребенный под песком и камнем в том месте, которое мы зовем...

– Местом Истины, – закончила Элизабет фразу своей собеседницы.

Та нахмурилась:

– Вам об этом известно?

– Мне об этом известно.

– Так вы действительно одна из нас!

– Одна из вас?

Изуродованные старостью пальцы сомкнулись на ее запястье.

– Одна из тех, кто сердцем и душой понимает, чем Черная страна отличается от всех других уголков Земли!

– Да, кажется, я это понимаю, – прошептала Элизабет.

Обе молчали. Однако в следующую минуту послышались голоса остальных гостей, и леди Шарлотта предложила своей юной спутнице:

– Пойдемте, дорогая, позвольте мне показать вам мой сад посреди пустыни.

– Какая красота! – воскликнула Элизабет, когда они приблизились к массе желтых роз, которые водопадом ниспадали с невысокой каменной стены. Казалось, что, куда бы она ни устремила свой взгляд, ей встречалось новое чудо. – Желтую банкшийскую розу я узнала, а вот эта мне незнакома!

– Это штамбовая роза, «Американская колонна», – объяснила хозяйка. – Как видите, у нее широко раскрытые ярко-розовые цветы.

Они пошли по саду, обмениваясь впечатлениями и обсуждая каждый новый сорт, который им попадался.

Тут были розовые китайские розы, алые розы «Френшэм», красные «Розмари», колючие плети с белыми цветами «Мадам Плантье», желтая разновидность шотландской розы...

Тут были арки, покрытые розовыми, красными, оранжевыми, кремовыми и белыми цветами. Аромат растекался в свежем утреннем воздухе и впитывался в ткань платья Элизабет, так что вскоре она тоже начала благоухать, подобно розе.

Пока леди Шарлотта и леди Элизабет бродили по саду, за ними наблюдал мужчина с яркими глазами цвета неба на рассвете.

Он вглядывался в фигуру женщины, согбенной годами, приближавшейся к концу жизни, А потом – в фигуру девушки, гибкой, только начинавшей жить. И он знал, что это –

тоже часть парадокса Египта.

Черный Джек шагнул в сад, наклонился и вдохнул аромат красной розы, оказавшейся ближе всего.

Наступит день, пообещал себе лорд, когда он будет ласкать свою прекрасную Элизабет на ложе из розовых лепестков.

Глава 6

– С меня на сегодня больше чем достаточно этих роз! – объявила Амелия Уинтерз.

– Да, дорогая.

– И я никак не могу ехать верхом на этих проклятых грязных тварях, – добавила она с кислой миной, сильно испортившей ее обычно миловидное личико.

Полковник вздохнул. Его жена разозлилась, что случилось довольно редко.

По крайней мере на людях.

В уединении их каюты на борту «Звезды Египта» ему часто приходилось выслушивать ее претензии. Но теперь за Амелию ему было как-то неловко.

– Ты меня слышал, Хилберт?

– Да, дорогая.

Понизив голос, она ядовито прошипела:

– Я просто не сяду верхом на ишака!

– Да, дорогая. – Он сдержал улыбку, чтобы не разозлить ее еще больше, и добавил: – Насколько я знаю, воспитанные люди предпочитают пользоваться словом «осел».

– Мне нет дела до того, что предпочитают воспитанные люди! – огрызнулась она, хотя, конечно же, ей было до этого дело. – От этих чертовых тварей воняет.

– Я что-то не чувствую, – проворчал он.

Полковник был убежден, что вони от ослов гораздо меньше, чем от верблюдов.

– Я извинюсь перед всеми, – объявила ему она. – Пусть они едут дальше без нас.

Полковник нахмурил лоб и начал похлопывать тростью с серебряным набалдашником по голенищу сапога. Он всегда так делал, когда нервничал.

– Тебе не кажется, что было бы неразумно позволять леди Элизабет ехать одной?

– Но она же не будет одна, Хилберт! Ее будут сопровождать Колетт, Али и лорд Джонатан.

– Если ты уверена, что все будет в порядке, дорогая...

– Уверена, – решительно заявила она.

– Ну, тогда как желаешь.

Когда остальные путешественники присоединились к ним во дворе дома леди Шарлотты, Амелия достала из ридикюля надушенный платочек и прижала его к губам, потом слегка обтерла лицо.

– Сегодня утро особенно жаркое, не правда ли, леди Элизабет?

Полковник усомнился, чтобы Элизабет с ней согласилась. Элизабет Гест казалась свежей, словно тенистый лог в Шотландии.

– Должна признаться, что мне оно показалось довольно приятным, миссис Уинтерз. – Тем не менее девушка выказала должную озабоченность самочувствием своей дуэньи. –

Вы немного бледны. Вам нехорошо?

Амелия чуть покачнулась.

– В Египте такое яркое солнце! Иногда мне становится дурно.

– Вы хотели бы вернуться на корабль? – спросила леди Элизабет. Полковник Уинтерз заметил, что она изо всех сил старается скрыть разочарование.

Не успела Амелия ответить, как леди Шарлотта вмешалась в разговор.

– Глупости! – объявила она. – Если миссис Уинтерз плохо себя чувствует, ей гораздо лучше остаться здесь, у меня. Вы можете отправиться смотреть пирамиды без нее. – Она обратилась к Амелии: – Я ожидаю на ленч довольно занимательное общество. Приедут одни джентльмены: венгерский граф, какой-то малопоместный принц и пара послов. Откровенно говоря, было бы очень кстати, если бы за столом оказалась веселая, интересная и красивая молодая женщина. Возможно, немного полежав, вы почувствуете себя лучше и порадуете нас своим присутствием. – Тут она повернулась к полковнику: – И конечно же, вы, полковник Уинтерз.

– Буду счастлив, леди Шарлотта, – сказал он, склоняя свою благообразную голову. Потом, кашлянув, он добавил, бросив быстрый взгляд на Амелию: – Конечно, если ты согласна на это, дорогая.

Обмахиваясь платочком, жена слабо проговорила:

– Если я сейчас прилягу в прохладной затемненной ком-

нате, то, возможно, смогу присоединиться к вам за ленчем.

– Значит, все решено, – объявила леди Шарлотта. Энергичным взмахом руки она направила Элизабет и остальных к ожидавшим их осликам. – Желая прекрасно провести время. Когда вы вернетесь ближе к вечеру, мы будем вас ждать здесь.

– Дамы...

С этими словами полковник предложил руку крошечной хозяйке дома, а потом другую – бледной красавице, стоявшей рядом с ним. Он повел обеих женщин к дому посередине оазиса, предоставив остальным знакомиться с достопримечательностями дальше.

«Чертовски способная актриса эта Амелия, – думал полковник. – Но как она красива!»

Конечно, временами в ней чувствовался определенный недостаток воспитания. Но не стоило удивляться. Ведь Амелия поднялась с самого дна лондонского общества.

Мать полковника часто говорила: «Можно вытащить уличную девчонку из помойки, но нельзя вытащить помойку из уличной девчонки».

Амелия предпочитала думать, что она аристократична, потому что говорит на самом правильном английском – может быть, даже более правильном, чем его речь. Безусловно, ее отличали скромные манеры и красивая внешность. Но в этой милой с виду женщине пряталась уличная кошка – и у нее были острые коготки.

Элизабет никогда раньше не ездила верхом на ослике.

Она решила, что это немного похоже на езду верхом на пони, и ударила пятками в бока своему животному. Ослик был очень маленький, и, сидя на нем, девушка чувствовала себя настоящей великаншей.

– У моего скакуна есть имя? – спросила она у проводника-египтянина Али. Хотя, конечно, смешно называть жилистое низкорослое животное скакуном. Так можно было бы сказать об одной из ирландских чистокровных лошадей, которые стояли в конюшне Стенхоуп-Холла.

– Да, миледи. Вашего зовут Зизиния, – с достоинством сообщил Али. Его ослик шагал рядом с ее «скакуном». – У английского лорда – Калаун, а у вашей служанки – Уили, что на нашем языке означает «простофиля».

– А как зовут вашего ослика? – поинтересовалась она, наслаждаясь неспешной прогулкой по тенистой аллее.

– Мое животное зовется Тарбуш, потому что его рыжеватая шкура похожа на цвет традиционной шапочки с кисточкой, которую носят мужчины моего племени, – объяснил Али.

Элизабет вдохнула терпкий воздух и сказала:

– Климат пустыни мне нравится. Когда я уезжала из Англии, там было холодно, дождливо и ужасно гадко.

Али нахмурился:

– Мне трудно представить себе страну, где все расположе-

но близко и где есть зелень, много зелени.

Элизабет решила, что это подходящее описание Англии с точки зрения египтянина, живущего в стране, где все огромное и коричневое.

Он добавил:

– Я видел на картинках, как выглядит ваша страна. Но это, конечно, мало, чтобы представить, какая она на самом деле.

– Да, конечно, – согласилась Элизабет.

Ведь именно так было у нее в отношении Египта. Никакие картины и рисунки не могли передать величия этой страны. Ее можно было оценить, только увидев.

Она дернула поводья, чтобы Зизиния прибавила шагу. На лице она ощутила влагу – значит, Нил находится сразу за поворотом дороги. Так и оказалось: она повернула и увидела изгибы реки, по обе стороны которой тянулась широкая полоса плодородной земли. Вскоре они уже ехали вдоль реки, направляясь к цели своего путешествия.

Элизабет оглянулась. За темно-синей рекой, позади них, высилась цитадель Каира, построенная в двенадцатом веке султаном Саладином и увенчанная минаретами мечети Мухаммеда Али.

Река была усеяна белыми парусами фелюг – небольших парусных кораблей, с древних времен перевозивших по Нилу пассажиров и грузы.

Ближе к ним крестьянин погонял волов. Огромные жи-

вотные тащили примитивный деревянный плуг, взрыхляя плодородную почву, перемешанную с илом, который оставил разливающийся время от времени Нил. Две закутанные с ног до головы женщины медленно шли вдоль дороги, мерно покачивая бедрами под широкими одеяниями. На голове каждая несла глиняный кувшин. Вдали был виден оазис с пальмами – там группа людей (возможно, семья) собирала финики.

Египет прошлого и настоящего – он был одним и тем же.

С довольным вздохом Элизабет подняла голову и стала смотреть на естественный полог, созданный деревьями. Она наслаждалась их тенью.

– Эта дорога напомнила мне аллею лаймовых деревьев, которая ведет к моему дому, – сообщила она Али.

– Свой дом вы называете Стенхоуп-Холл? – спросил он.

Элизабет была несколько озадачена тем, что ему известно название их поместья.

– Ну... да.

Молодой человек объяснил:

– Ваш отец, лорд Стенхоуп, часто рассказывал мне об этом месте. – Он устремил взгляд вдаль. – Мне хотелось бы увидеть Англию и этот великолепный дом, который носит имя Стенхоупов.

– Возможно, вы когда-нибудь поедете на мою родину, – вежливо предположила она.

Элизабет вдруг залюбовалась благородным профилем

Али. Он напомнил ей царственных фараонов, которые когда-то правили этой «желтой страной».

– Возможно, когда-нибудь я поеду в Англию, – мечтательно произнес Али и тут же вернулся к своей роли проводника. Указывая на густую зеленую растительность над их головами, он сообщил: – Эти прекрасные деревья посадил Измаил-паша, чтобы дорога к древним памятникам была тенистой и доставляла удовольствие всем, кто пожелает совершить к ним паломничество. Солнце в нашей стране бывает очень жестоким, госпожа, и тень высоко ценится.

– Безусловно, – сказала она, зная, что иногда тень решает вопрос жизни и смерти.

Али выпрямился в седле и проговорил интригуяюще:

– Пока мы едем, я расскажу вам историю – древнюю историю о странном, непостижимом звере, которого называют сфинксом.

Элизабет заинтересованно посмотрела на проводника.

Али начал рассказ:

– Повернувшись лицом к восходящему солнцу, огромный лев с головой человека присел у подножия древних гробниц, этих таинственных каменных гор, которые указывают на сами небеса.

– У пирамид?

– У пирамид, – подтвердил он. – Говорят, что черты сфинкса – это черты короля Хафре, который правил много тысяч лет тому назад. Но моя история – о молодом принце,

который однажды ехал по пустыне и остановился отдохнуть в тени могучего зверя.

Элизабет хорошо знала эту легенду, но хотела услышать ее из уст местного жителя, да еще такого красивого интересного собеседника.

Али увлеченно рассказывал:

– Принц, устав от жары и солнца, решил поспать между гигантскими каменными лапами человека-льва. Заснув, он увидел сон, будто сфинкс заговорил с ним, пообещав трон Египта, если только он отгребет тот песок, который собрался вокруг зверя за долгие столетия.

– И когда принц проснулся...

– Он велел отгрести песок. И наступил день, когда принц действительно стал Тутмосом Четвертым, правителем Верхнего и Нижнего Египта, объединившим две страны, великим фараоном Египта. Это было, конечно, много веков тому назад.

– Много веков тому назад, – эхом откликнулась Элизабет.

– Конечно, тридцать три века назад, – сказал Али. – И в те времена сфинкс уже был древним.

Внезапно они возникли на горизонте, у начала бескрайних желто-коричневых песков Ливийской пустыни, величественно, немислимо возносясь к пустому небу, – великие пирамиды и их древний страж!

Элизабет не могла больше говорить, она не смела даже дышать.

Ей вспомнились слова лорда Джонатана, которые он произнес утром, когда они ехали в экипаже: «Считаю долгом предупредить вас, леди Элизабет, что никакие рассказы и иллюстрации не могут подготовить человека к первой встрече с пирамидами Гизы – последним, что осталось от семи чудес древнего мира».

Он сказал правду.

Элизабет считала, что готова к этой минуте, что не будет потрясена величием этих древних каменных гробниц, устремленных в небо. Усыпальниц, построенных из тысяч, нет, миллионов огромных известняковых блоков.

Она ошибалась.

– Mon Dieu! C'est magnifique! C'est merveilleux!¹ – прошептала Колетт, ослик которой затрусил рядом с Зизинией. Лорд Джонатан тоже подъехал ближе.

Он вдохновенно прочитал из сонета Шелли:

*Я – Озимандия, я – мощный царь царей!
Взгляните с завистью на плод моих деяний,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!*

Однако Элизабет испытывала не зависть. Ее переполняли изумление, благоговение и радость. Такая радость, какой она еще никогда не испытывала.

Девушка сморгнула с глаз слезы. Сердце ее отчаянно ко-

¹ Боже! Это великолепно! Чудесно! (фр.)

лотилось. Невольно она крикнула своему ослику:

– Быстрее, Зизиния! Теперь – быстрее!

Ей не терпелось увидеть вблизи великие пирамиды и охраняющего их сфинкса.

Глава 7

– Дайте мне руку, Элизабет.

Джек знал, что ей хотелось бы отказаться. Элизабет все эти дни старалась не видеть его, избегала, словно зачумленного. Но на этот раз ей требовалась помощь, чтобы подняться по огромным известняковым ступеням: иначе нельзя было попасть к входу в пирамиду Хеопса – они оба это понимали.

Девушка подняла голову, посмотрела на него, секунду покалебалась – и в конце концов вложила свою затянутую перчаткой руку в его ладонь.

Он широко ей улыбнулся. Это была победа – небольшая, но все-таки победа.

– Теперь не так трудно, правда?

– Да, милорд, – настороженно ответила она.

Он едва не потерял терпение.

– Как разумно, что вы надели тонкое платье, миледи. Жаль, что другие дамы, приезжающие в Египет, не столь практичны в своем выборе нарядов.

– Спасибо, – сказала она, и, продолжая подниматься, повернула к нему лицо, иронично выгибая изящную бровь.

Они ненадолго задержались на следующей площадке, и Джек прислонился к стене гигантского сооружения, уходящей вверх. Подниматься на пирамиду было действительно

трудно. Да еще такая жара – даже в ноябре. Ему хотелось сбросить нелепый сюртук, который требовалось носить в европейском обществе, и облачиться в одежды пустыни. В них было удобно и не так жарко. Но он не мог себе этого позволить. И без того было трудно – приходилось сдерживаться и вести себя, как положено английскому джентльмену.

Стараясь отвлечься, он сказал Элизабет:

– Мы немного передохнем и подождем здесь Али и вашу француженку. Они от нас немного отстали.

Элизабет посмотрела, где находятся их спутники, и сочувственно сказала:

– Боюсь, подъем слишком труден для бедняжки Колетт.

Он улыбнулся ей:

– Но не слишком труден для вас?

– Да, – честно ответила она, – для меня – нет.

– И почему же?

Джек видел, как Элизабет задумчиво поджала свои прелестные губки. Лицо ее затеняла соломенная шляпка.

– Возможно, потому, что я очень много хожу пешком, милорд.

– Много ходите пешком?

– Дома. В Стенхоуп-Холле. Гуляю каждый день. Прохожу несколько миль и даже больше. Вверх и вниз по холмам.

Он был озадачен.

– Почему?

Она пожала плечами:

– Я очень люблю прогулки и обожаю сады, так что я гуляю по садам.

Джек решил, что, наверное, есть какая-то прелесть в пешеходных прогулках без всякой цели. Он уже давно забыл, что можно заниматься чем-то просто так, без цели, себе в удовольствие. Жизнь в пустыне требовала другого, здесь все сводилось к выживанию.

Вынув из кармана серебряную фляжку, он предложил Элизабет:

– Не желаете сделать глоток прохладной воды?

Она отрицательно покачала головой.

Он поднес фляжку к губам и смочил их, проглотив только чуть-чуть воды – ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы прочистить горло от пыли. Еще одна привычка, порожденная пустыней, где вода была такой же ценной, как жизнь. Где вода и была жизнью.

А потом он, скрестив руки на груди, смотрел на профиль Элизабет – она в это время обзревала пустыню.

– Вы на меня уставились, милорд, – проговорила Элизабет, не поворачивая головы.

– Да, – признался он.

– Глазеть считается невежливо.

– Конечно, – подтвердил он, приблизившись к ней на шаг.

Джек заметил, что она замерла.

Он остановился.

– Вы избегали меня с той ночи, когда мы встретились на

палубе, Элизабет.

Ее лицо залила краска.

– Мне бы не хотелось, чтобы вы говорили со мной о той ночи.

Это его озадачило.

– Почему?

– Это нехорошо.

– Нет, хорошо.

– Вы не должны...

– Я должен.

– Пожалуйста!..

Джек был вынужден признать, что порой леди Элизабет, несмотря на свою красоту и юность, чертовски раздражает его.

– Я просто высказываю вслух то, о чем мы оба подумали, – сказал он ей напрямик.

Она посмотрела на него и сразу же отвела взгляд в сторону.

– Можете говорить за себя, милорд, но не пытайтесь определить, какие мысли в моей голове.

Он чуть слышно чертыхнулся.

– Прошу прощения, сэр! – сказала она, не скрывая глубокого возмущения.

Джек протяжно выдохнул и пробормотал:

– Покажите мне мужчину, который понимает, что происходит в голове женщины, и я увижу чертова гения.

– Вы нарочно ведете себя вызывающе, милорд.

– Вовсе нет, миледи. – Все шло совсем не так, как он планировал. Больше того, Джек сейчас и не смог бы вспомнить, что именно он планировал. – Элизабет, Элизабет... – Он несколько раз повторил ее имя, тихо и многозначительно. – Неужели вы не наслаждались той ночью на палубе?

Она продолжала смотреть прямо перед собой.

Он не хотел сдаваться. Решительно не хотел.

– Я могу поклясться, что вам были приятны мои поцелуи, вкус моих губ, прикосновения моего языка... А как ваше тело прижалось тогда к моему... видит Бог, мы выглядели красиво!

Элизабет ужаснулась:

– Молчите, милорд! Не произносите таких слов. Вас могут услышать!

Джек замолчал и огляделся. Поблизости никого не было – только Али и Колетт, которые медленно поднимались по ступеням.

– Кто может меня услышать?

– Кто-нибудь.

Он не отступал:

– Кто именно?

– Кто угодно. – Казалось, она только теперь поняла, что рядом никого нет и некому услышать его слова. Тогда она добавила: – Я вас услышу.

– Значит, я сказал неправду?

– Да, милорд. – Элизабет немного подумала. – Нет, милорд. Но некоторые вещи мужчина не должен произносить в разговоре с женщиной. Это... неправильно.

– А вы всегда поступаете правильно?

– Стараюсь.

Его губы изогнулись в насмешливой улыбке:

– До чего же вам, должно быть, это надоедает, леди Элизабет!

Элизабет продолжала не мигая смотреть прямо вперед. Потом она провела кончиком языка по губам, сглотнула с явным трудом и призналась:

– Я была не совсем правдива с вами. Я не всегда поступаю правильно, лорд Джонатан.

– Джек, – тихо поправил он ее.

Это было для нее полной неожиданностью.

– Джек?

– Пожалуйста, называйте меня Джеком.

– Это... это кажется неправильным...

– Вы только что сказали мне, что не всегда поступаете правильно, – напомнил он ей.

Элизабет вздохнула:

– Это правда. Наверное, это мой самый серьезный недостаток.

– Или ваша самая сильная сторона, – проговорил он с обманчивой мягкостью. – Не беспокойтесь. Если кого-то и надо винить в том, что произошло той ночью на палубе, то

только меня. Вы по-прежнему «чисты как снег, не тронутый лучами солнца».

– Лорд Теннисон? – спросила она, невольно заинтересовавшись.

– Шекспир, – ответил он, и глаза его блеснули от удовольствия. – Плоды классического образования. Или по крайней мере его части.

Элизабет мрачно заявила:

– Благодарю вас за доброту, милорд, но боюсь, что это не так.

– Что не так?

Ее затянутая в перчатку рука легла ему на грудь.

– Что я «чиста, как...»

– «...снег, не тронутый лучами солнца»?

Она кивнула и потупилась.

У Джека перехватило дыхание. Что она имела в виду, черт побери?!

Бедняжка смущенно прошептала:

– Мне это было приятно, милорд.

Красивое лицо Черного Джека озарила ленивая чувственная улыбка.

Он на это надеялся и теперь знал наверняка.

Джек с облегчением вздохнул:

– Вам совершенно нечего стыдиться, Элизабет. Что бы вам ни вбивали в голову ваши воспитательницы, очень хорошо, когда женщине приятны поцелуи и ласки мужчины.

Элизабет медленно подняла глаза.

– А мне будут приятны поцелуи любого мужчины, милорд, или только ваши?

Такой вопрос был для него полной неожиданностью.

– Простите, миледи?

– Значит ли это, что я распутница и мне будут приятны поцелуи любого джентльмена, а не только ваши? – Щеки у нее пылали. – Не бойтесь сказать мне правду, лорд Джонатан. Я хочу знать.

Джек несколько секунд растерянно втягивал ртом воздух.

– Я не боюсь сказать вам правду, – выговорил он наконец, а про себя добавил: «Нет, я ошарашен и немного испуган». – Конечно, вы не распутница! – Он оказался в щекотливом положении и прекрасно это сознавал. – Думаю, мы можем смело сказать, что ваша реакция на мой поцелуй была милой, свежей и наивной.

– Наивной? – Элизабет нахмурилась. – Это должно означать, что я целовалась, как девочка?

– Не совсем.

Он оказался между молотом и наковальней – очень неудобное место.

Она сощурила глаза:

– Вы имели в виду, что я не умею целоваться?

Он неловко переступил с ноги на ногу.

– Вы, возможно, захотите приобрести опыт в этом деле, – сказал он как можно дипломатичнее.

По ее юному лицу пробежала тень тревоги.

– И как вы посоветуете мне приобрести этот опыт, милорд?

Наступила неловкая тишина: Джек окончательно потерял дар речи.

Она поспешно спросила:

– Вы рекомендуете мне практиковаться с любым джентльменом, который выкажет такую готовность? Или вы имели в виду какого-то определенного мужчину?

Черный Джек вдруг почувствовал, что не знает, говорит Элизабет серьезно или решила его разыграть.

Она не отступалась:

– В конце концов, я ведь сказала, что хочу вести как можно более полную жизнь!

Он судорожно стиснул зубы.

– Буду счастлив услужить вам, леди Элизабет, если вы начнете жить полной жизнью.

Она опять выгнула шелковистую бровь.

– Вот как, милорд?

Неужели она над ним смеется? Смелая девица. Но кто будет смеяться последним?

По лицу Черного Джека пробежала легкая улыбка:

– Безусловно, миледи.

– Подъем очень крутой, правда, миледи? – пыхтя от усталости, сказала Колетт, когда они с Али наконец добрались

до входа в пирамиду Хеопса. – Как странно! Зачем древним строителям понадобилось сделать вход так высоко?

Али объяснил ей:

– И в древние времена боялись воров. Фараон опасался, как бы воры не разграбили сокровища, приготовленные для его потусторонней жизни. И те, кто строил эту пирамиду, постарались перехитрить грабителей, расположив вход в двадцати четырех футах к востоку от середины и в пятидесяти пяти футах над основанием. Благодаря этому снизу отверстие было не видно.

– Они поступили очень хитро, – вступил в разговор лорд Джонатан, – но все-таки недостаточно хитро. Усыпальницу все равно разграбили еще в древности. Расположение входа стало известно еще во времена Христа. – Он покачал головой. – Потом эти сведения были утеряны и, согласно легенде, были заново открыты уже в девятом веке. Элизабет была зачарована.

– А что это за темная дыра? – спросила она, указывая на место неподалеку от них.

На этот вопрос ответил Али:

– Сын знаменитого Гаруна аль-Рашида пробил вход в пирамиду ради сокровищ, которые якобы в ней хранились.

Имя показалось Элизабет знакомым, но она никак не могла вспомнить, где именно оно встречалось ей.

– Гаруна аль-Рашида?

– Да, о Гаруне аль-Рашиде знают хотя бы по сказкам «Ты-

сячи и одной ночи».

Элизабет захлопала в ладоши:

– Замечательно!

– Эта дыра – новый проход, который пробил его сын, халиф Сиамун, – сказал Али.

Колетт оживилась, как только услышала слово «сокровище». Она повторила вслед за Али:

– Сокровище?

Их проводник пояснил:

– Ходили слухи, что внутри пирамиды спрятан изумруд гигантских размеров. Конечно, там так ничего и не нашли.

Лорд Джонатан добавил:

– Некоторые по-прежнему считают, что в этой пирамиде есть потайные коридоры и неоткрытые усыпальницы.

Али подтвердил, что это действительно так.

Джонатан Уик со смехом сказал:

– А еще на одном из бесчисленных камней можно увидеть самый странный иероглиф из всех когда-либо обнаруженных в Египте.

Элизабет заглянула ему в лицо:

– И что он означает?

– Его можно перевести так: «Верх здесь».

Она рассмеялась:

– Древняя шутка!

Он тоже засмеялся:

– Совершенно верно.

– Пришло время войти в пирамиду, ситте, если вы готовы, – предложил Али.

– Я готова, – уверила его Элизабет, хотя у нее снова отчаянно билось сердце, а ладони, скрытые перчатками, были, как ей показалось, влажными от пота.

– Будьте осторожны, миледи. И вы тоже, милорд. Путь длинный и временами опасный, – предостерег их Али.

Пирамиду Хеопса считали одним из семи чудес света за ее гигантские размеры, однако Элизабет знала, что ее внутреннее устройство с переходами, коридорами, вентиляционными отверстиями, большой галереей и усыпальницей фараона тоже было чудом архитектуры.

– Сначала нам надо попасть в большую галерею. Она очень длинная и узкая, – сообщил молодой проводник. – После того как мы спустимся почти на сто футов по одному наклонному переходу, а потом поднимемся еще на сто шестьдесят – и все это в толще пирамиды, – мы доберемся до помещения, в которое внесли фараона.

Они вереницей двинулись в проход.

Внутри пирамиды оказалось холодно.

Холодно и темно, поняла Элизабет с содроганием, когда они начали свой спуск в самое сердце великой пирамиды. Впереди, в каменном коридоре, держа в руке факел, ожидал их человек, закутанный в широкое одеяние с капюшоном. Примерно в сорока футах дальше, на самом краю полной темноты, стояла еще одна закутанная фигура с факелом.

лом. Дальше оказалась еще одна и еще... Их факелы служили единственным источником света в огромной каменной гробнице.

Элизабет старалась справиться с волнением и развеять страх, затаившийся в уголке ее сознания. Она слышала стук своего сердца и свое шумное дыхание, которое становилось все более и более затрудненным. Хотя потолок коридора находился достаточно высоко над ее головой, она остро ощущала присутствие многих тонн камня, нависавших над нею.

Элизабет всмотрелась вперед, в наполненный тенями переход, и не заметила, что шедшая впереди нее Колетт внезапно остановилась, как вкопанная. Элизабет невольно налетела на нее.

– Миледи...

– Что случилось, Колетт?

У молодой француженки отчаянно дрожал голос:

– Н-ничего.

– Нет, что-то случилось. В чем дело?

– Мне страшно.

– Страшно?

– Oui, миледи.

Элизабет невольно перешла на шепот:

– Чего ты боишься?

– Не знаю, миледи.

Служанка дрожала всем телом.

– Ты замерзла?

– Oui.

– Голова кружится?

– Oui.

– Тебе нехорошо?

– Oui.

– О Боже!

– Мне очень-очень жаль, миледи, но, кажется, у меня болезнь, от которой страдают некоторые люди, когда оказываются в закрытом помещении. Мне трудно дышать.

Элизабет ободряюще похлопала служанку по плечу:

– Постарайся успокоиться и дыши глубже.

Ее спутница застонала:

– *C'est impossible*². У меня сердце вот-вот разорвется, миледи. Ноги меня не держат. Боже, я испортила вам посещение пирамид!

Элизабет прекрасно владела собой в критических ситуациях. Дома она часто успокаивала мать, или свою старшую сестру Каролину, или одну из служанок Стенхоуп-Холла. Она привыкла к тому, что некоторые женщины постоянно впадают в истерику. К счастью, она была не такой. Вот и сейчас ей очень пригодится умение не терять головы.

– Ничего, Колетт. Ты не виновата, – сказала она совершенно спокойно. – Бывает.

Али вернулся туда, где они остановились, а лорд Джонатан, шедший последним, быстро догнал их.

² Это невозможно (фр.).

– В чем дело, ситте? Почему вы задержались?

– С вами все в порядке, Элизабет?

– Со мной все в порядке, – ответила она обоим мужчинам. – Но вот Колетт... Она плохо себя чувствует.

– Все дело в этом... месте, – всхлипнула француженка. – У меня такое чувство, будто стены наваливаются на меня!

Проводник воскликнул:

– Э, такое бывает! Не все ведут себя спокойно внутри гробниц.

– Придется идти обратно, – заявила Элизабет. – Вот и все.

– Нет, миледи! – запротестовала ее служанка. – Вы должны идти дальше! Я не хочу портить вам день. Я могу вернуться одна.

– Немыслимо, – ответила Элизабет ласково, но твердо, – коридор слишком крутой и скользкий.

Лорд Джонатан вмешался в разговор:

– Леди Элизабет права.

Колетт отчаянно вскрикнула:

– Но, милорд!

– Проблему мы решим очень просто. Али выведет вас наружу, мадемуазель. Вы будете дожидаться нас в деревне у основания сфинкса, где мы оставили осликов. – Он повернулся к их молодому проводнику. – В корзинке есть бутылка вина. Налейте мадемуазель Дюве немного, чтобы успокоить ее нервы.

Али склонил свою красивую голову:

– Это я сделаю, милорд.

– А мы с леди Элизабет все-таки осмотрим усыпальницу фараона. И скоро к вам присоединимся.

– Да, милорд.

– Пока, Колетт! – крикнула Элизабет вслед уходящей служанке, которая вместе с Али направилась обратно к выходу.

Даже когда Колетт и Али скрылись из виду, Элизабет все еще оставалась в нерешительности. Ей было одновременно и страшно, и захватывающе интересно остаться наедине с лордом Джонатаном. В конце концов желание увидеть самое сердце пирамиды Хеопса перевесило чашу весов в пользу того, чтобы продолжить путь.

Лорд Джонатан чуть поклонился:

– Сюда, миледи. – С этими словами он согнул руку в локте. – Возможно, было бы разумнее взять меня под руку. Как вы сами сказали мисс Дюве, коридор крутой и скользкий.

Элизабет рада была опереться на его руку:

– Это так, милорд.

Они пошли дальше, обсуждая, какое огромное количество рабочих требовалось для строительства пирамид Гизы и как после завершения строительства рабочие уходили по специальным коридорам. Говорили, что здесь есть потайные помещения, так и не найденные в течение многих тысяч лет.

Так они добрались до большой галереи и начали подъем к погребальной камере.

Пройдя примерно половину каменной лестницы, лорд

Джонатан остановился и достал из кармана свою серебряную фляжку.

– Не хотите сделать глоток воды?

Элизабет кивнула. Она поднесла фляжку к губам, наслаждаясь тем, как прохладная влага стекает в пересохшее горло. Сделав пару небольших глотков, она с благодарностью вернула фляжку лорду Джонатану и увидела, как он поднес ее ко рту, прижавшись губами к тому месту, где всего несколько секунд назад находились ее губы.

По телу Элизабет пробежал холодок совершенно иного свойства. Она очень остро ощущала присутствие лорда Джонатана (сможет ли она когда-нибудь заставить себя называть его Джеком, как он просил?). Никогда прежде присутствие мужчины не внушало ей подобных чувств. Она ощущала его запах, вкус его губ, прикосновение его Рук – хотя стояла, даже не касаясь его! Это было весьма тревожно и непонятно.

– В день похорон тело Хеопса пронесли по коридору и положили в приготовленный для него каменный саркофаг, где он должен был бы лежать вечно, – объяснил лорд Джонатан, когда они вошли в усыпальницу.

Помещение было гранитным и неожиданно просторным. Высокий свод был едва виден в полумраке. Вдоль стен стояли лампы, а перед ними высился пустой саркофаг могучего фараона.

У Элизабет перехватило горло.

– Древние грабители в своей бешеной спешке обломили

край саркофага Хеопса, – рассказывал лорд Джонатан. – Они выбросили из гробницы тело фараона, сорвали с него драгоценные знаки власти и великолепные украшения. От Хеопса осталась кучка тлеющей плоти, обрывки покрывал были разбросаны по полу.

– Кощунство, – прошептала Элизабет.

– Кощунство, – согласился лорд Джонатан.

Кощунство.

Кощунство.

Слово эхом отразилось от каменных стен усыпальницы. Элизабет содрогнулась и с трудом подавила желание обхватить лорда руками.

– Вам страшно, Элизабет?

Она моментально возразила:

– Нет!

Но почти сразу же ответила более честно:

– Да.

Его голос звучал негромко и глухо:

– Здесь нет призраков. Здесь нет никого, кроме нас с вами.

Дыхание ее стало частым и прерывистым.

– Я... знаю.

– Вы страдаете тем же недугом, что и ваша служанка?

– Нет.

– Тогда чего вы боитесь?

Ей неудержимо хотелось ответить: «Многого. Вас. Меня. Нас. Этого места. Этой страны. Чар, которые она навевает».

– Идите сюда.

Сама не понимая, что заставляет ее подчиняться, Элизабет неуверенно сделала шаг к нему.

– Ближе.

Она сделала еще один осторожный шаг.

– Еще ближе.

Теперь она оказалась прямо напротив лорда Джонатана.

– Я знаю, что вам холодно, страшно и очень одиноко. – Он говорил тихо и чуть хрипло. Роскошная сеть его слов оплетала ее так же крепко, как охватывает добычу силок охотника. – Достаточно только протянуть руку – и вам будет тепло, спокойно и больше не одиноко.

Ей хотелось ответить, что она привыкла к одиночеству, особенно в последний год, после того, как ее милая, нежная Анни умерла от чахотки.

– Не бойтесь жизни, Элизабет.

Ее сестра не боялась жизни и все равно так мало ее видела!

Элизабет решилась – и положила руку в перчатке на руку лорда Джонатана. Только самые кончики пальцев... но это было началом. А потом она подалась к нему, глубоко вздохнула и положила голову ему на плечо.

Он был сильный и надежный. Ровное и мощное биение его сердца у нее под щекой внушало уверенность. Он был человеком из плоти и крови, как все, и в то же время он был непохож на всех остальных людей. Как он и обещал ей, тепло

его тела согрело ее. Руки, которыми он обхватил ее, придали ей сил. Она удовлетворенно вздохнула.

Прошло несколько минут, и Элизабет тревожно шевельнулась, ощутив, что между ними что-то изменилось. Лорд Джонатан больше не успокаивал ее. Она ощутила странно жесткий бугор, образовавшийся в его брюках. А когда она случайно прикоснулась к этой непонятной выпуклости, там что-то зашевелилось! Из груди лорда Джонатана вырвался глухой стон.

Она поспешно отступила.

– Милорд?

Он резко и яростно бросил:

– Что?

– Что это, милорд?

– О чем вы? – процедил он сквозь зубы, словно страдал от боли.

Элизабет боялась спрашивать дальше. А что, если у лорда Джонатана какой-то ужасный недуг, о котором не принято упоминать в обществе? Да, конечно, она заметила его недуг только в ту ночь, когда они были вдвоем на палубе «Звезды Египта»! В остальное время лорд Джонатан казался совершенно нормальным.

Проклиная собственную неосведомленность, она неуверенно продолжила:

– Это потому, что я распутница, милорд?

Он шумно втянул в себя воздух:

– Вы не распутница, Элизабет. По-моему, я вам уже об этом говорил.

Она густо покраснела от стыда.

– Но этот странный... недуг, который вас настигает... Я не могла не заметить, что это случается только тогда, когда мы с вами остаемся вдвоем.

Он проговорил, не скрывая досады:

– Вас что, вообще ничему не учат?

Моментально возмущившись, она ответила:

– Конечно, учат! Меня учили читать и писать, преподавали историю и географию, латынь и французский язык.

– И?..

Элизабет не понимала, что ей надо сказать еще. Она ответила первое, что пришло в голову:

– Матушка научила меня, как разливать чай, как сидеть за столом, как понемногу пить шампанское (хотя мне не разрешается пить вино, пока меня не начнут вывозить в свет), как определить качество жемчуга, как положено есть птицу...

Лорд Джонатан прервал ее перечень:

– А чему они учат вас в отношении мужчин?

– Мужчин, милорд?

– Да, мужчин!

– Ничему, милорд.

Он застонал:

– Вот этого я и опасался. Чертовы ханжи!

– Сэр!

– Да, ханжи!

– Кто ханжи, милорд?

– Все общество. Особенно светское общество в Англии, – сказал он полным укоризны голосом. Он осуждал их всех без разбору!

Она попыталась догадаться, что стало причиной его осуждения.

– Боюсь, что я не понимаю вас.

Джонатан Уик стоял, широко расставив ноги и уперев кулаки в бока, – она вспомнила шекспировское сравнение мужчины с Колоссом.

– Вам не рассказывали о том, что происходит между мужчиной и женщиной?

– Только то, что женщина должна во всем подчиняться мужу. – Она сразу же добавила: – Правда, я не видела ни одной женщины, которая бы на самом деле так поступала.

Он презрительно фыркнул:

– Понимаете ли вы, что значит заниматься с мужчиной любовью, Элизабет?

Ей казалось, что она вот-вот задохнется.

– Понимаю.

– И что же это значит?

Она почувствовала, что краснеет еще сильнее.

– Это значит, что мужчина и женщина целуются. И может быть, обнимают друг друга.

– Вот так? – Лорд Джонатан шагнул вперед и сильными

руками обхватил ее талию. А потом он склонил голову и прикоснулся к ее губам – быстро, легко, нетребовательно – после чего выпрямился и посмотрел ей в глаза. – Это мы сейчас, по-вашему, занимались любовью?

– Кажется, нет, милорд, – ответила она, с трудом выталикивая слова из внезапно пересохшего рта.

Он властно привлек ее к себе. Его рука начала скользить по ее плечу. Пальцем он проследил линию ее нижней губы. Ее губы невольно полуоткрылись.

– А так мы занимаемся любовью?

Она отрицательно покачала головой, хотя уже не была уверена в правильности своего ответа.

Он зарылся лицом в ее волосы, и Элизабет поняла, что он вбирает в себя ее аромат. У нее оборвалось сердце и задрожали колени, а всякая способность здраво мыслить исчезла.

Ей что-то нужно было от лорда Джонатана, но в ее словаре не было для этого слова. Она была на пороге какого-то открытия. Ей казалось, что она стоит на краю огромной пропасти и вот-вот в нее сорвется. Напряжение было невыносимым.

– Лорд Джонатан...

– Джек, – напомнил он.

– Джек, пожалуйста!

– «Джек, пожалуйста» что?

– Не знаю. Просто пожалуйста.

Она была в смятении. Ей хотелось большего – но чего?

– Благословенная Баст! – воскликнул он, снова обхватил ее талию и приподнял так, что ее лицо оказалось на одном уровне с его лицом. – Эти ханжи должны были бы, черт возьми, учить вас, английских девиц, чему-то полезному, хотя бы для того, чтобы вы знали, как о себе позаботиться!

С этими словами он немного встряхнул ее.

Она громко ахнула.

– Посмотрите на меня, Элизабет, – приказал он таким тоном, что ей и в голову не пришло послушаться.

Она неохотно подняла взгляд и посмотрела прямо ему в глаза:

– Да, милорд.

Чуть помедлив, он решительно произнес:

– Ради вашего же блага я намерен заняться вами и научить тому, что надо знать про мужчин и женщин.

Она чуть не задохнулась. Разве он уже не «занялся» ею?

– Про мужчин и женщин, милорд?

Он поставил ее на пол и гордо выпрямился – словно монарх, объявляющий свою королевскую волю.

– А конкретно я намерен объяснить вам, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они занимаются любовью.

Глава 8

Элизабет, немного успокоившись, с интересом смотрела на своего нового «учителя».

– Мы начнем с поцелуя, – объявил он.

Она сосредоточилась. Не хотелось, чтобы лорд Джонатан снова принялся ругать ее.

– С поцелуя, – повторила она.

Он сдержал улыбку.

– Начнем с чего-то простого. Прикоснитесь губами к моим губам.

Она встала на цыпочки, быстро прикоснулась к его губам, как ей было велено, и сразу же отступила.

– Слишком быстро, – решил он. – Попробуйте еще раз.

Теперь Элизабет на секунду задержалась, ощутив вкус его губ, – она снова призналась себе, что ей приятны его вкус и запах.

– Ну как? – спросила она, вовсе не думая о том, чтобы он ее похвалил.

Джек нахмурился:

– Лучше. Но поцелуй – это нечто, чем надо насладиться, что надо смаковать, а не терпеть.

Она задумалась над его советом.

– Смаковать? Как любимый десерт?

Джек рассмеялся. Его смех был сильным, очень мужским

и чуть таинственным. У нее по всему телу побежали мурашки.

– Это не совсем то, что я имел в виду, но если это поможет... – Он пожал мощными плечами. – Тогда – да, как любимый десерт.

На этот раз Элизабет положила руки на отвороты его элегантного сюртука и на секунду замерла у самых его губ. Она вдруг показала себе экзотической колибри, которая порхает у запретного цветка.

Она старалась не смотреть на Джонатана, зная, что не готова встретиться с его завораживающими лазурными глазами. Вместо этого она посмотрела на его губы: их очертания были четкими, но не резкими. И они были совсем рядом с ее губами. Она подалась еще немного вперед и медленно провела губами по его рту – один раз, второй, третий... У него был вкус красного вина, сладких фиников и жаркого солнца.

У нее внезапно пересохли губы, и она вынуждена была облизать их. При этом она случайно прикоснулась кончиком языка к его губам. Из его груди вырвался странный глухой возглас.

Она встревожилась:

– Я сделала что-то не так, милорд?

– Нет. – Он тяжело дышал. – Вы все делаете правильно.

– Не как школьница?

Его ответ был быстрым и страстным:

– Ничуть. Вы оказались очень способной ученицей.

– Это хорошо или плохо, милорд?

– Это и хорошо, и плохо, – ответил он так, будто был почти зол на нее.

– На этом урок поцелуев заканчивается? – осведомилась она.

Глаза у Джека сверкали, как сапфиры. Его подбородок был решительно поднят.

– Заканчивается? – Джонатан Уик рассмеялся. – Это было только началом, милая моя Элизабет.

Она изумленно раскрыла глаза:

– Есть еще что-то?

– Так много, что вы и вообразить не можете, – пообещал он ей.

Так много, что она и вообразить не может? Она похолодела, предчувствуя недоброе.

Здесь таилась опасность. Элизабет явственно ощущала это. И дело было не только в том, что она опять оказалась наедине с лордом Джонатаном. Опасность заключалась в ее собственном любопытстве. Любопытство ведь часто до добра не доводит...

– Однако это все-таки не порок... – пробормотала она, возражая себе самой.

– Прошу прощения, миледи, но вы, кажется, отвлеклись, – заметил Джек с некоторой досадой. – Вы говорите сама с собой.

Элизабет подняла голову и посмотрела в полное притяга-

тельности лицо мужчины, возвышавшегося над ней.

– Приношу вам свои искренние извинения, сударь.

– Итак, как я уже сказал, мы можем перейти ко второму уроку.

Он наклонился так, что его лицо оказалось совсем рядом. В его взгляде горела решимость.

– Ко второму уроку, – повторила она.

– Поцелуй может быть шутливым или страстным, формальным или желанным, данным охотно или похищенным...

– Таким был мой первый поцелуй – той ночью, на палубе, – неосмотрительно выпалила она.

Он откашлялся.

– Да.

Она задумчиво проговорила:

– Он был совсем не такой, как я ожидала.

Джек нахмурился.

– А чего вы ожидали?

Она глубокомысленно наморщила лоб.

– Мне говорили, что мой первый поцелуй будет сладким и нежным, что его мне подарит какой-нибудь молодой человек, который уведет меня в оранжерею, библиотеку или музыкальный салон. – Она пожала плечами. – Я ожидала, что это будет приятное ощущение.

Элизабет услышала, как Джек протяжно вздохнул.

– Значит, оно оказалось очень неприятным?

Она изумленно посмотрела на него:

– О нет! Я имела в виду совсем не это. Правда. Он оказался таким волнующим!

Он, видимо, успокоился и удовлетворенно улыбнулся:

– Тогда, может быть, мы продолжим урок?

– О да, милорд, давайте продолжим!

– Итак, как я уже сказал, поцелуй может говорить о многом, быть очень разным. Например, простым приветствием или выражением дружеской симпатии.

Он проиллюстрировал свои слова, спокойно прикоснувшись к обеим ее щекам.

Элизабет рассмеялась:

– Таких поцелуев я получала множество! От матушки, Каролины и от элегантных дам, которые гостили в Стенхуп-Холле. Даже от некоторых джентльменов.

– От некоторых джентльменов? – переспросил он немного сердито, сдвигая темные брови.

Она поспешно объяснила:

– От старых друзей семьи, от дальних родственников и, конечно, от кузена Хораса.

– Конечно.

Элизабет почувствовала, что он недоволен.

– В чем дело, милорд?

Протянув руки, он обхватил ее талию пальцами, как бы снимая с нее мерку для корсета.

– Не нравится мне этот ваш кузен Хорас.

– Но вы же с ним даже незнакомы! – возмутилась Элиза-

бет.

– А мне это и не нужно, – ответил он, раздвигая пальцы так, что они легли на ее грудную клетку. – Ему было позволено не раз целовать вас, а мне – нет.

– Но это же совсем другое дело, милорд!

– Почему?

Она судорожно сглотнула.

– Кузен Хорас целует меня как... как кузен!

– А как целую вас я?

Элизабет совершенно растерялась. Как ей сказать Джона-тану Уику, что он целует ее как любовник, если она понятия не имеет, как должен целоваться любовник?

Он потерял терпение.

– Так?

Без промедления он склонился над ней и взял в плен ее губы. Его поцелуй был настойчивым и жадным до боли. Он требовал, чтобы Элизабет отдалась ему целиком. Как той ночью на палубе, у нее не было выбора. Она приоткрыла губы, и его язык начал ритмично врываться ей в рот, пока она не потеряла способность думать, дышать и даже стоять.

Внезапно начавшийся штурм закончился не менее внезапно.

Джек сделал шаг назад и остановился, глядя на нее из-под полуопущенных век. Его грудь быстро вздымалась и опадала. Как и ее собственная. Похоже было, что происшедшее выбило из колеи не ее одну.

Элизабет вся трепетала от переполнявших ее чувств. Ей понадобилось несколько секунд для того, чтобы хоть немного прийти в себя. Овладев собой, она с некоторым вызовом сказала:

– Да.

Он сощурился:

– Да?

– Да, именно так вы меня и целуете.

Он быстро поправил ее:

– Иногда я целую вас именно так. Но могут быть и будут во множестве другие поцелуи.

Не успела она возразить против очередного практического урока, как Джонатан Уик обнял ее, опустил голову и снова припал к ее губам. Однако на этот раз его поцелуй был мягким, обольстительным, нежным... Настолько нежным, что у нее на глазах выступили слезы. Этот поцелуй был полной противоположностью первому. Джек целовал ее, и тени усыпальницы фараона окружили их со всех сторон. Элизабет уловила едва слышный шум, едва заметное движение неподалеку. Где-то в уголке сознания промелькнула мысль, что в недрах пирамиды Хеопса водятся мыши – или даже крысы.

А потом действительность отступила еще дальше, и остались только жар их тел, шорох муслиновых юбок, касающихся мускулистой ноги, обольстительно мягкая ткань его сюртука под ее пальцами... Она остро ощущала все нюансы запаха, вкуса и прикосновений. Это был самый волнующий и в

то же время самый пугающий момент за все ее почти восемнадцать лет. Она больше не следила ни за собой, ни за ходом событий. Голова у нее шла кругом от богатства впечатлений. Джонатан Уик сказал правду: в отношениях между мужчиной и женщиной оказалось гораздо больше, чем она подозревала.

Намного больше.

Дышать стало почти невозможно.

– Джек... – В этой ситуации было бы нелепо обращаться к нему «лорд Джонатан». – Я... н-не понимаю, что происходит!

Он неохотно оторвался от ее губ, но всего лишь на миг – только для того, чтобы ответить:

– А я понимаю.

Когда он наконец прервал поцелуй, чтобы отдышаться. Элизабет прошептала:

– Именно так бывает у мужчины и женщины, когда они занимаются любовью?

Первый ответ Джека не содержал слов. Вместо этого он медленно и многозначительно провел языком по ее губам. Элизабет ощущала его дыхание на своем разгоряченном лице – дыхание было теплым, нежным и опьяняющим. От него кружилась голова: у нее было такое чувство, будто она выпила чуть ли не дюжину бокалов шампанского.

– Любовь бывает именно такой, – пробормотал он, чуть касаясь ее губ. Увидев недоумение на ее лице, он добавил: –

Ты и правда не понимаешь, о чем я говорю?

Покачив головой, Элизабет смущенно призналась:

– Нет.

Однако она заподозрила, что это имеет какое-то отношение к странной теплой влаге, собравшейся между ее ног, и к его странному недугу.

Джек передвинулся дальше в темноту, увлекая ее за собой. Он начал нежно покусывать изящное ее ушко, лилейную шейку, нежный овал лица. Элизабет не знала, ощущает ли он охвативший ее трепет. Должен был ощущать: ведь она дрожала всем телом!

– Не пугайся, милая моя английская розочка, – глухо проговорил он. – Мы не будем спешить.

А потом его руки снова вернулись к ней, лаская ее от плеч до талии, а потом продвинулись дальше, к небольшой впадинке у основания позвоночника, и еще ниже, к попке. Поскольку на ней не было ни кринолина, ни турнюра (для ее хитроумно скроенного дорожного платья они были не нужны), Элизабет запоздало поняла, что для вольностей Джека нет никаких преград.

Он обхватил ее попку ладонями и решительно привлек к себе, в гавань своих бедер. Она явственно ощутила перемены, происходившие в его теле, и громко ахнула, почувствовав, как ей в живот вжалось нечто жесткое, толстое и живое. Его ладони скользили по ее телу, приостанавливаясь и заставляя ее задыхаться от томительного восторга.

Ей хотелось спросить Джека, занимаются ли они любовью. Ведь у нее кипела кровь, кожа покрылась потом, ее обуревало с трудом сдерживаемое желание смеяться.

Что это означало? Она никогда не испытывала ничего подобного. Она не знала, испытает ли еще когда-нибудь эти чувства. Боже правый, ей хотелось надеяться, что испытает!

Тут она услышала тихий стон желания и поняла – стон вырвался из ее груди.

– Терпение, моя прекрасная Элизабет, – прошептал Джек у ее плеча. – Мы все ближе к цели.

«К какой цели?» – хотелось спросить Элизабет. Ей и так казалось, что ее сердце вот-вот разорвется от восторга.

Его правая рука медленно проникла между их телами, прикоснувшись к ее груди, – и, несмотря на плотную ткань корсета, ее соски мгновенно отреагировали на это. Они вдруг непривычно сморщились и набухли: это было одновременно приятно и больно.

Элизабет закрыла глаза и запрокинула голову. Она впервые осознала собственную чувственность. Ее пожирало неукротимое желание. Это было ей нужно. Это было ей необходимо. Она жаждала этого. Сходила с ума. Только она не знала, как «это» называется. И тут она вдруг представила себе: Джек склоняется над ней, чтобы прижаться к ее груди губами – к ее обнаженной груди.

Она испуганно распахнула глаза. Святители небесные, она распутница! Иначе ей не могли бы прийти в голову такие

недопустимые мысли.

А в следующую секунду ее внимание снова было поглощено тем, что делали руки Джека. Они обжигали ее кожу даже сквозь материю платья. Медленно, размеренно, сладострастно он ласкал ее грудь, ее чуть выпуклый живот, ее тонкую талию – а потом его рука скользнула между ее ног и прикоснулась к тому месту, до которого она едва смела дотрагиваться сама.

– Джек! – ахнула Элизабет и закрыла глаза от волны трепетного наслаждения.

– Да, моя нежная английская розочка, мы почти у цели, – сказал он, хрипловато рассмеявшись.

Властное движение его руки сводило ее с ума. Она выгнулась, инстинктивно подаваясь бедрами навстречу его прикосновению. Он убрал руку и продвинул свое тело к ней между ног. Она ощутила, как жесткий жезл трется об нее.

Она была ошеломлена, но не утратила любознательности.

– Что это, милорд?

Он почти крикнул:

– Это я тебя хочу!

Она прерывисто вздохнула:

– Я не понимаю.

– Когда мужчина и женщина хотят заниматься любовью, в их телах происходят неизбежные перемены, – хрипло объяснил Джек, заставляя ее бедра совершать круговые движения. – У мужчины это все впереди и наружи: его плоть стано-

вится твердой и в несколько раз увеличивается. У женщины это более тонко: ее грудь набухает, и соски поднимаются. – Джек положил ладонь на ее грудь – ее тело отреагировало именно так, как он сказал. – А здесь, – тут его ладонь оказалась у нее между ног, – она становится жаркой и влажной, и ее влага напоминает сладкий мед. Тогда женщина действительно готова открыться и принять мужчину.

Элизабет показалось, что глаза у нее стали размером с блюдца. Она с трудом выдавила:

– Вы хотите сказать, что мужчина... вставляет это в тело женщины?

Он и глазом не моргнул:

– Именно это я и хотел сказать.

Она была совершенно ошарашена.

– Но почему?

– Почему? – он громко засмеялся. – Потому что именно так это делается.

У нее язык прилипал к небу.

– Это и значит заниматься любовью?

– Это тоже значит заниматься любовью.

– Но не только это?

– Нет. Заниматься любовью можно по-разному.

– Это приятно? – спросила она каким-то чужим, неожиданно грудным голосом.

– Это просто чудесно, – хрипло ответил он. – Слово умираешь и возрождаешься заново.

Ей все еще не верилось.

– Вы говорите мне правду?

Джек вдруг стал совершенно серьезен.

– Я говорю правду. Клянусь.

Она задумалась над тем, что он сказал ей. А потом возмущенно спросила:

– Почему мне раньше никто об этом не рассказывал?

Джонатан Уик покачал головой:

– Общество не считает нужным учить милых юных девиц таким вещам.

Элизабет закусил губу. Она казалась двенадцатилетней девочкой, хотя и не подозревала, насколько юно выглядит.

– Вы не должны говорить об этом, милорд.

Он язвительно улыбнулся:

– Не кажется ли тебе, что сейчас несколько поздно демонстрировать скромность?

Конечно, он был прав, однако она все равно высказала вслух свое возражение:

– Мужчина и женщина не должны говорить о таких вещах!

– Другими словами, я могу класть руку тебе на грудь и даже прикасаться к самому средоточию твоей женственности, но только в том случае, если не буду говорить об этом вслух! – сказал он безжалостно.

– Милорд!

Он насмешливо спросил:

– О Боже, уж не оскорбил ли я ваши нежные чувства, миледи?

– Да. Нет. – Досада заставила ее вскрикнуть: – Будь ты проклят, Джек!

Казалось, он испытал только легкое удивление.

– О, наконец-то совершенно честная реакция, милая моя Элизабет, – снисходительно проговорил Джек. Улыбнувшись, он мягко обхватил пальцами ее подбородок. – Тебе никто не говорил, что ты совершенно неотразима, когда разозлишься?

Это Элизабет уже слышала. От него, если уж на то пошло. Задыхаясь от ярости, она заявила, как и в первый раз:

– Вы совершенно невозможный человек!

Он провел пальцем по ее подбородку. Ему ни капельки не было стыдно.

– Да, наверное.

– А гордиться тут нечем!

– Да, наверное.

Она отступила на шаг, досадливо встряхнув головой.

– Не играйте со мной, сударь. Я не ребенок.

Джек удержал Элизабет и заглянул ей в лицо.

– Тогда уж мы оба не будем играть в эти игры, Элизабет. Давайте всегда говорить друг другу правду.

Она вскинула голову, принимая вызов.

– Всегда правду!

– Всегда правду, – пообещал он.

Возвышаясь над усталой девушкой, Джек укорял себя: ему ли просить о правде!

«Давай не будем играть в игры, Элизабет!» А что же он, к черту, делал весь этот час, посвящая это невинное существо в плотские утехы? Разве он не ведет с Элизабет Гест сложную игру с той первой минуты на базаре, когда он последовал за ней в переулочек и спас ее от тех негодяев?

«Что надо сделать, будет сделано. Таков обычай пустыни».

Но в эту минуту ему не очень-то нравился обычай пустыни. Вдобавок к прочим неприятностям он испытывал немалую физическую боль. Он был готов к извержению. Достаточно самой малости, чтобы он потерял контроль над собой: случайного прикосновения ее руки или бедра к его налитой страстью плоти.

Ему необходимо на что-то отвлечься – вот где выход.

Он сделал глубокий вдох, медленно выдохнул и заставил себя думать о чем угодно, только не о том, что ему хотелось сделать в тот момент, а именно умчать Элизабет в свой шатер в пустыне и неделю кряду заниматься с ней любовью.

Джек мысленно выругался. Вопреки всему его плоть не желала примириться с поражением.

Внезапно ему страшно захотелось, чтобы у него под рукой оказалась бутылка бренди. Как ни желанна была ему в эту минуту Элизабет, он не мог, никак не мог искать утolenия страсти в ее юном теле. Это было очевидно. Не место и не время.

Однако Джек пообещал себе, что настанет такой момент, когда Элизабет будет принадлежать ему.

Благодаря нечеловеческой выдержке и железной власти разума над телом, которым он научился в пустыне и на полях сражений, он заставил свои мышцы расслабиться. Спустя какое-то время он был вознагражден тем, что страсть его стала постепенно утихать.

Как только Джек овладел собой, он поправил брюки и наклонился, чтобы поднять шляпку Элизабет: незаметно для них обоих она упала на холодный каменный пол погребальной камеры.

– Нам надо уходить. Пора присоединиться к мисс Дюве и Али и возвратиться в дом леди Шарлотты.

Элизабет молча кивнула.

– Вам, наверное, захочется привести себя в порядок при свете того факела, – сказал он, указывая на противоположный конец полного теней помещения.

Она молча прошла мимо него.

– Ваша шляпка, миледи, – проговорил он, неловко протягивая ей головной убор.

– Благодарю вас, милорд.

Он быстро взглянул на нее:

– С вами все в порядке?

Элизабет немного молча повозилась с прической, а потом ответила:

– Конечно, со мной все в порядке. – Она надела шляпу и,

повернувшись к нему лицом, встретила С ним взглядом. – А что со мной могло случиться?

Он немного помялся и помычал, но потом ответил:

– Я подумал, что, возможно... Было естественно предположить... Я просто решил...

Она приподняла брови, которым природа придала идеальную форму дуги:

– Да, милорд?

Он сжал зубы.

– Я подумал, что вы могли расстроиться.

Она изумленно посмотрела на него:

– Я ничуть не расстроена. Со мной все в порядке. А с вами, милорд? Как ваш недуг?

– Мне придется как-то самому справляться с моим, как вы выразились, «недугом», – ответил он вызывающим тоном.

Он никогда прежде не употребил бы такого слова – пока не столкнулся с этой пигалицей! Теперь он начал и сам считать, что эта чертова штука именно так и должна называться – проклятый недуг!

Чем больше Джек думал о своеволии собственной плоти, тем сильнее злился.

Он готов был поклясться острыми зубами шакалоголового бога Анубиса, что дело оборачивается совсем дурно.

Несмотря на свою юность и внешнюю невинность, леди Элизабет удивительно хладнокровно отнеслась к тому, чем они занимались сегодня днем. А если это не так, то из нее

могла бы получиться чертовски хорошая актриса! Джек пообещал себе, что обязательно доберется до сути дела. Его неуловимая добыча окажется в его власти, и он узнает все ее тайны.

Чуть позже, но еще в тот же день (они, вернувшись в небольшое поселение у подножия сфинкса, отыскиали там своих спутников) Джек случайно услышал, как Колетт Дюве спросила у своей госпожи:

– О, миледи, нашли ли вы пирамиду Хеопса настолько захватывающей, насколько вы себе представляли?

– Да, Колетт.

– Она была великолепна, миледи?

– Великолепна.

– Она оказалась большой?

– Гораздо больше, чем я ожидала, – призналась Элизабет, и кончики ее ушек порозовели.

– Глубокой и темной?

Она кивнула и начала в смущении теревить шнурок ридикюля.

– Очень глубокой и очень темной.

– И холодной?

– Нет, в самом ее сердце оказалось иначе.

– Вам было страшно, миледи?

– Поначалу.

– А потом?

– А потом я почувствовала, что мне больше не страшно, –

мечтательно проговорила она.

Именно в этот момент Элизабет подняла голову и обнаружила, что Джек смотрит на нее. Она замерла, забыв о том, что начала ставить ногу в стремя своего ослика, и ответила на его взгляд.

Джек решил, что выражение ее прекрасного лица можно было определить только одним словом. Это открытие потрясло его до глубины души. Оно потом много дней не давало ему покоя.

Страсть.

Элизабет пылала страстью.

Глава 9

– В один прекрасный день женщины откажутся носить корсеты, – объявила Элизабет, морщась: Колетт затягивала шнуровку.

– Не думаю, миледи. Это станет концом цивилизации – той, что мы знаем. Теперь сделайте глубокий вдох, а потом выдохните, пожалуйста, – велела Колетт.

– Не понимаю, – сказала Элизабет, чуть не задохнувшись, – почему отказ носить корсеты должен будет означать конец цивилизации.

– Но это же мода, миледи! Что со всеми нами будет без моды?

«Действительно, что станет с миром без моды?» – с мрачным юмором думала Элизабет, пока ее застегивали, зашнуровывали и затягивали так, что она удивлялась, как еще не умерла. Когда Колетт закончила туалет своей госпожи, та едва могла дышать и двигаться.

– Матушка говорит, что по платью можно судить о том месте, которое женщина занимает в обществе.

– Ваша матушка – мудрая женщина. Вам следовало бы чаще прислушиваться к ее словам. – Колетт не смогла удержаться, чтобы не добавить: – Нам надо отводить плечи назад и стоять прямо, миледи. Для нас осанка чрезвычайно важна, не так ли?

Элизабет была счастлива тем, что ответа на эту фразу не требовалось. Ей с детства внушали, как важно иметь правильную осанку. Сначала мать и няня. Потом – Каролина и Колетт. Лично ее эта тема никогда не интересовала – ни капельки. Вот если бы им хотелось поговорить об обычае древних египтян поклоняться священным быкам Аписа и мумифицировать их... Этот предмет разговора она сочла бы захватывающе интересным!

– Сегодня я буду во всем коричневом, – решила она, стоя перед шкафом.

– Вам больше всего идет зеленое, – заметила Колетт. – Это подходит к вашим глазам.

Элизабет вздохнула и сдалась без спора:

– Пусть будет зеленое.

Колетт Дюве извлекла платье из шкафа и начала над ним хлопотать, расправляя юбку и ворча на своем родном языке, что по складкам надо было бы пройтись утюгом, но на это, как всегда, нет времени – они с утра до вечера бегают с места на место... Потом она, продолжая возиться с платьем, тихо проговорила, приглашая Элизабет посплетничать:

– Вы обратили внимание, какое красивое платье из муарового шелка было на миссис Уинтерз вчера, когда мы ездили смотреть мечети?

Элизабет наморщила носик:

– Кажется, оно было розовое.

Ее служанка покачала головой и возразила, очень по-

французски пощелкав языком:

– Нет-нет, миледи. Не просто розовое, а цвета чайных роз, таких, как растут в саду Стенхоуп-Холла. Туалет идеально подчеркивал цвет лица и волос этой дамы. Даже чулки у нее были из прозрачайшего розового шелка!

– Откуда ты это знаешь?

Колетт набросила зеленое платье Элизабет на голову и ответила:

– Был такой момент, когда лорд Джонатан помогал мадам Уинтерз сесть в карету: на секунду из-под юбок показалась ее лодыжка.

Элизабет задумчиво сказала:

– Кажется, все считают, что Амелия Уинтерз элегантна.

– О да! Вы могли бы кое-чему у нее поучиться, – заметила Колетт с лучшими намерениями.

– Как ты думаешь, мужчины находят ее красивой? – спросила Элизабет, не поднимая головы.

Она не видела, каким удивленным взглядом окинула ее Колетт.

– А, *mon petit chou*³, я уверена, что лорд Джонатан находит прекрасной вас!

Элизабет подняла глаза и увидела в зеркале улыбающуюся ей подругу.

– Неужели я настолько понятна?

– Понятны? О нет. Вы всегда были таинственной: интере-

³ душенька (фр.).

совались только пыльными, скучными старыми книгами. А огромные ваши глаза говорят так много – и ничего не выдают! – Колетт кончила застегивать корсаж зеленого платья и на секунду отступила, чтобы оценить свою работу. – Я говорила о лорде Джонатане. Я заметила, как он на вас смотрит.

Элизабет широко раскрыла глаза.

– И как же Джек... лорд Джонатан... на меня смотрит?

Служанка сдержанно улыбнулась:

– Как будто вы – клубничное пирожное, которое он хотел бы съесть в один присест!

Элизабет густо покраснела. Французы так спокойно говорят о подобных вещах! Наверное, ей никогда к этому не привыкнуть. И тем не менее она спросила:

– Правда?

Весело рассмеявшись, Колетт Дюве уверила ее:

– Ma foi, c'est vrai⁴! Истинная правда.

Элизабет провела кончиком языка по нижней губе и высказала вслух те сомнения, которые не давали ей покоя:

– Я не вполне уверена в том, что лорд Джонатан – настоящий джентльмен.

Колетт успокаивающе похлопала ее по плечу:

– Самое главное, chérie⁵, это то, что он – настоящий мужчина!

– О, невозможно в этом усомниться! – воскликнула Эли-

⁴ Признаюсь, это так! (фр.)

⁵ дорогая (фр.).

забет.

На секунду лицо француженки озарилось улыбкой, но Элизабет этого не заметила.

– Если вы изволите сесть, я начну укладывать вам волосы.

Колетт взяла с туалетного столика щетку с серебряной ручкой и принялась расчесывать густые каштановые пряди, которые ниспадали почти до самой талии ее госпожи.

– Они великолепны! – объявила Колетт, как она делала каждое утро: это было частью их ритуала.

– Волосы и есть волосы, – вздохнула Элизабет, хотя она понимала, что это не совсем так. Большинство модных дам вынуждены были помогать природе, не одарившей их густыми волосами. В собственные волосы они вплетали сложные шиньоны и косы. Ей повезло: ее волосы всегда были густыми и мягкими как шелк.

Колетт сказала ей примерно то же самое:

– Вы должны быть счастливы, что имеете такие великолепные волосы. Я встречала женщин, которые продали бы душу дьяволу, чтобы иметь такие волосы, как у вас.

Элизабет нахмурилась и напонила своей подруге:

– Каролина говорит, что мне нельзя этим хвастаться. Ведь, в конце концов, моей заслуги в этом нет.

– Ваша сестра, несомненно, вам завидует, миледи, – открыто заявила Колетт.

Такая мысль самой Элизабет в голову не приходила.

– Ты правда так думаешь?

– Mais certainement!⁶

– Не могу понять, с чего бы она стала мне завидовать. Каролина очень красивая. Муж и дети ее обожают. У них чудесный дом, более чем достаточно денег и множество друзей.

На секунду Колетт обхватила лицо своей подопечной ладонями, и они заглянули друг другу в глаза через зеркало над туалетным столиком.

– Но у вас, *cherie*, прекрасно не только лицо, но и душа. А такое поистине редкость.

Элизабет смутилась:

– Право, Колетт!

Девушка пожала плечами так, как это умеют делать лишь парижанки, и в раздумье продолжила:

– А еще дело в вашем возрасте. Леди Каролина на десять лет старше вас. Этого никак не изменить. И у нее нет таких прекрасных волос.

Элизабет радостно вздохнула:

– И у нее нет тебя, чтобы расчесывать ей волосы.

Они обменялись теплыми улыбками.

А в следующую секунду Колетт уже снова занялась прической своей госпожи.

– Раз нам сегодня опять предстоит бродить по пыльному музею, смею предложить заплести вам волосы и свернуть их на затылке – вот так.

– Да, это вполне годится, – рассеянно ответила Элизабет,

⁶ Да, конечно! (фр.)

у которой в мыслях было совсем другое. Взяв со столика веер из слоновой кости, она развернула его и тотчас снова закрыла. – Как ты думаешь, сколько лет лорду Джонатану?

– Двадцать шесть, – немедленно ответила Колетт.

Элизабет чуть подняла брови:

– Почему ты в этом так уверена?

– Я разговаривала с его слугой – тем, которого зовут Каримом, – и он мне это сказал.

Несколько секунд Элизабет находилась в нерешительности, но потом все-таки спросила:

– А миссис Уинтерз? Сколько лет ей?

– Вот это сказать труднее. – Немного подумав, Колетт высказала предположение: – Возможно, тридцать. Возможно, даже чуть больше. Но сколько бы ей ни было, сохранилась она великолепно.

Покусав нижнюю губу, Элизабет робко сказала:

– Матушка утверждает, что джентльмены берут себе в жены женщин моложе себя, потому что им нужен наследник, но на самом деле они предпочитают общество женщин более зрелых.

Расческа на секунду замерла в воздухе.

– Графиня редко ошибается в этих вопросах.

– По словам матушки, зрелые дамы лучше умеют занять джентльменов беседой... – Элизабет с трудом сглотнула, – и другими вещами.

– Наверное, это так. – Колетт пожала плечами.

Она продолжала ловко заплетать длинные каштановые пряди в толстую косу.

– Как ты думаешь, лорд Джонатан тоже предпочитает более зрелых женщин? – спросила Элизабет с напускным равнодушием.

– Вы имеете в виду – таких зрелых женщин, как миссис Уинтерз?

У Элизабет все внутри оборвалось.

– Да.

В тоне француженки не было и тени иронии, когда она ответила своей юной госпоже:

– Хотя вы и недостаточно зрелая, моя дорогая, но для всех очевидно, что лорд Джонатан предпочитает вас. Он даже не замечает других женщин. И никакого внимания не обращает на миссис Уинтерз.

Элизабет только недоуменно нахмурилась, молча дожидаясь, когда Колетт продолжит.

– Миссис Уинтерз прекрасно одевается и прекрасно говорит, но в ней есть нечто такое, что...

– Да?

– ...что меня тревожит.

Элизабет взяла с туалетного столика маленькую лиловую книжечку, вырвала листок напудренной папиросной бумаги и быстро припудрила лицо.

– Потому, что она – замужняя леди?

Колетт Дюве театрально взмахнула руками:

– Потому, что она вовсе не леди!

– Не леди?

– Не леди.

– Как ты можешь это определить?

– Интуиция.

Колетт явно не хотелось отвечать подробнее.

Элизабет последний раз мельком посмотрела на свое отражение в зеркале и встала.

– Но ты, конечно же, ошибаешься.

– Вполне возможно. – Колетт ловко поменяла тему разговора. – Зеленое платье – превосходный выбор. Оно вам очень идет.

– Спасибо, Колетт.

– Мы готовы завтракать, миледи?

Элизабет дружелюбно улыбнулась и воскликнула:

– Еще как готовы!

И хотя благовоспитанным девицам не положено признаваться в том, что они голодны, Элизабет, забыв об этом, объявила:

– Я просто умираю с голоду!

– Одни только груды мусора, – ворчал полковник Уинтерз, когда после завтрака все оказались наконец в Музее древностей Египта. – Напоминает мне чердак в особняке моей бабушки.

– Право, дорогой, давай не будем об этом, – попросила его

миссис Уинтерз, быстро входя в грязное помещение и оглядываясь. Тут было множество изъеденной жучками мебели, груды глиняных черепков, связки древних копий, деревянные разваливающиеся ящики, безголовые статуи и распадающиеся мумии.

– Увы, я ожидала совсем не этого, – невольно произнесла миссис Уинтерз.

– И я тоже, – призналась Элизабет, испытывая ужасное разочарование.

Джонатан Уик вошел в открытую дверь, наклоня голову, чтобы не стукнуться о притолоку, и объявил, ни к кому в отдельности не обращаясь:

– Видимо, мы где-то повернули не туда. Это хранилище.

Элизабет мгновенно ободрилась:

– Ну конечно! Тогда все понятно.

– Одни только груды мусора, – повторил Хилберт Матиас Уинтерз, пока все возвращались к тому месту, где они оставили свой экипаж.

В этот момент рядом с их экипажем остановился еще один, и из него вышли два джентльмена. Оба сняли шляпы, а тот, что был одет более элегантно, подошел к ним.

– Дорогая миссис Уинтерз! Полковник Уинтерз! Мы снова встретились – да так скоро и неожиданно!

– Граф Полонски, как приятно вас видеть! – Амелия Уинтерз вдруг стала очаровательно кокетливой.

Джентльмен склонился к ее ручке. Казалось, женщину

немного смутила эта демонстрация «неанглийской» любезности, так что прошло несколько мгновений, прежде чем она вспомнила о правилах поведения.

– Извините. Могу я представить нашу подопечную, леди Элизабет Гест, и еще одного участника нашей экспедиции, лорда Джонатана Уика?

– Андре Полонски к вашим услугам, миледи, – пробормотал он, отвешивая Элизабет быстрый поклон.

– Граф Андре Полонски, – уточнила миссис Уинтерз.

Джентльмен пожал плечами, и на его красивом лице появилась скромная улыбка.

– Это не имеет значения. Все, у кого в моей стране были титулы и поместья, стали изгнанниками – или во время революции, или сразу после нее. – С этими словами он повернулся и пожал руку Джеку так, словно они были неплохо знакомы. – Уик.

Джек кивнул и без всякого выражения откликнулся:

– Полонски.

– Вы что, знакомы? – поинтересовался полковник Уинтерз.

– Мы несколько раз встречались в обществе, – ответил граф. – Жалею, что прежде не имел удовольствия видеть вас, полковник. А я-то считал, что знаком со всеми эмигрантами, которые обосновались здесь!

– Г-хм, да! – недовольно пробурчал полковник, постукивая своей внушительной тростью по голенищу сапога.

Амелия Уинтерз поспешила вступить в разговор:

– Мы жили в Судане, пока мой муж не ушел со службы в армии ее величества.

– Чертовски грязное дело, этот Судан, – мрачно произнес отставной полковник.

Его хорошенькая жена никак не отреагировала на это и продолжила:

– Кроме того, мы только что приехали в эти места из Англии. Мы сопровождаем леди Элизабет как опекуны по просьбе ее отца, лорда Стенхоупа.

В глазах Андре Полонски зажегся новый интерес:

– Ну конечно же! Ваш отец – знаменитый археолог!

Амелия Уинтерз сообщила Элизабет:

– Мы познакомились с графом Полонски вчера за ленчем.

Он тоже был гостем леди Шарлотты.

– Леди Шарлотта – такая необычная женщина! – воскликнула Элизабет. – Я несколько раз читала ее книгу «Письма из Египта»!

– Я тоже читал эту книгу. – Элегантный джентльмен с интересом разглядывал Элизабет. – Вы впервые в Египте, леди Элизабет?

– Впервые, сэр.

– И сегодня вы осматриваете Музей древностей.

– Да. Вернее, пытаемся. Мы свернули не туда и оказались в каком-то хранилище.

Граф рассмеялся. Его смех оказался настолько веселым и

заразительным, что вскоре к нему присоединилась вся компания. Все, кроме Джонатана Уика. Элизабет краем глаза заметила, что Джек стоит немного в стороне от остальных.

Что он задумал?

Казалось, Джек внимательно изучает их всех по очереди, как будто они кусочки загадочной картинки, которые ему надо сложить в правильном порядке.

Ей хотелось бы обдумать это получше, но Андре Полонски снова завладел ее вниманием:

– Я знаком с директором музея, леди Элизабет. Уверен, что он будет рад найти кого-то, кто покажет вам, где находятся самые интересные экспонаты.

– Мы были бы очень благодарны, сударь. Наш проводник сегодня нездоров, он остался на корабле.

– Да, вы так любезны, граф Полонски, – проворковала Амелия Уинтерэ и, подойдя к нему, положила руку на его локоть.

– Тогда позвольте пригласить вас пройти со мной. Сюда, пожалуйста, – предложил их новый знакомый, жестом показывая, в какую сторону им следует направиться.

Они все пошли к входу, разбившись на небольшие группы: впереди шли миссис Уинтерз с графом, за ними – Элизабет с полковником, а потом остальные, включая лорда Джонатана и его слугу Карима.

Слегка повернув голову, Элизабет заметила, что Колетт разговаривает с человеком, который подъехал вместе с гра-

фом Полонски. Наклонившись к своему спутнику, чтобы никто не услышал ее вопроса, она прошептала:

– А кто тот второй джентльмен?

Полковник по привычке начал поглаживать подбородок. Немного подумав, он ответил:

– Нищий родственник графа, насколько мы могли понять во время ленча у леди Шарлотты. Полагаю, он при графе как слуга, спутник и секретарь.

– Понимаю.

Элизабет подумала, как это ужасно – оказаться в таком странном положении. Это и не ад, и не рай. Не близкий родственник, но и не служащий.

– Насколько я понял, этот тип – французик. Кажется, его зовут Джордж... или как это там по-французски? – Жорж... Ваша мадемуазель Дюве будет рада. Так сказать, соотечественник.

Элизабет бросила на полковника осуждающий взгляд, но тот, как всегда, этого не заметил.

Однако он был прав: Жорж уже успел произвести на Колетт глубокое впечатление. Они стояли рядом и оживленно говорили о чем-то на своем родном языке. Элизабет увидела первую статую величиной в человеческий рост (потом оказалось, что в музее их множество), и все остальное просто перестало для нее существовать.

– Она великолепна! – благоговейным тоном проговорила девушка, приблизившись к шедевру древнего ваяния.

– Это фараон Хафре, – сказал граф Полонски, остановившись рядом с ней. – Он сын Хеопса и строитель второй по величине пирамиды в Гизе.

– Хафре... Его же считали и создателем великого сфинкса, – добавила Элизабет, разглядывая иероглифы, выбитые на темном диорите постамента.

– Я вижу, вы хорошо выучили историю Египта.

Несмотря на свои обширные знания, Элизабет ответила скромно:

– Немного.

Ей хотелось протянуть руку и прикоснуться к казавшемуся живым изваянию, однако она не позволила себе такую вольность. В конце концов, это ведь был фараон! Богоравный правитель. Хафре хотя и был человеком, но далеко не простым.

Граф тем временем добавил:

– Эта статуя относится примерно к 2500 году до нашей эры. Ее нашли рабочие, когда вели раскопки в долинном храме Гизы пятнадцать лет назад.

Элизабет стояла, глядя на изображение сидящего человека в традиционном уборе и с бородой, символами царского величия. По бокам трона были изображены два льва, олицетворяя власть и защиту, которой облечен фараон. Ей показалось, что взгляд Хафре устремлен куда-то вдаль, мимо простых смертных, которые будут смотреть на него.

Она невольно содрогнулась. Древние фараоны верили,

что будут жить вечно. Возможно, в некотором смысле они добились именно этого: вечной жизни. Ведь она смотрела сейчас на человека, который жил более четырех тысячелетий назад.

– Ах, вот и наш проводник! – воскликнул Андре Полонски.

– Доброе утро, леди и джентльмены. Добро пожаловать в Музей Египта, – произнес их будущий экскурсовод на идеально правильном английском. – Я буду рад и счастлив показать вам самые замечательные экспонаты из собрания нашего музея.

– Вы очень любезны, сударь, – сказал граф.

– В первом зале, который мы посетим, хранятся сокровища царицы Аххотеп, найденные в 1859 году служащими Огюста Мариетта, основателя Службы древностей и этого музея. В числе сокровищ – золотые церемониальные топорик и кинжал, принадлежавшие фараону Ахмосу из восемнадцатой династии, золотая и серебряная барки, браслеты на запястья и лодыжки, подвески и ожерелья из золота и серебра с полудрагоценными камнями и золотой воротник фараона, который весит свыше 8640 граммов.

Все присутствующие изумленно ахнули. Экскурсовод широко улыбнулся. Видимо, то была обычная реакция на его слова, и она доставляла ему удовольствие.

– Будьте любезны следовать за мной.

Они все гуськом затрусили за проводником, переходя из

зала в зал, из здания в здание. Элизабет пыталась запомнить все, что видела и слышала, но впечатлений оказалось великое множество... А ведь она столько читала об этих реликвиях и их прежних владельцах!

В конце концов путешественники оказались в высоком вестибюле, заполненном стеклянными витринами, – здесь была выставлена внушительная коллекция папирусов.

Элизабет нагнулась и стала рассматривать хрупкий кусок бумаги. Это оказался редкий список древней «Книги мертвых», самого почитаемого из всех религиозных текстов Древнего Египта. Считалось, что одного его достаточно, чтобы обеспечить фараону жизнь в потустороннем мире.

Элизабет была охвачена благоговейным восторгом. Она едва осмеливалась дышать. И когда почувствовала, что кто-то заглядывает в витрину через ее плечо, ей не понадобилось оглядываться, чтобы определить, кто это. Она просто знала.

– Они были богами или людьми? – спросил Джек. Голос его был особенно глубоким, каждое слово произносилось медленно.

– Думаю, все-таки людьми – считавшими себя богами, – ответила Элизабет, пока они шли к следующей витрине.

Там оказалось письмо, которое много столетий назад любящий сын написал своему отцу, принц – своему правителю, фараону. Рядом с папирусом лежал написанный от руки по-арабски и по-английски текст этого послания.

Молодые люди перешли к витрине поменьше, которая

пряталась в углу огромного зала. Освещение здесь оказалось плохим, и Элизабет понадобилось несколько мгновений, прежде чем она поняла, на что смотрит. А когда разглядела, ее бросило в жар от стыда. На папирусе были не только иероглифы, но и рисунки – бог-фараон и его царственная супруга занимаются любовью.

– Видите, в чем-то они похожи на нас, – заметил Джек.

Элизабет глазам своим не верила и в то же время не могла отвести взгляда от эротического папируса, где был изображен акт любви мужчины и женщины во всех его бесчисленных вариациях!

Из паха царственного мужчины торчал огромный член. Женские груди тоже казались неестественно большими, а их острые вершины были раскрашены ярко-вишневой краской. Элизабет вспомнила, что в одном трактате из библиотеки Стенхоуп-Холла она читала: женщины Древнего Египта имели обычай румянить соски.

Девушка потрясение смотрела на иллюстрации. Была выставлена целая серия рисунков – мужчина вставляет свой жезл в женщину спереди, сзади, лежа на ней, стоя рядом с ней, когда они оба сидят, когда она встала на колени, широко открыв рот... Дальше описывалось, что мужчина может сделать женщине с помощью языка и огромного количества самых разных предметов.

Элизабет стало нестерпимо душно. Не может быть, чтобы мужчина и женщина занимались такими ужасными вещами!

Джек рассмеялся. Казалось, его нисколько не смущал этот непристойный папирус.

– У меня такое чувство, что древний писец, составлявший этот папирус, получил немалое удовольствие от своей работы. Вы со мной согласны, милая Элизабет?

Девушка не ответила – она просто не в силах была говорить.

– Вам нехорошо? – осведомился стоявший рядом с ней Джек. В его голосе уже не звучала насмешка. – Вы вдруг побледнели как смерть.

Она тряхнула головой – это не было ни отрицанием, ни согласием – и стремительно побежала к выходу из зала.

Каблучки застучали по мраморному полу.

– Элизабет, куда вы? – окликнул ее Джек и потом откровенно выругался: – А, дьявол и вся преисподняя!

Она была с этим полностью согласна. Именно дьявол и вся преисподняя.

В коридоре Элизабет замедлила шаги и постаралась дышать ровнее. Она и представить себе не могла, что мужчина и женщина могут заниматься подобными вещами. Это ужасало. Это удивляло. Это... манило.

Девушка бессильно прислонилась к стене и крепко зажмурилась. Ее сердце отчаянно билось. У нее дрожали руки. Больше того – она дрожала всем телом. Оставаясь честной, она должна была признаться себе, что при виде этих эротических рисунков испытала отнюдь не возмущение. Она по-

чувствовала любопытство.

Выпрямившись, Элизабет впервые с того момента, как убежала от Джонатана Уика, огляделась по сторонам. Это была незнакомая часть музейного комплекса, которую они еще не осматривали.

Отряхнув юбку от пыли, она осторожно заглянула за угол. Там оказался зал, уставленный древними колесницами и богато украшенными лодками, ритуальными статуэтками и ушебти – фигурками, которые, по представлениям древних, в потустороннем мире должны были работать на умершего. А еще там оказались саркофаги и позолоченные внутренние гробы.

Девушку как магнитом потянуло в зал. Здесь хранилось много удивительных сокровищ, хотя было пыльно и грязно. Кое-где висела паутина, а снизу с пола доносилось какое-то подозрительное шуршание.

Элизабет склонилась над великолепно сохранившейся погребальной маской, украшенной сердоликами, лазуритом, кварцем, обсидианом, бирюзой и цветными стеклянными бусинами, и потеряла счет времени.

Опомниться ее заставила боль в шее – слишком долго оставалась в неудобном положении.

Элизабет подняла руки, растирая усталые мышцы, и только теперь заметила, что в помещении стало сумрачно. Окна здесь не было, а из коридора теперь падало очень мало света. К тому же, как наконец она почувствовала, в хранилище

дурно пахло. «Пахнет смертью», – пришло ей в голову.

Элизабет встревоженно огляделась. Ей показалось, что откуда-то раздались шаги.

– Джек?

Но почему-то она была уверена, что это не Джек. Резко обернулась, но никого не увидела.

– Эй, кто тут? – окликнула она. Ей вдруг стало страшно, хоть она и не могла бы объяснить почему.

Ответа не было. Мертвая тишина.

Элизабет сказала себе, что, наверное, ей пора вернуться и присоединиться к остальным. Несомненно, ее отсутствие уже замечено и вызвало недоумение. Возможно, о ней даже беспокоятся.

Ее рука уже легла на дверную ручку, когда она увидела на стене огромную нависающую над ней тень. Страх подхлестнул все ее чувства. Элизабет с трудом сдержала крик. А в следующую секунду уже смеялась над собой: у двери оказался поставленный вертикально гроб для мумии, которого она просто прежде не заметила.

Девушка остановилась, чтобы рассмотреть иероглифы, начертанные на его крышке. Ведя по древним надписям кончиком пальца, она прочла вслух:

– «Проклятие да ляжет на всех, кто причинит вред или совершит надругательство над Рахотепом, тем, кто обитает внутри».

Заглянув за полуоткрытую крышку, она обнаружила, что

саркофаг пуст.

А вот сам зал хранилища явно не был пустым. Потому что в следующую секунду Элизабет почувствовала, как кто-то с силой толкнул ее в спину и запихнул в пустой гроб.

Яростный голос (невозможно было определить, принадлежал он мужчине или женщине) прошипел:

– Убирайся, англичанка. Возвращайся туда, откуда пришла, пока с тобой не случилось беды.

А потом крышка захлопнулась.

Элизабет попыталась открыть гроб и очень быстро поняла, что это невозможно – крышка была тяжелой. В древности ведь не предполагали, что мертвец захочет сбежать.

У нее застыла в жилах кровь. Это смерть?..

Глава 10

Она опять куда-то исчезла!

Зеленое платье стремительно удалялось по коридору Музея древностей. Элизабет свернула за угол, и все – больше он ее не видел.

Глупая женщина!

Глупый ребенок!

Элизабет Гест одновременно была и тем, и другим – и ребенком, и женщиной.

Черный Джек запустил пальцы в густые черные волосы и забормотал себе под нос:

– Черт! Черт! Черт!

Он начинает привыкать к роли спасителя этой пигалицы. И ему надо поторапливаться, пока остальные не вернулись и не начали задавать вопросы. Вопросы, на которые ему не захочется отвечать. Например, почему она вообще от него убежала.

Не может же он сказать, что они вдвоем рассматривали эротический папирус и что юная девица была шокирована рисунками.

Вспомнив о папирусе, лорд живо представил на месте царственных особ себя и Элизабет.

Он сразу почувствовал, как начинает наливаться желанием его плоть.

– Тебе следовало бы сосредоточиться на деле, Джеки, – укоризненно произнес он и зашагал по коридору, гулко стуча каблуками по мраморному полу.

С момента встречи с великолепной леди Элизабет он превратился в похотливого сына Осириса! Их знакомство длится меньше двух недель, а он уже совсем измучился от неутоленного желания. Конечно, надо признаться: у него давно не было женщины, но дело не только в этом. Его больше не устроит любая женщина. Ему нужна Элизабет – или никто.

– Хорошенькое дело! – раздраженно бросил Джек, поворачивая за угол. – Попался в собственную ловушку, идиот чертов!

Вспоминая о пирамиде Хеопса (это случалось часто, ведь он потом три ночи провел без сна, проклиная себя за невоздержанность), Джек снова и снова испытывал блаженство – Элизабет будто наяву страстно трепетала в его объятиях, под материей платья налились страстью ее соски и превращались в две дивные пуговички, – и всякий раз напоминал о себе его «недуг».

Дьявольщина!

Нет, ему не следовало сегодня дразнить Элизабет. Ему не следовало стоять и смотреть на то, как изменилось ее прелестное лицо, когда она наконец поняла, что за папирус они рассматривают. Он-то, конечно, понял это с первого взгляда. Понял и то, что ее это шокирует. Любая невинная девушка была бы шокирована, а в невинности Элизабет он не сомне-

вался.

– Ты стал паскудным варваром, Уик!

Джек на секунду задумался, почему почти не чувствует раскаяния. Конечно, в этой стране мало кто испытывает угрызения совести. Вот в Англии... Но он давно перестал быть англичанином. Или по крайней мере так он себе говорил.

Джек знал, что ему надо сделать. Он должен найти Элизабет. Извиниться перед ней. Успокоить ее. Возможно, пару раз поцеловать. А потом отвести к остальным. И прежде всего ему следует вести себя так, как подобает джентльмену.

Джек шагал по коридору, открывая одну дверь за другой, но везде видел только пустые залы.

– Элизабет? Элизабет, где вы?

Ответа не было.

Ни звука.

Он прошел по следующему коридору и обследовал галереи по обе его стороны. Можно было подумать, что Элизабет растаяла в воздухе.

Черный Джек остановился в середине главного коридора, широко расставив ноги и невольно сжав руки в кулаки.

Ну где же она? Дьявол!

Может быть, девчонка ведет с ним игру? Решила ему отомстить? Ну так она об этом пожалеет. Он не из тех людей, с кем можно играть.

Если только эту игру не придумал он сам...

Когда прошло еще полчаса, а Джеку по-прежнему не удалось отыскать Элизабет, он по-настоящему встревожился. Внутренний голос подсказал ему, что она в опасности и что необходимо как можно быстрее найти ее: не для того, чтобы компания не подумала, будто они где-то уединились, и не для того чтобы «отшлепать» ее за капризы и своеволие. Девушку немедленно надо спасти! Она – на грани жизни и смерти.

Тревога заставляла его спешить. Он оказался в той части музея, по которой они не проходили в начале дня. Остановился, наклонил голову и прислушался.

Тук. Тук. Тук.

Он прислушался снова, но теперь кругом царила тишина. Джек на самом деле слышал какой-то стук или ему только показалось? Цовинуясь инстинкту, тому же инстинкту, который помогал ему ориентироваться в пустыне так, будто он был рожден среди этих горячих песков, Джек вошел в темный коридор и был вознагражден тем, что снова услышал стук, теперь уже более отчетливо.

– Элизабет? Господи, Элизабет, это вы?

Джек уже почти бежал. Он ворвался в хранилище и сразу увидел – соломенная шляпка на полу, две дорожки следов в пыли...

Стук доносился откуда-то из глубины помещения.

Гроб с мумией!

Он попробовал открыть его руками, но крышка не подда-

валась.

– Элизабет?

Изнутри донесся глухой вскрик:

– Джек!

Он стал отчаянно озираться, стараясь найти что-то, что можно было бы использовать как рычаг. В углу оказалось копьё с металлическим наконечником. Он схватил его, засунул кончик в щель под крышкой – и она открылась.

– Отец небесный! – воскликнул Джек, когда Элизабет упала в его объятия.

Он подхватил ее.

Прижимая девушку к себе, он мысленно поклялся, что впредь никогда ей не будет угрожать опасность. В эти минуты он понял, что Элизабет значит для него гораздо больше, чем он думал. Осознав, чем могло кончиться это странное «погребение» Элизабет, он почувствовал прилив ярости.

Сжав ее плечи, Джек заглянул в залитое слезами лицо:

– Какого черта вы там делали?

Ее глаза были распахнуты, зрачки расширились. С трудом она попыталась ответить ему:

– Кто-то... – У нее сорвался голос. Она сделала глубокий вдох. – Кто-то меня толкнул.

– Толкнул?

Элизабет кивнула, и от этого движения коса упала ей на спину.

– Он меня закрыл там.

– Кто? – спросил Джек.

Элизабет посмотрела на него так, будто он сошел с ума.

– Не знаю кто. Я его не видела. Он подошел сзади.

Джек сощурился:

– Тогда откуда вы узнали, что это был мужчина?

Девушка на секунду задумалась.

– Из-за руки, которая толкнула меня в спину. Она была слишком большая и сильная. И потом, голос тоже был мужской...

Джек насторожился:

– Голос? Этот человек с вами говорил?

– Да.

– Что он сказал?

Элизабет бессильно покачнулась и еле вымолвила:

– Он прошептал: убирайся, англичанка. Возвращайся туда, откуда приехала, пока с тобой не случилось беды.

– И все?

Она кивнула:

– Все.

Этого было больше чем достаточно.

Глядя на Джека полными слез глазами, Элизабет испуганно спросила:

– Кто-то хочет меня убить?

Джек нахмурился.

– Я не сказал бы, что кто-то хочет вас убить. Но видимо, ему хотелось немного вас напугать.

Элизабет невесело рассмеялась:

– Ну, у него это получилось. Я очень испугалась.

– Не надо тревожиться, Элизабет. Теперь я рядом. С вами ничего плохого не случится.

Черный Джек с изумлением услышал собственные слова и осознал, что в тот момент он говорил совершенно искренне. Впервые со дня смерти матери у него появилась потребность оберегать женщину, заботиться о ней. И он понял еще одну вещь: его матери, герцогине, понравилась бы Элизабет Гест. Она доброжелательно отнеслась бы к этой девушке.

– Я, должно быть, выгляжу просто ужасно, – сказала Элизабет. Она завела руки за спину и попыталась привести в порядок прическу.

Джек нетерпеливо отвел ее руки.

– Ну-ка давайте я.

Он умело распределил пряди шелковистых волос между пальцами и начал их переплетать.

– Где вы научились заплетать женщинам косы? – спросила она тихо.

Джек пожал плечами:

– Когда-то я заплетал их матери. – Он быстро сделал косу и, свернув ее на голове, заколол шпилькой. – Но это было очень давно. – Нагнувшись, он поднял с пола се соломенную шляпку. Тулья немного помялась, лента наполовину оторвалась. – К сожалению, она немного пострадала.

– Как это похоже на то, что вы говорили мне в тот первый

день, на базаре! – пробормотала Элизабет, принимая у него свою шляпку. – Помните?

– Да.

У нее дрогнул голос:

– Почему вы шли за мной в тот день?

Несколько секунд Джек напряженно всматривался в ее лицо. Он не привык, чтобы его побуждения или поступки ставились под сомнение, тем более, чтобы это делала девушка, молоденькая-премолоденькая барышня.

И он не собирался рассказывать ей о священной клятве, которую дал принцу Рамсесу.

Джек иронично улыбнулся.

– По улицам Александрии разнесся слух: на базарах покупки делает красивая девушка. Говорили, что она похожа не редкую английскую розу. – Его лицо приняло несколько жесткое выражение. – Я давно не видел англичанок. Мне любопытно было проверить, действительно ли эта девица так прекрасна, как говорили сплетники.

– И что оказалось?

– Оказалось, что она даже красивее, чем утверждали.

Элизабет небрежно отряхнула платье – с таким видом, словно привыкла оказываться внутри саркофагов и выслушивать комплименты от решительных джентльменов. Но голос все же выдал ее волнение:

– Милорд, это происшествие должно остаться тайной.

Он утвердительно кивнул головой:

– Разумеется.

– Ведь мы не сделали ничего неподобающего.

– На этот раз – нет.

Она бросила на него возмущенный взгляд.

– Но если мои опекуны услышат, что кто-то на меня напал, они больше ни на секунду не спустят с меня глаз.

Он решил, что эта проблема решается очень легко.

– Тогда мы ничего не скажем полковнику и миссис Уинтерз.

– И Колетт.

– И даже вашей преданной Колетт.

Элизабет постучала указательным пальцем по нижней губе.

– Мы не станем упоминать о случившемся ни в одном разговоре: ни с леди Шарлоттой, ни с графом Полонски, ни с Али. Ни с кем.

Он был целиком с ней согласен:

– Мы никому ничего не скажем.

Элизабет быстро огляделась, чтобы убедиться в том, что рядом никого нет.

– Не следует признаваться врагу в том, что что-то знаешь.

– Врагу?

О чем, к черту, говорит Элизабет?! Откуда семнадцатилетней девушке с ее происхождением и воспитанием знать о врагах и о том, как надо себя вести с ними?

Тем не менее она так решительно вскинула свою очарова-

тельную головку (или это не решимость, а упрямство?), что Джек даже удивился.

Элизабет понизила голос и таинственно прошептала:

– Кто-то хочет, чтобы я уехала из Египта, милорд. Запомните мои слова: это только первая угроза. Будут и другие.

Он потерял дар речи. Неужели леди Элизабет сошла с ума? Может быть, у нее солнечный удар? Или она поела испорченных фиников?

Несколько секунд Джек молча смотрел на нее. А что, если эта малышка права? Что, если кто-то действительно хотел напугать ее так, чтобы она уехала? Или чтобы выдала те сведения, которые таятся в ее прелестной головке?

То есть – кто-то, помимо него самого.

Ее осенило как раз в тот момент, когда она была заточена в гробу. Нашлась последняя улика, недостающее звено, деталь, завершающая таинственную картину.

От возбуждения у Элизабет горели щеки. Сердце отчаянно трепетало. Мысли неслись неудержимым потоком. Руки дрожали.

Она стремительно расхаживала по своей каюте на борту «Звезды Египта». Как это она раньше не догадалась? Теперь ей казалось, что это так очевидно!

Завернувшись в халат, она села к секретеру, стоявшему у кровати. День был длинным и утомительным, но она слишком разволновалась, чтобы лечь спать.

Достав дневник, в котором она каждый вечер делала записи, Элизабет открыла его на последней странице. Кончиком перочинного ножа осторожно вскрыла кожаный переплет. Под кожей лежали листки тонкой бумаги, покрытые аккуратными записями, сделанными ее рукой, подробными картами и расшифрованными иероглифическими надписями. Она терпеливо просмотрела каждый листок, время от времени останавливаясь и наклоняясь, чтобы внимательнее прочесть какую-нибудь из записей. Пачка лежавших перед ней листков представляла собой плод многолетних трудов. В двенадцатилетнем возрасте она начала эти занятия, чтобы понять, почему ее отец так страстно увлечен Египтом, – ведь эта одержимость надолго уводила его от дома, от семьи, от родины... Однако постепенно занятия, вызванные любопытством, переросли в глубокие исследования.

У ее семьи были поместья, титулы, богатство, положение в обществе. У нее самой не было ничего.

Занятия египтологией позволяли Элизабет забыть о своем скучном существовании, заполняли дни, придавали ее жизни цель и смысл. Мечтой ее отца было найти захоронение великого фараона Мернептона Сети. Со временем это стало и ее мечтой.

Элизабет развернула на столе топографическую карту. Там во всех деталях были изображены холмы и впадины Долины царей, а также отмечены места захоронений. Она развернула вторую карту и положила ее поверх первой: эта

представляла собой эпиграфический обзор – содержала все надписи, найденные на десятках гробниц, открытых в течение этого столетия такими уважаемыми египтологами, как Уилкинсон, Карл Лепсиус и, конечно, лорд Стенхоуп, ее отец.

Третья карта была нарисована рукой отца. Он отправил ее вместе с письмом кузену Хорасу: на ней был изображен район его последних раскопок. Большим красным крестом отец пометил то место, где он и его помощники искали гробницу Мернептона. Судя по последним сообщениям, они ничего не нашли. Но теперь Элизабет знала почему.

Папа искал гробницу не в том месте!

Элизабет вдруг страшно захотелось оказаться в Луксоре. Ей необходимо поговорить с папой. Она должна показать ему свои карты, сообщить о результатах своих исследований, изложить свои выводы...

И в конце концов именно она, она одна сможет показать отцу, где найти то, что он искал в течение всей жизни. Он будет в восторге. Он будет гордиться ею. И наконец-то отец ее полюбит!

Элизабет подняла голову с откидной крышки секретера и слипающимися глазами обвела свою каюту. Кажется, она заснула над своими записями.

Стояла глубокая ночь.

Действительно: стрелки часов на туалетном столике показывали, что время уже за полночь.

Протирая заспанные глаза, она строго выговаривала себе:
– Это было очень глупо, Элизабет!

Ведь если она не ошиблась (а она не ошиблась), ее отец вот-вот сделает величайшее археологическое открытие века.

К этому нельзя относиться с легкомысленной небрежностью.

Люди пойдут даже на убийство... а ведь в этой жестокой стране убийства совершаются и по гораздо менее значительным поводам. Она должна хранить в глубочайшей тайне свое знание, свое открытие – то, что она держит в руках ключ к великой загадке.

Никто не должен ничего заподозрить. Ни полковник с его женой. Ни граф Полонски. Ни Джек. Ни даже Колетт. Она не имеет права обмолвиться даже словечком, пока не сможет все рассказать отцу. Он-то сообразит, что следует делать. Он поймет, что она права. Он отправит своих рабочих делать раскопки там, где она покажет ему, где погребен Мернептон Сети, – и им откроются сокровища прошлого. Сокровища, подобных которым еще никто не видел. Невероятные сокровища!

Элизабет, быстро собрав свои записи и карты, сунула их в тайник, устроенный в своем дневнике.

Эта ночь будет для нее короткой. Но до сна ли теперь – во время такого волшебного приключения?

Глава 11

Кариму было не привыкать к гневу своего господина. Он повторил последнюю новость, которую узнал от одного из палубных матросов:

– Граф Полонски для себя и для человека по имени Жорж купил билеты на «Звезду Египта» до самого Луксора. Он занял освободившуюся каюту по соседству с полковником и миссис Уинтерз.

Черный Джек раздраженно хлестнул по ноге кожаными перчатками.

– Ведьмин сын! Когда он поднялся на борт?

– Его экипаж подъехал к причалу как раз тогда, когда я шел к вам.

Джек начал расхаживать по каюте.

– Когда поднимут якорь?

– Сегодня во второй половине дня, сразу после чая.

– Дьявольщина! – Ему надо было быстро принять решение. – Через десять минут я должен встретиться с леди Элизабет и полковником. Мы поедем осматривать Серапеум.

Интерес господ к древним гробницам был совершенно непонятен Кариму.

Он поморщился:

– Для чего, господин?

Тот объяснил ему:

– Леди Элизабет заинтересовалась культом быков Аписа и пожелала увидеть, где хоронили священных животных.

Лицо Карима расплылось в широкой улыбке, что случилось с ним довольно редко.

– Э-э, какая необычная молодая леди.

Джек согласился:

– Необычная.

– Полковник будет сопровождать вас?

– Да. Он ведь опекает эту девушку.

– А миссис Уинтерз?

– Она решила остаться в постели. – Джек перестал расхаживать по каюте и подошел к иллюминатору. – За завтраком полковник сообщил, что у нее разболелась голова.

Карим усмехнулся:

– Просто миссис Уинтерз не любит гробниц.

– Вполне возможно.

Действительно, Амелия Уинтерз под разными предложениями отказывалась почти от всех экскурсий.

– Возможно, она предпочитает общество графа Полонски, – предположил Карим.

– Очень может быть. – Джек взял шляпу и стек. – Тогда, к сожалению, в один из ближайших дней ее ждет неприятный сюрприз.

Слова лорда заинтересовали слугу.

– Вы с ним встречались прежде, господин?

– Да, приходилось. – Джек пару раз несильно ударил сте-

ком по голенищу сапога. – Я убедился, что этот граф – беспринципный и бессердечный сукин сын.

Слуга благоразумно промолчал. Хотя он мог бы сообщить своему господину, что примерно то же часто говорили о нем самом, о Черном Джеке.

Лорд сердито сдвинул брови.

– Наверное, Полонски не случайно решил плыть на нашем корабле, – сказал он скорее самому себе, чем Кариму. Потом взглянул на своего слугу. – Я дам тебе поручение, Карим.

Слуга почтительно склонил голову:

– Постараюсь исполнить все, что прикажете, мой господин.

– Ты должен сойти с корабля.

– Я ухожу немедленно.

– Сначала собери вещи. Возьми с собой то, что может понадобиться в течение нескольких недель.

– Да, понимаю. Но вы же знаете, господин, я обхожусь малым. Мне легко собраться.

– Возможно, потребуется и больше времени. Тебе нужно будет собрать кое-какие сведения. Это для меня важно.

Темные глаза слуги блеснули:

– Вам не следует беспокоиться. Я готов.

Джек в этом не сомневался. Карим всегда и на все был готов.

– Я хочу, чтобы ты как можно скорее вернулся в Каир и нашел человека по имени Азар, который живет вот по этому

адресу. – Джек быстро записал номер дома и название улицы на листочке бумаги и передал его своему слуге. – Скажи ему, что я желаю знать, не занимался ли Андре Полонски нелегальным вывозом древностей из Египта в течение последних трех лет.

Глаза слуги удивленно расширились.

– А еще я хочу знать об источнике доходов этого графа.

– Да, понимаю: источник его доходов.

– И вообще любые сведения об этом господине.

– Я непременно найду Азара и передам ему вашу просьбу.

Джек взглянул на жилистого человечка, с которым не разлучался уже более пяти лет.

– Ты никогда меня не подводил, Карим.

– Не подведу и на этот раз. Будьте уверены, мой господин.

Подобная преданность не покупается. Джек похлопал своего верного слугу по плечу:

– Знаю.

– Пусть боги нашлют на меня оспу и чуму, обрекут на голодную смерть, если я когда-нибудь подведу вас, господин. Пусть женщины моего рода будут бесплодны в течение десяти поколений. Пусть ослепнут мои глаза и онемеет мой язык, и пусть...

– Думаю, ты не подведешь меня и не разгневаешь богов, Карим.

В глазах его слуги горела фанатичная любовь.

– Я никогда не забуду того, что вы сделали для моей семьи,

о щедрейший из щедрых.

– Этот старый долг давным-давно оплачен, – спокойно заметил Джек.

– Я этого никогда не забуду! – вскричал Карим.

– Не мог же я оставить их умирать.

– Любой другой оставил бы.

– А я не мог.

Карим просто сказал:

– Вот почему я никогда не подведу вас, чего бы вы ни попросили, господин.

Джек считал, что не сделал тогда ничего особенного. Посреди пустыни он наткнулся на караван одной семьи. На них напала шайка убийц и разбойников, которые оставили их, сочтя мертвыми. У них забрали все, даже одежду сняли. Джек перевязал несчастным раны, одел их, дал им пищи и воды, а когда они смогли продолжить путь, он проводил их до места, куда они направлялись. Ибо в обычаи пустыни входило и это.

Три недели спустя у Джека на пороге появился Карим и поклялся в вечной преданности – в благодарность за то, что Джек спас его семью.

С тех пор они были вместе.

Джеку уже пора было встретиться с полковником и леди Элизабет.

Он попрощался со своим слугой:

– Да хранят тебя боги.

– И вас, господин.

– Найди нас в Ауксоре, как только выяснишь то, что я хочу знать. «Звезда Египта» будет стоять там несколько недель. Если понадобится, я найду повод остаться с ними, пока ты не вернешься.

Карим кивнул.

– Я найду вас в Луксоре. – После короткой паузы он добавил: – А, эти англичане! Какие они странные!

– Очень странные, – согласился Джек (оба на секунду забыли о том, что сам Джек тоже англичанин). Тут ему в голову пришла новая идея: – Возможно, следует сказать Азару, чтобы он заодно постарался собрать сведения о полковнике и миссис Уинтерз.

– Да, господин.

Джек в задумчивости потер подбородок.

– Что-то подсказывает мне, что они не такие, какими кажутся.

Карим засмеялся и открыл перед своим господином дверь каюты.

– А разве все люди именно такие, какими кажутся?

Хилберт Матиас Уинтерз прошелся по каюте первого класса на борту «Звезды Египта», потом подошел к двери, ведущей в спальню, и открыл ее как раз в тот момент, когда Амелия вылезала из большой медной ванны. Он позволил себе секунду полюбоваться ее женственной фигурой с тон-

кой талией, пышной грудью и белыми гладкими бедрами, а потом заметил:

– Поздновато для ванны. Скоро чай.

Амелия приняла из рук служанки-египтянки тонкое льняное полотенце и кивком отпустила ее. Она подождала, пока служанка не вышла из каюты, и прошипела:

– Не будь ослом, Хилберт!

– Стараюсь не быть, дорогая.

– Плохо стараешься, – проговорила она, обтирая тело полотенцем. – Я принимала ванну в этот час потому, что чертова прислуга целый день не могла нормально нагреть воду!

Амелия нахально врала – полковник всегда мог это определить.

– Немного обидно, а?

– Да. Они полные болваны, все без исключения, – пожаловалась его хорошенькая супруга.

Он неспешно пересек комнату и демонстративно разворошил смятую постель стеком, с наслаждением наблюдая, как искажается от изумления лицо Амелии. После этого он плюхнулся на край кровати, вытянул перед собой одну ногу и положил на нее другую, согнутую в колене.

– Провела день в постели, да? – Полковник лениво похлопал ладонью по голенищу сапога.

Подобно кошке, Амелия обладала редкой способностью не терять равновесия. Так было и сейчас. Она кивнула:

– Как тебе прекрасно известно, у меня страшно болела

голова – с самого утра.

Полковник успел заметить улыбку, скользнувшую по хитрому личику. Он знал, что именно она означала. Интересно, с кем Амелия делила эту постель.

Она уронила купальное полотенце на пол и остановилась, обнаженная, перед туалетным столиком, рассматривая в зеркале свою фигуру. «Дорогая Амелия» не страдала от застенчивости. Она прекрасно знала каждый дюйм своего тела, как солдат-кавалерист знает своего коня. Она и заботилась о нем так же: кормила его, обихаживала, старательно за ним присматривала, тайком немного баловала. Солдат знает, что, если он должным образом позаботится о своем коне, тот всегда будет верно ему служить. В отношении своего главного достояния – тела – Амелия придерживалась точно такой же философии.

Откинувшись на подушки, полковник наблюдал, как Амелия, повернувшись спиной к зеркалу, разглядывала через плечо свое отражение. Она ущипнула себя за ягодицы, видимо, проверяя, не появилось ли там лишнего жирка.

Успокоившись на этот счет, Амелия накинула пеньюар, уселась за туалетный столик и взяла щетку для волос.

– Приятно провел день? – осведомилась она, приводя в порядок спутавшиеся золотистые пряди.

– Очень.

Хилберт приподнялся на локтях, потом поднялся с постели и встал у Амелии за спиной. Полупрозрачный пеньюар

соскользнул с ее плеча, искусно обнажив плечо и одну грудь. Не снимая перчаток, он протянул руку и обхватил пальцами белую шею.

– Ты как всегда прелестна, моя радость.

Несмотря на комплимент, она наморщила носик:

– От тебя разит конским потом.

– Ездил верхом целый день. Как еще от меня может пахнуть? – Полковник приподнял стек и потом несколько раз провел им по ее соскам, опустил вниз по животу к треугольнику пышных завитков. – Всегда получаю удовольствие от хорошей езды.

Она повела бедрами и многозначительно засмеялась.

Амелия могла быть игривой и даже изобретательной. На его глазах она делала такое, от чего покраснела бы и опытная шлюха. И хотя во время их первых встреч она притворялась девственницей, притворство ее было мгновенно отброшено, как только она поняла, что ему это совершенно все равно. Более того – он даже был доволен тем, что она уже владела искусством любовных утех. Хилберт наклонился, чтобы его ладонь могла повторить путь стека.

– Тебе надо помыться, – заявила Амелия.

– Значит, ванна здесь очень кстати.

– Я скажу Хет, чтобы она принесла чистой воды.

Амелия приподнялась, но полковник остановил ее, положив на обнаженное плечо стек. Он напомнил о своей власти над ней.

– Старому вояке и это сгодится. Я готов забраться в нее после тебя, дорогая.

– Все, что пожелаешь, Хилберт.

Он понимал, что ее послушание притворно. Он иронически улыбнулся и приподнял мохнатую бровь:

– Неужели все?

Амелия чуть ли не замурыкала. Она прижалась к его плечу (будто не было запаха конского пота) и начала тереться о него.

– Чего бы тебе хотелось?

– Чтобы ты меня раздела...

Она принялась расстегивать пуговицы еще до того, как он закончил фразу:

– ...и принесла мне рюмку мадеры, пока я буду лежать в ванне.

Она будто девочка надула губки:

– А мне показалось, что ты задумал что-то другое...

– Знаю. Но ты ошиблась, дорогая.

«Как это часто с тобой бывает», – мысленно договорил он.

– Наверное, ты устал после долгой поездки.

Полковник хотел съязвить, что, мол, это же можно сказать и о ней. Однако он просто кивнул головой:

– До Серапеума и обратно дорога довольно долгая, старушка.

Он знал, что Амелия ненавидит, когда он называет ее старушкой. Именно поэтому он время от времени вставлял в

разговор это обращение.

– Кстати, как наша подопечная?

– Чертовски хорошая наездница эта леди Элизабет.

– Чему удивляться? Она всегда казалась мне чересчур крупной и массивной девицей.

Полковник игнорировал ее злые слова.

– Прекрасно держится в седле.

Амелия прошла вокруг него, обольстительно покачивая бедрами, и кокетливо напомнила:

– Бывало, ты говорил так обо мне.

Хилберта это ничуть не развлекло. В последнее время Амелия стала будить в нем не желание, а раздражение. В ней не было никакой тонкости. Никакого аристократизма. Не то что Элизабет Гест, в одном пальчике которой было больше изящества, чем во всем пышном теле Амелии.

Видимо, на его обветренном лице отразилась тень от вращения.

– Ты успел привязаться к этой девице, не так ли, Хилберт? – спросила Амелия.

– Наверное, да. Она прекрасная и умная молодая женщина с добрым сердцем.

Амелия не сдержалась и ужалила, как ядовитая змея:

– Вот уж не думала, что тебя привлекает доброе сердце! Скорее пара красивых высоких грудей, за которыми оно бьется.

– У тебя всегда в мыслях одно и то же, – произнес пол-

ковник с глубоким отвращением.

– Именно поэтому ты на мне и женился! – ответила она чересчур громко.

Он нанес ответный удар:

– Но мы ведь так и не собрались оформить это официально, если я не ошибаюсь?

Повернувшись к нему спиной, Амелия небрежно бросила через плечо:

– К счастью. Ты стареешь, Хилберт, и в постели с тобой скучно.

Он резко развернул ее и, ткнув стеклом в подбородок, поднял ей голову.

– Мне кажется, дорогая, что на этот раз ты зашла слишком далеко.

Властный тон мгновенно подействовал на Амелию. У нее на глазах выступили слезы, ровные белые зубки впились в нижнюю губу, подбородок с ямочкой задрожал.

Глубоко вздохнув, она прошептала:

– Мне очень жаль, Хилберт. Я это несерьезно.

– Я знаю, что тебе жаль, радость моя. Тебе всегда бывает жаль.

Эту сцену они проигрывали уже много раз, и всегда она заканчивалась более или менее одинаково. И, как прежде, он пытался определить, действительно ли она искренне раскаивается или это он недооценивает ее актерский талант.

– Позволь, я помогу тебе снять куртку и сапоги, – смирен-

ным тоном попросила Амелия. – Ты же хочешь помыться, прежде чем идти пить чай.

– Конечно, от меня же чертовски воняет.

– Это запах мужчины, дорогой, и тебе он идет.

Амелия завела иную песню, хотя совсем другое доносилось из ее уст всего несколько минут назад. Она вдруг ожилилась и защебетала:

– Кто-то из офицеров говорил, что мы будем несколько суток стоять в Миние, около Бени-Хасана, чтобы можно было ночевать в пещерах.

Они вернулись на нейтральную территорию, где оба чувствовали себя уверенно, – к их общей роли опекунов леди Элизабет.

– Да, лорд Стенхоуп очень определенно высказал свои пожелания на этот счет.

Амелия почистила щеткой куртку мужа и повесила ее в шкаф, а потом подставила ему свою округлую попку, чтобы он опирался на нее, снимая сапоги.

– А нам обязательно ночевать в пещерах?

– Боюсь, что да. Все уже заказано.

Она содрогнулась, и ее страх не был наигранным.

– Я не люблю пещеры, гробницы и все, что находится под землей.

– Знаю, что не любишь, старушка. Но ты будешь вести себя как надо. Как всегда.

– Да, Хилберт.

– В конце концов все это окупится.

– Знаю. – Она отставила его сапоги в сторону. – Я велю кому-нибудь из слуг, чтобы их сейчас же начистили.

Хилберт Уинтерз решил, что Амелия все-таки прекрасно о нем заботится. Наверное, это было одной из причин, почему он с ней до сих пор не расстался.

Глава 12

Элизабет была целиком и полностью согласна с Амелией Уинтерз – чуть ли не впервые за все время их знакомства. Было нечто таинственное и даже пугающее и том, что им предстоит ночевать в чьей-то гробнице.

Конечно, владелец отеля называл их «пещерами», заботясь о наиболее нервных своих постояльцах, но тем не менее это все равно были гробницы. Говорили даже, что в одной из них по-прежнему находится мумия!

В «пещерах» хоронили, разумеется, не фараонов и цариц, а надсмотрщиков, ремесленников, правительственных служащих и членов их семей. Расположенные в высоких скалах, нависших над берегом Нила и скопищем деревушек у самой воды, они по размеру были, как правило, не больше скромной спальни.

Элизабет шла по террасному саду в сопровождении хозяйина гостиницы.

– Вам предоставлена одна из самых красивых пещер, – говорил он ей вкрадчиво. – Там много росписи. Это погребальная камера Исиды, жены деревенского надсмотрщика, жившего во времена девятнадцатой династии.

– Она поистине великолепна! – вскричала Элизабет, войдя в свой «гостиничный номер».

– Да, великолепна, – подтвердил владелец и перешел к

более практическим вопросам: – Насколько я знаю, ваша служанка распаковала вещи, пока вы обедали. На столике у кровати есть легкие закуски. Если ночью вы пожелаете еще чего-нибудь, пожалуйста, позвоните в колокольчик. Кто-нибудь немедленно к вам придет.

Элизабет несколько удивленно посмотрела на него.

Хозяин гостиницы с улыбкой объяснил ей:

– Все очень просто, миледи. В течение всей ночи у нас дежурят несколько слуг, готовых позаботиться о наших гостях.

– Понятно, – отозвалась она. – Я уверена, что мне ничего не понадобится. Благодарю вас. Вы были очень добры.

– Приятных впечатлений и приятных снов вам, миледи. – Прежде чем уйти, он остановился у двери и несколько раз по-восточному поклонился. – Сейчас я пришлю сюда вашу служанку.

Элизабет попрощалась с гостеприимным хозяином необычной гостиницы и внимательно осмотрела «комнату», в которой ей предстояло провести ближайшие две ночи.

Стены и свод пещеры удивляли богатством красок. Девушка видела ночное небо, усеянное мириадами звезд, древних грозных богов, плодородные поля Иару с прохладными ручьями и финиковые пальмы...

На дальней фреске были изображены носильщики с экзотическими товарами тропической Африки. Элизабет представила, что они несли золото, эбеновое дерево, шкуры леопардов, хвосты жирафов, страусовые перья, благовония,

древки для копий... В углу картины прыгали несколько маленьких обезьянок.

На другой стене был нарисован богатый жертвенник – много свежего мяса, ошипанных уток и гусей, корзины с ковригами хлеба, с гроздьями сочного темного винограда, с луком и другими овощами, а также несколько кувшинов с пивом. Запасы пищи и питья, которые понадобятся умершей женщине в потусторонней жизни.

Нашла Элизабет и изображение самой Иисиды – стройной, гибкой и вечно молодой.

– Ты была прекрасна... поистине прекрасна, – благоговеяно прошептала Элизабет.

Три тысячи лет назад умерла Исида, но фреска сохранила ее образ. Элизабет любовалась обведенными черной краской глазами, черным париком, платьем густо-синего цвета, великолепными золотыми и серебряными украшениями.

– Интересно, что стало с твоей мумией? – не удержалась от вопроса Элизабет. – Надеюсь, ты не рассердишься на то, что я буду спать в твоей гробнице.

– Pardon, миледи, – сказала Колетт, входя в пещеру. Она спешила заняться обычным вечерним туалетом своей госпожи.

– Ничего, Колетт. Я просто говорила сама с собой.

Элизабет быстро отвернулась и начала готовиться ко сну.

Прошло довольно много времени, прежде чем молодая француженка с тревогой в голосе пожелала Элизабет доброй

ночи и отправилась в отведенную ей крохотную комнатку, заявив на прощание:

– Все равно я не могу понять, зачем надо спать в катакомбах, миледи. Не сомневаюсь, что меня всю ночь будут мучить кошмары.

– Постарайся не думать об этом. Увидимся утром.

Когда служанка была уже у выхода, Элизабет радостно крикнула ей:

– Спокойной ночи, Колетт!

Оставшись одна, Элизабет села за старинный столик, чтобы сделать запись в своем дневнике. Но под пристальным взглядом Исиды с фрески ей никак не удавалось сосредоточиться.

Подперев рукой подбородок, она стала смотреть на изображение прекрасной женщины, которая жила за тридцать веков до нее.

– Интересно, были ли у тебя захватывающие приключения? – Она вздохнула. – Ты любила мужа? У вас были дети? Любовь...

В последние недели Элизабет много думала о ней. И пришла к выводу, что определенно не влюблена в лорда Джона-тана – Джека. В него нельзя влюбляться: это было бы очень неразумно с ее стороны и слишком опасно.

Но пожалуй, она им увлеклась.

Сегодня за обедом Джек был молчалив. Душой общества оказался любезный и очень милый граф Полонски. Он всю-

ду бывал, все перепробовал, был со всеми знаком – и так интересно обо всем рассказывал. Он даже поведал чудесную историю о принце Уэльском и некоей миссис Л. И причем в подробностях, отчего Элизабет покраснела, хотя и получила удовольствие.

Вздыхнув, Элизабет отложила перо и закрыла альбом в кожаном переплете.

– Нет, не могу я здесь спокойно писать о прошлом дне. Потом запишу.

Она приготовилась спать: привернула фитиль лампы и скользнула под одеяло, не забыв опустить противомоскитную сетку. Но тут же снова встала, взяла дневник со столика и спрятала его под подушку.

Через какое-то время Элизабет проснулась. Поначалу ей казалось, что она встревожена сновидением – ей, конечно же, опять приснился Джек.

Девушка села на постели и устремила взгляд в темноту. Сквозь крохотное окошко, проделанное в передней стене спальни, проникал очень слабый свет. Да и то лишь потому, что было полнолуние.

Она сидела, стараясь успокоиться, и ждала, когда сердце начнет биться ровно. Казалось, вокруг было тихо – или она ничего не слышала из-за гула в ушах и прерывистого шумного дыхания? Все тело ее покрылось потом. Ночная рубашка противно липла к коже.

Неужели ее снова беспокоят сны о Джеке? Сны, в которых он целовал ее, ласкал и прижимал к себе, так что она ощущала его налитые силой мышцы и ту особую часть тела, которая делает мужчин такими непохожими на женщин... Он шептал ей на ухо что-то завораживающее, обещал доставить ей удовольствие с помощью одного только языка...

Элизабет содрогнулась.

Или, может быть, ее разбудил более мрачный, совсем не такой приятный сон?

Со времени смерти милой Анни ее мучило одно и то же видение. И она в испуге просыпалась посреди ночи, тело ее покрывалось холодным потом, а сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется.

Кто-то преследовал ее.

Элизабет не могла понять, кто и за что ее преследует. Было ясно только одно: если ее поймают, ей придет конец. И всегда рядом была Анни, требовавшая заботы, мешавшая ей бежать. И хотя Элизабет сознавала, что безжалостный преследователь вот-вот догонит ее, она не бросала свою младшую сестру. Но рука Анни выскользнула из ее руки, и они разлучались.

Глядя в темноту, Элизабет впервые поняла, что так и не знает, что должно произойти потом: всякий раз она просыпалась с плачем – не было конца у этого кошмарного сна.

Девушка утерла слезы. Что разбудило ее этой ночью?

Тук.

Тук. Тук.

Элизабет замерла от страха. Крошечные волоски на ее затылке вдруг встали дыбом. Кожу головы странно покалывало. По всему телу вдруг побежали мурашки.

Реальность ударила ее, словно прикосновение ледяных пальцев к позвоночнику.

В пещере еще кто-то есть!

Элизабет почувствовала, что в горле у нее сухо, как в пустыне во время песчаной бури. Сердце ее трепетало, как пойманный мотылек. Дыхание перехватило – ей казалось, что она вот-вот задохнется.

Страх.

Впервые в жизни Элизабет нутром почувствовала всю глубину этого самого примитивного чувства. Нет, наверное, не впервые: впервые она испугалась по-настоящему в ту ночь, когда умирала Анни.

Однако сегодняшний ее страх был совсем иным. Это был страх перед неизвестным, страх жертвы, бессильной против хищника, страх беглеца, которому не удастся уйти от погони. Руки и ноги у нее похолодели. Сознание было четким, а тело словно парализовало. Это походило на страшный сон, на кошмар – только она не спала!

Тут Элизабет различила темную фигуру в широком одеянии и с трудом сдержалась, чтобы не закричать. Кто-то был прямо здесь!

Это призрак?

Можег быть, это вернулась мумия Исиды и. хочет получить обратно свою усыпальницу?

Элизабет очень живо представила себе, как закутанный в льняную материю мертвец встает из гроба и идет при свете луны. Ей показалось, что пахнет смолой, кото-рой в древности пропитывали погребальные пелены.

Элизабет укорила себя за то, что дала волю фантазии. Конечно, это не призрак и не вышедшая из гроба мумия. Это живое существо из плоти и крови. Иначе просто быть не может.

Сквозь противомоскитный полог она разглядела, что незванный гость направился к ее дорожному сундуку. Кем бы ни был пришелец, он явно намеревался порыться в ее личных вещах!

Думай, Элизабет, соображай! Нечего жаться в постели! Никакой рыцарь в сверкающих латах не примчится на своем верном скакуне, чтобы спасти тебя от того, кто проник в пещеру. Надо самой что-то делать.

Где ее решимость? Ее сила воли? Ее отвага? Милая, нежная Анни говорила, что в Элизабет ее больше всего восхищает отвага. Разве младшая сестра не была бы разочарована, если бы сейчас увидела, что она съежилась под одеялом и притихла, как мышка?

Элизабет услышала, как тихо скрипнула крышка сундука. Ее передернуло от отвращения. Сейчас кто-то будет рыться в сундуке, чьи-то руки коснутся нижнего белья, тончайших

батистовых сорочек и панталон. Этот кто-то возьмет старинную брошь с камеей, которую мать подарила ей в день шестнадцатилетия. А то и бесценную фотографию Анни и всей семьи, с которой она никогда не расстанется.

Элизабет с изумлением поняла, что теперь испытывает уже не столько страх, сколько гнев. В конце концов, разве что-то может причинить ей более сильную боль, чем та, которую она испытала от смерти дорогой Аннелизы?

Кто посмел войти к ней в спальню, ворошить вещи и ругать ее до полусмерти?! Господь свидетель: она не намерена лежать в постели, она не трусиха! Пора действовать. Но сначала необходимо вооружиться.

Розовый шелковый зонтик лежал на старинном столике у кровати.

Ничего лучшего она придумать не смогла. Хотя зонтик наверняка сломается, а он так нравится ей.

Придется сначала вскочить, а потом уже схватить его. Она приготовилась, сделала глубокий вдох, раздвинула противомоскитную сетку и решительно крикнула:

– Стойте! Кто здесь?

Темная фигура у сундука замерла.

Элизабет схватила со столика любимый зонтик и, размахивая им, словно волшебным мечом, повторила свой вопрос, моля Бога, чтобы пришелец не расслышал, что голос ее дрожит:

– Я сказала: кто здесь?

Вор выпрямился, повернулся и опрометью бросился к выходу. При этом он перевернул стул и задел жестяную банку с печеньем, стоявшую на краю стола. Банка с шумом упала на каменный пол.

Дверь спальни распахнулась, и темная фигура исчезла в ночи. Мгновение спустя Элизабет будто кто в спину толкнул, и она пустилась в погоню.

Сжимая в одной руке зонтик, а другой придерживая подол длинной ночной рубашки, девушка мчалась за грабителем. Только когда под ее босыми ногами оказалась дорожка, посыпанная гравием, она опомнилась, поняв, что даже не успела надеть тапочки.

– Дьявольщина! – тихо выругалась Элизабет, глядя, как неизвестный благополучно подбегает к саду.

Она вздохнула. Отчасти этот вздох выражал разочарование, отчасти – облегчение. Ничего уже не изменить. Так что будет лучше вернуться в спальню.

Элизабет повернулась и только теперь заметила позади себя еще одну темную фигуру. Тихо вскрикнув, она выставила зонтик как шпагу.

В следующее мгновение она, узнав человека, опустила свое оружие и несколько ворчливо воскликнула:

– Вы меня напугали до полусмерти!

Джек ступил в полосу лунного света и чуть иронично осведомился:

– Вышли на ночную прогулку, миледи?

Глава 13

Джек отступил на пару шагов и поднял руки, показывая, что сдается.

– Миледи, я взываю к вашему милосердию. Пожалуй-ста, не надо так размахивать зонтиком. Он может оказаться очень опасным оружием.

– Вот именно, милорд, – решительно подтвердила Элизабет.

Он внимательно посмотрел на нее и заметил:

– Кажется, вы запыхались, миледи.

– Да, милорд, – недовольно подтвердила она.

– И какова причина?

– Я гналась за вором, который был у меня в спальне.

Джек засмеялся:

– Гнались за вором?

– Да. Я проснулась и увидела, что в моей комнате кто-то есть.

Джек перестал улыбаться. Его губы плотно сжались.

– Вы уверены?

Она кивнула:

– Я его преследовала.

– Вы не воспользовались звонком, чтобы позвать на помощь?

Элизабет забыла о колокольчике, однако она не собира-

лась признаваться в этом.

– Помощь подоспела бы не сразу, а вор тем временем успел бы скрыться.

– Поэтому вы и погнались за ним.

– Вот именно.

– Дурочка! – зло воскликнул Джек. – Это могло плохо для вас кончиться!

– Я знаю.

Как объяснить Джеку, что ее страх уступил место ярости? Что из трусливо жавшейся в кровати жертвы она вдруг превратилась в охотницу? Смерть больше не пугала ее. Ей каким-то чудом удалось пережить ту ужасную ночь прошлой зимой, когда умерла ее милая сестра, которую она любила всем сердцем. Теперь Элизабет знала, что может выдержать в любых обстоятельствах.

Джек схватил девушку за руку выше локтя и заставил повернуться к нему спиной, а потом снова лицом. Он осмотрел ее.

– С вами ничего плохого не случилось?

– Нет, – спокойно ответила она. – Со мной все в порядке.

Элизабет заметила наконец, что стоит перед Джеком в ночной рубашке, которая местами прилипла к потному телу. Ее соски обозначились под тонкой тканью. И Джек смотрел прямо на них.

У нее от волнения перехватило горло. Она тихо спросила:

– Что-нибудь случилось, милорд?

Он неохотно перевел взгляд на ее лицо.

– Нет, миледи. Вор что-то унес?

– Не знаю.

– Он был один?

– Я видела только одного.

Элизабет сама поняла, какой беспомощной и наивной кажется она Джеку.

– Идемте. Я пройду с вами в пещеру. – Джек взял ее за локоть.

Она слабо запротестовала:

– Право, в этом нет нужды!

– А что, если воров было двое и второй продолжает рыться в вещах?

«Как глупо, что я об этом не подумала», – рассердилась на себя Элизабет.

– Мне не пришло это в голову, – произнесла она вслух.

– Ну а мне вот пришло. Идемте туда быстрее.

Она почувствовала, что Джек страшно на нее зол.

– Благодарю вас, милорд. Вы очень любезны. Я понимаю – вам, должно быть, хочется поскорее вернуться к себе.

Элизабет обернулась на темные проемы пещер, пытаясь догадаться, которая отведена ему.

Джек прочел ее мысли – ему это удивительно хорошо удавалось.

– Мой номер находится рядом с вашим.

– Рядом?

– Это была гробница деревенского надсмотрщика по имени Ка.

– Мужа леди Исиды?

– Да. – Он вопросительно поднял брови. – Откуда вы узнали?

– Я сплю в погребальной камере леди Исиды.

– Похоже, Ка процветал. Очень редко бывало, чтобы у каждого была отдельная гробница. Обычно вместе хоронили целую семью, включая женатых сыновей и замужних дочерей.

– Навечно вместе, – прошептала Элизабет. – В этом есть что-то утешительное.

Однако Джек не слушал ее романтические бредни. Он мысленно проклинал себя за то, что не пришел ей на помощь вовремя.

– Я был рядом! Если бы остался у себя в комнате, – пробормотал он, – вместо того, чтобы дышать воздухом, то услышал бы ваши крики.

Элизабет недоуменно переспросила:

– Мои крики?

– Когда вы заметили непрошеного гостя.

Она расправила плечи и негодуя фыркнула:

– Я не кричала, когда заметила вора, милорд! И потом тоже. Мы не кричим.

Он удивленно приподнял бровь:

– Мы?

– Мы, отважные и решительные женщины, милорд, – пояснила она чуть высокомерно.

– А, понимаю.

Элизабет почему-то показалось, что он ничего не понимает.

– Тем не менее, – добавил Джек, – я буду спать спокойно, если сам проверю вашу комнату.

– Как желаете, сударь.

Хотя у Элизабет и были длинные ноги, ей все равно приходилось бежать, чтобы не отстать от Джека, пока они возвращались к гробницам.

– Помните, вы предполагали, что будут новые попытки напугать вас – чтобы вы уехали.

Элизабет остановилась и уставилась на Джека.

– Вы считаете, что случившееся связано с тем, что было в музее?

Его глаза горели гневом.

– Да, считаю.

Она тихо вскрикнула:

– Тот негодяй, который затолкал меня в гроб, приходил сегодня ко мне в спальню?

Джек не стал пытаться смягчить удар.

– Мне очень жаль, Элизабет, но скорее всего это один и тот же злодей.

– Матерь Божия!

– Кто-то ведет с вами игру, милая моя девочка, и игра

эта довольно гадкая, – проговорил Джек сухо и жестко. – Я намерен позаботиться о том, чтобы эта игра прекратилась.

Элизабет тревожилась о своем дневнике и секретных записях, спрятанных в обложке. Что, если у вора был сообщник? И пока она гналась за одним, другой уже обыскал ее пещеру. Быть может, они так задумали – чтобы выманить ее из склепа...

– Нам надо спешить! – воскликнула Элизабет, высвободила руку и бросилась бежать.

Она ворвалась в распахнутую дверь спальни, которая когда-то была усыпальницей леди Исиды, и первым делом метнулась к кровати – проверить, остался ли под подушкой ее драгоценный дневник. Нащупав гладкую прохладную кожу переплета, она с облегчением вздохнула.

Джек вошел почти сразу же за ней.

– Какого черта! – воскликнул он, увидев, как она склоняется над постелью. – Что происходит, Элизабет? Что вы там прячете?

Элизабет выдернула руку из-под подушки и повернулась к нему.

– Ничего, – решительно заявила она, однако лицо выдало – девушка чувствовала неловкость.

Внезапно Джек навис над ней: высокий, смуглый, красивый... В бледном свете луны его волосы казались чернильно-черными, а кожа – бронзовой. Элизабет не в первый раз подумала, что никогда в жизни не видела более красивого

человека.

И более опасного.

– Можете закрыть рот, Элизабет, – проговорил он, иронично улыбаясь.

С досадой заметив, что ее рот действительно открыт от изумления, она поспешно сжала губы.

Он приблизился к ней почти вплотную.

– А теперь, дорогая моя, я хочу услышать правду.

– П-правду? – Ее голос невольно дрогнул.

Он кивнул:

– Всю правду.

Элизабет повернулась к столику у кровати и зажгла керосиновую лампу. Когда комната осветилась, она сразу же почувствовала себя лучше.

– Я не могу сказать вам всю правду, – призналась она, стараясь говорить как можно спокойнее. – Я дала слово.

Джек хмыкнул:

– Кому вы дали слово?

– Себе самой.

– Себе?!

Он явно ожидал услышать какой-то иной ответ.

Элизабет кивнула, ощущая, как волосы скользят по ее плечам: во время погони коса ее расплелась.

– Я дала себе слово, что первым об этом услышит мой папа. Я торжественно поклялась в этом. Вы же не захотите, чтобы я нарушила торжественную клятву?

Джек немного помолчал и ответил:

– Да. Я этого не захочу.

– Уверяю вас, вы не имеете никакого отношения к моей тайне.

Джек что-то пробормотал себе под нос. Девушке показалось, будто он сказал: «Черт, как бы я хотел не иметь!» Однако она тут же решила, что ослышалась.

Элизабет осмелилась прикоснуться к его обнаженной до локтя руке.

– Извините. Мне очень жаль, что я не могу вам все рассказать.

– Мне тоже.

– Не сердитесь на меня.

Он протяжно выдохнул:

– Я не сержусь.

– Вы во мне разочаровались.

– Ничуть.

– Тогда в чем же дело?

Его яркие глаза блеснули в свете лампы.

– Дело во всей этой проклятой истории.

– Я не понимаю.

– Знаю, что не понимаете.

Атмосфера была настолько напряженной, что казалось, воздух вот-вот зазвенит, как туго натянутая струна.

– М-мне надо бы прибраться. Ах, что устроил тут вор! – Элизабет опустила на четвереньки.

– Я сам соберу это чертово печенье! – Джек бесцеремонно взял ее за локти и заставил подняться. – Посмотрите свой сундук и проверьте, не пропало ли что-нибудь.

Джек поднял опрокинутый стул и собрал рассыпавшееся по каменному полу печенье, пока Элизабет методично перебирала свои вещи.

– Кажется, все на месте, – сообщила Элизабет, заперев крышку дорожного сундука.

– Выходит, вы спугнули вора прежде, чем он успел найти то, что искал.

– Да, наверное, так.

Джек скрестил руки на груди и прислонился спиной к мраморной колонне.

– Вы не собираетесь сказать мне, что именно это было?

– Что? – спокойно спросила она.

– Что нужно было вору.

– Я не знаю. – Элизабет судорожно сглотнула, чувствуя, как у нее горят щеки. – Точно не знаю.

– Но подозреваете.

Она понизила голос почти до шепота:

– Подозреваю.

Джек раздосадованно вздохнул.

– Бог свидетель, у большинства людей есть свои секреты. Есть и у меня. Вы, дорогая, тоже имеете право на тайну.

Она облизнула пересохшие губы.

– Спасибо вам, Джек.

– За что?

Секунду помедлив, Элизабет ответила:

– За то, что вы не заставили меня ответить.

Его лицо потемнело.

– Я никогда в жизни не заставлял женщину делать что-то против ее воли.

Это была правда, однако оба понимали, что Джек обладает немалым талантом убеждать и что он вполне мог обратить свой талант против нее.

Джек с ленивой грацией выпрямился.

– Пора пожелать вам приятных сновидений, миледи. Не думаю, чтобы этой ночью вас снова побеспокоили, однако помните, что я нахожусь по соседству – на всякий случай.

Он повернулся, чтобы уйти.

– Джек.

Он остановился, взявшись за дверную ручку.

– Да?

– Мне хотелось бы, чтобы ты остался.

– Сейчас уже глубокая ночь, Элизабет.

Ей трудно было дышать.

– Я знаю.

– Тебе страшно остаться одной?

– Нет.

Он замер. В полумраке Элизабет не могла разглядеть его лица.

– Тебе только семнадцать, Элизабет. Ты не понимаешь,

что говоришь.

– Мне почти восемнадцать, и я все понимаю.

Джек шагнул обратно в комнату и закрыл за собой дверь.

– И чего же ты хочешь?

«Тебя, – хотелось ей ответить. – Я хочу тебя».

Она смотрела ему прямо в лицо.

– Я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

Казалось, он был чуть заинтригован:

– Поцеловал?

– Да! – выдохнула она, чувствуя, как ее снова охватывает страх. Однако этот страх был совсем иным – страх перед неизвестным, страх неискушенной женщины наедине с многоопытным мужчиной.

Джек медленно двинулся к ней, и каждый мускул, каждое движение его тела выражали чувственность. Он двигался неторопливо, размеренно.

– При этом освещении волосы у тебя даже темнее, чем мне представлялось.

Джек ухватился за ее неосторожную оговорку:

– Ты представляла себе, как я приду в твою спальню?

Она поспешно ответила:

– Нет!

Он бросил на нее недоверчивый взгляд.

– Тогда, в пирамиде Хеопса, мы дали слово не играть друг с другом. Помнишь?

– Да.

– Мы договорились, что всегда будем...

– ...говорить правду, – закончила она за него.

– Тогда не хитри, Элизабет.

Она немного помедлила, а потом сказала Джеку то, что ему хотелось услышать:

– Я представляла себе, как ты придешь ко мне в спальню.

– А я представлял себе, как ты лежишь в моей постели. Ты желанна мне так, как не была желанна ни одна женщина. – Джек остановился прямо перед ней, поднял руку и приложил ладонь к ее щеке. – Я ночи из-за тебя не спал, великолепная леди. Скажи-ка, а я тревожу твои сны, как ты – мои?

У Элизабет отнялся язык. Она не могла говорить – только кивнула.

– Тебе снятся мои поцелуи, мои ласки, нежная английская розочка?

Ей хотелось ответить, «нет», отрицать все – но она не могла. Господь да смилуется над ней, это выше ее сил. Ведь это правда. Истинная правда.

Он обольщал ее своими сладострастными речами.

– Видно, нам с тобой суждено встречаться ночами, когда весь мир спит.

Ее руки умоляюще протянулись к нему.

– Я не могу спать.

– И я тоже. – Он потер потемневший от щетины подбородок. – Мы ведь, кажется, так и не закончили урок любовного искусства?

Она затаила дыхание:

– Так и не закончили.

– Тогда, в пирамиде Хеопса, было не время и не место, – сказал Джек, беря ее за руку.

– Действительно, там было холодно и темно.

– И нам мешала наша одежда.

– Это так.

Он крепче сжал ее пальцы, привлек к себе.

– Но сейчас не будет мешать.

– Да. – Она медленно выдохнула. – Не будет.

– На тебе лишь тонкая рубашка.

Элизабет физически ощущала на себе его взгляд. Сердце у нее забилось быстрее.

– Да.

– Ткань прилипает к телу. Мне хорошо видны очертания твоих грудей и их темные вершинки. Они напоминают мне бутоны роз, на которых дрожат капельки росы.

Подняв руку, Джек провел пальцами сначала по одному ее соску, а потом по второму. Он повторил свою ласку, но на этот раз прикасался к ее телу золотым кольцом, надетым на средний палец. Сквозь тонкую ткань Элизабет остро почувствовала прохладу гладкого металла. От этого у нее внутри возникло какое-то странное, но дивное чувство. Сердце в груди трепетало. Все тело горело. Она снова испытывала это – множество самых разнообразных ощущений, которые будил в ее теле Джек.

– Между мужчиной и женщиной всегда бывает так? – спросила она, чувствуя, как тело начинает дрожать от переполнявших ее ощущений.

Его голос странно сел:

– Что бывает так?

– То, что происходит между нами. Твоя плоть становится огромной и твердой. Твоя кожа покрывается капельками пота. Твое дыхание меняется, становится быстрым. У меня кружится голова. Кожа горит. Груды мои наливаются от одной мысли о твоих ласках. И...

– И?..

– И между ног у меня выступает теплая влага.

Джек не пытался скрыть, какое наслаждение доставили ему признания Элизабет. Он со стоном пробормотал:

– Редко бывает, чтобы такое чудо случилось одновременно с мужчиной и женщиной.

– Значит, это бывает не всегда?

– Далеко не всегда.

– Но у большинства мужчин и женщин?

– Нет, только у немногих счастливых.

– Значит, это действительно редкость и чудо.

– Да, – еще раз подтвердил он.

– И что же это значит?

– Это значит, что мы идеально подходим друг другу, моя прекрасная Элизабет, – проговорил Джек чуть хрипловатым голосом. – Это значит, что мы друг друга притягиваем, воз-

буждаем, зажигаем страстью. И что мы хотим заниматься друг с другом любовью.

Она не спросила его, значит ли это, что они любят друг друга. Ей казалось, что она немного обезумела.

– Испытывать такую сильную страсть нехорошо?

Джек явно решил, что с него разговоров достаточно.

– Тише, моя милая. То, что так приятно, не может быть плохим.

Луна спряталась за облако. Ночные тени сомкнулись вокруг них, но они этого не заметили.

Джек обхватил ее лицо ладонями и заглянул ей прямо в глаза.

– Не продолжить ли нам урок? С того места, на котором мы остановились?

– Да.

– Хочешь узнать побольше о том, что происходит-между мужчиной и женщиной, когда они занимаются любовью?

Элизабет мучительно хотелось это узнать. Она поспешно кивнула.

Джек издал сдавленный вскрик. Его лоб внезапно покрылся капельками пота.

– Да, ты устраиваешь мне серьезные испытания, – проворчал он.

– Правда? – спросила она с искренним недоумением.

– Господи, Элизабет, неужели ты не видишь, как ты мне желанна?

У нее до боли перехватило горло.

– Нет.

– А ты меня хочешь?

Хочет? Элизабет не представляла себе, о чем он говорит, но в то же время твердо знала, что если она его не получит, то просто умрет.

– О да. Я хочу тебя, Джек.

Он напряженно, торжествующе улыбнулся и легко положил руки ей на плечи. Чуть шершавой подушечкой пальца он проводил у основания ее шеи, а потом, погрузив пальцы в ее волосы, прошептал:

– У тебя великолепные волосы.

– Спа... спасибо, милорд.

Он захватил длинную душистую прядь и приложил ее к своей обнаженной груди.

– Они у тебя как шелк!

– Спасибо, милорд.

Он поднес палец к ее дрожащим губам.

– Не надо меня благодарить, бесценная моя девочка. Лучше запусти руки в мои волосы и скажи мне, что у тебя на сердце.

Элизабет подняла руку и робко дотронулась до пышной шевелюры, до его черной кудрявой тучи. Она в изумлении открыла рот и, осмелев, воскликнула:

– Это чудесно!

– Спасибо, миледи.

Ее переполняло чувство радостного удивления.

– Они такие мягкие! Словно дыхание.

– Спасибо...

Элизабет прижала ладошку к его губам.

– Вот здесь, – она провела рукой по щетине у него на подбородке, – волосы у тебя короткие и жесткие. А вот здесь, – продолжила она, медленно передвигая пальцы по его груди, – они мягкие, как самый дорогой шелк.

Тут она посмотрела внимательнее и сдвинула брови.

– Что такое? – встревожился Джек.

– Милорд, а у мужчины бывают... – Элизабет с трудом сглотнула, – бывают соски?

Джек улыбнулся.

– Конечно.

– И они тоже напрягаются и набухают, когда он...

– Испытывает плотскую страсть?

У нее загорелись щеки.

– Да.

– Почему бы тебе не прикоснуться ко мне и не посмотреть, что тогда произойдет?

Элизабет отыскала маленький коричневый сосок, почти скрытый в темных завитках волос, покрывавших мускулистую грудь Джека. Отважившись, она вытянула палец и быстро дотронулась до соска. Он мгновенно отреагировал на ее прикосновение, превратившись в плотный бутон. В другой раз ее пальцы задержались, проверяя и дразня эту интерес-

ную ей часть его тела. Результаты ее поразили.

– Ой, просто изумительно! – воскликнула она увлеченно.

– Чертовски изумительно, – хрипло отозвался Джек, не разжимая зубов.

Элизабет услышала, как напряженно звучит его голос, и сразу же встревожилась:

– О Боже. Я сделала что-то не так?

– Не так? – издевательски рассмеялся он.

– Я причинила вам боль, милорд?

Ярко-голубые глаза Джека странно блеснули.

– Да, миледи, – решительно заявил он, – причинили. Так что теперь извольте меня поцеловать, чтобы боль прошла.

Элизабет запоздало поняла, что это какая-то игра, однако она была готова эту игру принять.

Приподнявшись на цыпочках, она легонько поцеловала острый угол его скулы.

– Помогло?

– Не совсем.

– Правда?

– Да. Ты ведь должна поцеловать больное место.

Она изумленно открыла рот. Не может быть, чтобы Джек предлагал ей поцеловать его грудь! Неужели ему хотелось бы ощутить прикосновение ее губ к его обнаженной коже... или даже прикосновение ее языка к небольшому коричневому соску?

– Извините, милорд.

Джек чуть смущенно улыбнулся:

– Ничего, моя нежная, невинная Элизабет. Я понимаю, что для тебя еще многое ново. Я буду рад показать тебе, как это делается.

С этими словами он протянул руку и проследил пальцами изящную линию ключицы над воротом ночной рубашки. Он как будто невзначай запутался в шелковой ленте, стягивавшей ее рубашку, и, распустив узел, одновременно распустил и ворот. Не успела Элизабет опомниться, как оказалась голой до пояса.

– Милорд!

Она попыталась прикрыться.

– Нет. – Джек поймал ее руки и не дал ей прижать ладони к телу. – Не надо от меня прятаться.

Ему не удавалось отвести взгляд от ее груди. Они были тугими и высокими. Они были молочно-белыми и гладкими, как атлас, а их розовые вершины нетерпеливо приподнялись и набухли под его жадным взглядом.

У Элизабет отчаянно колотилось сердце. Казалось, оно то готово было вырваться у нее из груди, то проваливалось в самые пятки. И у нее томительно ныло все тело – Господи, какая это была нестерпимо сладкая боль!

Джек прикоснулся к ней, и она запрокинула голову. Из полуоткрытых губ вырвался невольный стон.

– О Боже! Я сделал что-то не так?

Она была совершенно ошеломлена:

– Не так?

– Я причинил вам боль, миледи?

Это была все та же игра. Теперь она поняла.

– Да. Так что теперь вам надо меня поцеловать, чтобы боль прошла.

Он быстро прикоснулся губами к ее щеке – поцелуй получился совершенно невинным.

– Помогло?

– Нет.

– Правда?

– Надо поцеловать больное место.

Джек властно заставил ее выгнуться, придерживая рукой за спину, и опустил голову. Ее кожа стала обостренно чувствительной, так что прикосновение его теплого дыхания действовало на нее с невероятной силой. Ей хотелось... ей было нужно... ей было просто необходимо...

– Джек, помоги мне! – воскликнула она, не выдержав напыля непонятных чувств.

Он осторожно прикоснулся к ее набухшему соску кончиком языка. Потом начал нежно тереться о него губами, щекой и даже подбородком. Но этого было мало, очень мало – и в тот момент, когда из ее груди вырвался умоляющий стон, Джек наконец сжалился над ней и впустил ее сосок в свой открытый рот.

Элизабет инстинктивно выгнула спину, так что чувствительный бутон оказался у него между губами. Острые края

ласково сомкнулись на женской плоти. Он переходил от одной груди к другой, уделяя каждой равную долю внимания.

А потом он наклонил голову сильнее, вобрал ее плоть глубже и стал сосать ее – сильно и долго. Она почувствовала, как ее лоно отозвалось сладостным томлением. Она вдруг перестала быть такой женщиной, какой считала себя всю жизнь. Она не была практичной. Она не была рассудительной. Она не была решительной. Теперь она стала необузданной, свободной и такой естественной, какими бывают обжигающее солнце и прохлада ночи в пустыне. Ей никогда и в голову не приходило, что любовные ласки могут оказаться такими.

Целиком отдавшись чудесным ласкам Джека, Элизабет почти не обратила внимания на то, что ночная рубашка ее скользнула на пол, а ее саму бережно уложили на кровать. Только когда чуть шершавые пальцы Джека заскользили по ее обнаженным ногам, она почувствовала панический ужас.

– Милорд... Джек... что?..

– Не бойся, моя нежная английская розочка. Это всего лишь еще один урок, – пробормотал он успокаивающе.

И все-таки она попыталась отстраниться, когда он опустился на кровать с ней рядом. Внизу у него опять появился все тот же бугор. Теперь она легко его узнавала.

– Джек, – ахнула она, – ты собираешься засунуть его в меня?

Он нежно отвел влажную прядь волос, упавшую ей на лоб.

– Нет, моя невинная девочка, не собираюсь. О, этой ночью мы удовлетворим свои желания, и ты, и я! Но когда мы насытимся, ты по-прежнему останешься девственницей.

Элизабет старалась успокоиться.

– Разве такое возможно?

– Вполне возможно, – уверил ее Джек. – Я могу дать тебе то, чего ты ищешь. Я могу получить то, что мне надо. И ты по-прежнему останешься «чистой, как снег, не тронутый лучами солнца».

Она не понимала, как такое возможно, но верила в то, что Джек говорит правду. Ведь прежде он ни разу ее не обманывал! Более того, ведь он – единственный человек, который честно и откровенно говорит с ней об этих вещах!

Он начал ласкать ее, возбуждая, разжигая ее страсть. Его пальцы проложили чувственный путь от основания ее шеи, по ложбинке между атласными грудями, через живот... и спустились в долину между ног, заставив ее ахнуть от неожиданности. Но в тот момент, когда она уже готова была издать протестующий возглас, Джек начал целовать ее. Его язык проскальзывал между ее зубов и погружался в глубину рта.

– Помнишь, я говорил тебе о том, что страстный поцелуй имитирует самый интимный акт мужчины и женщины? – прошептал он, касаясь губами ее обнаженного плеча.

– Да, помню, – как в тумане отозвалась она.

– Это и есть наш следующий урок, радость моя. Обними меня за плечи.

С этими словами он снова запустил язык в ее рот и в какой-то момент страстного поцелуя проверил теплый мед между ее ног и проник пальцем в ее тело.

Глаза Элизабет широко распахнулись. Она подняла голову с подушки.

– Джек!

И тут началось постепенное нарастание жара, который зарождался где-то в глубине ее тела, где она никогда прежде не бывала, о существовании которой даже не подозревала. Поначалу это было приятное тепло, но потом огонь стал все жарче и жарче, пока не поглотил ее, угрожая пожрать, испепелить заживо.

Она оказалась во власти совершенно невероятных ощущений. Ее проход был тесным, так что, казалось, его палец целиком заполняет ее. Там было влажно, и ему легко было проскальзывать внутрь и наружу... Элизабет догадалась, что палец – это замена его мужской плоти. А потом в ней начало нарастать сладкое напряжение, и ей вдруг стало страшно.

– Боже...

– Тише, девочка моя, не бойся, – прошептал Джек. – То, что ты сейчас испытываешь, – совершенно нормально и просто чудесно. Скоро ты поймешь, что это такое – умереть в моих объятиях и снова возродиться к жизни.

С этими словами он начал погружать в нее палец быстрее и глубже. Он терся большим пальцем о ее самую чувствительную частичку, и ее несло все выше и выше. Помимо соб-

ственной воли она начала приподнимать бедра навстречу его прикосновениям.

А потом был взрыв, и Элизабет разлетелась на тысячу кусочков. Отголоски экстаза отозвались во всем ее теле – от судорожно стиснувшихся зубов до странного покалывания в ступнях ног. Она глухо вскрикнула:

– Джек! Не отпускай меня, Джек!

– Я здесь, радость моя. Я с тобой.

А потом все кончилось.

Но это никогда не кончится совсем. Это всегда останется с нею, в ее душе. Она сможет спрятать эту минуту в своем сердце, вспоминать ее и лелеять. Этот момент останется с ней навсегда.

Прошло некоторое время, и Элизабет, продолжая лежать, уткнувшись лицом Джеку в плечо и обнимая его за талию, попросила его объяснить, что с ней случилось.

– Ты – страстная женщина, Элизабет. Но ты еще очень плохо знаешь свое тело. Сегодня ты испытала чувственное наслаждение, получила удовлетворение плотской страсти. Напряжение в твоём теле стало настолько сильным, что ты перешла за грань – и испытала экстаз. Он называется оргазмом.

– Ты был прав. Это действительно похоже на то, что умираешь, а потом снова возвращаешься к жизни, – сказала она удивленно.

Джек нежно убрал упавший ей на лицо локон.

– Знаю, – с улыбкой проговорил он.

Элизабет вдруг поняла, что ощущает настоящее прикосновение его плоти к своему бедру: его «недуг» по-прежнему оставался твердым и огромным.

– А как же ты?

– Это не имеет значения.

– Конечно, имеет! – возразила она, приподнимаясь на локтях. – Ты получил удовлетворение? У тебя был оргазм?

Он пожал плечами:

– Эта ночь – твоя. У меня будут другие.

– Но ты дал мне так много! Почему я не могу хоть что-то дать тебе взамен? Ты же сказал, что есть способы заняться любовью так, чтобы сохранить мою девственность. – Она зарделась. – Не то чтобы я слишком высоко ценила это сомнительное качество.

Нахмурившись, Джек решительно заявил ей:

– Но общество его ценит. И я тоже. Я не стану любить тебя так.

– Но есть и другие способы, – напомнила она ему. – Ты сам мне это сказал.

Он ответил пылающим взглядом:

– Даже несколько.

– Покажи мне их.

Джек встал с кровати и стремительно разделся, небрежно сбросив на пол сначала халат, а потом панталоны и нижнее белье.

Элизабет наблюдала за ним. Когда ее взгляд впервые упал на его мужскую плоть, глаза ее изумленно расширились. Он оказался еще более великолепным, чем ей представлялось по бугру на его панталонах.

– Боже! – воскликнула она потрясенно. – Ты просто огромный!

Джек не удержался, чтобы не поддразнить ее:

– Кажется, садовник Траут утверждал, что у тебя талант садовода?

– Садовода?

Элизабет никак не могла понять, какое отношение к его телу может иметь ее увлечение садоводством.

Он весело рассмеялся, и она с наслаждением слушала его смех.

– У тебя, милая Элизабет, и правда талант: ты заставляешь все на свете расти.

– Это сделала я? – изумленно спросила она, указывая на его мужское естество.

– Это сделала ты, – подтвердил он, возвращаясь к ней на постель.

Она с готовностью потянулась к нему и, тихо вздохнув, обвила руками его шею и подставила губы для поцелуя. Только на поцелуе Джек не остановился, и вскоре его пальцы уже оказались у нее между ног, даря наслаждение, которое было почти мукой.

А потом он взял ее руку и положил себе на то, что «взрос-

ло». Оно оказалось удивительно гладким и нежным – и в то же время твердым, как сталь. Ничего более изумительного Элизабет еще не приходилось видеть.

– А теперь я дотронусь до тебя так же, как в прошлый раз, – прошептал он, погружая палец в глубину ее тела.

Она испытывала не меньшую готовность узнавать его тело. Она исследовала его мужское естество, проследив пальцем набухшую вену на нижней стороне, удивилась, увидев капельку росы, выступившую на его конце, дивилась его мощи и нежности...

– Ты не должна пугаться, Элизабет. Я не хочу делать ничего, что оскорбило бы твои чувства.

– Ты не можешь оскорбить мои чувства, что бы ты ни сделал, – уверила она его.

Ведь Джек знал ее тело даже лучше, чем знала его она сама!

Джек поднялся над ней, так что его широкие плечи заслонили от нее все на свете. Элизабет положила руки ему на грудь, чувствуя, как его твердая плоть оказывается у нее между ногами.

– Я не причиню тебе боли, – пообещал он.

– Я это знаю. А ты получишь удовлетворение?

– Да, если ты позволишь мне двигаться между твоими дивно стройными ногами.

Соприкосновение их тел было жарким и влажным. В Элизабет опять начало нарастать то же новое, чудесное напряже-

ние. Она откинула голову на подушки – и в момент оргазма, который она испытала второй раз в жизни, с ее губ сорвалось имя Джека.

А потом она почувствовала, как Джек выгибает спину и с торжествующим возгласом опускается между ее полусдвинутыми ногами – раз, и второй, и третий. Все тело его мощно содрогалось. Сладкая влага ее тела смешалась на простынях с влагой, исторгнувшейся из его плоти, горячей и мускусно-терпкой.

Элизабет проснулась, когда небо пустыни озарилось новым рассветом. Простыня на ее постели была сбита и пахла их любовью. Она зарылась лицом в подушку.

Джек!

Запах его тела остался на наволочке.

Вытянув руку, она обнаружила, что лежит одна. Видимо, Джек вернулся к себе в спальню, прежде чем наступивший день мог их выдать. Прошедшая ночь была их тайной. Тайной и останется.

Элизабет наконец открыла глаза и повернула голову. У нее вырвался чуть слышный вскрик. Откуда это?..

Рядом с ней на подушке, еще покрытая утренней росой, лежала алая роза...

Глава 14

Он соблазнил ее.

Теперь долг чести – жениться на ней.

Так решил Джек, беспокойно расхаживая по палубе «Звезды Египта».

Конечно, надо начинать с самого главного. Прежде всего следовало огласить его помолвку с леди Элизабет Гест.

Он намеревался поговорить с ней об этом – и заодно кое о чем еще. Пора бы перестать бегать по ночам в одной сорочке. Однако нужно, чтобы никто не помешал их откровенному разговору. Придется искать такую возможность.

Как только их пароход станет на якорь в Луксоре, у Долины царей, – это произойдет через неделю, – он договорится о встрече с ее отцом и официально попросит руки этой молодой леди. Все будет сделано в соответствии с правилами, как следует.

Лорд Стенхоуп, конечно же, даст свое благословение на их брак. В конце концов против него, Джонатана Малькольма Чарльза Уика, не может быть серьезных возражений. Он приобрел немалое состояние, репутацию честного делового человека и в этой части света создал себе имя. И к тому же он – сын герцога, пусть и опальный.

Кроме того, девушка призналась ему, что ее собственные шансы на подходящий брак невелики. Ее не вывозили в Лон-

донское общество – в отличие от ее старшей сестры, чей дебют в обществе, насколько он мог судить по первому докладу своего агента, прошел с потрясающим успехом. И действительно, результатом был удачный брак: леди Каролина стала женой маркиза. Судя по всему, младшую дочь вывозить в свет не собирались.

– «Пустая трата времени и денег». Кажется, именно такое мнение ты высказала по этому поводу, моя милая скромница Элизабет? – проговорил Джек вполголоса.

В слабых лучах рассвета его синие глаза поблескивали сталью. Джек стремительно шагал по палубе, стараясь растратить избыток энергии, которая не давала ему покоя с того момента, когда он сел на корабль в Александрии. Он не любит плавать и никогда не полюбит. На корабле слишком мало места, слишком много ограничений. Он жаждал свободы, просторов пустыни, бесконечного лазурного свода и бескрайних песков.

А еще он горел желанием снова ощутить под собой свою прекрасную длинноногую Шехерезаду, сжать ногами ее теплые бока, вцепиться в ее шелковую гриву! На губах Джека появилась озорная улыбка. Он подумал, что Элизабет похожа на его любимую лошадь: лилейно-белая, длинноногая, изящная, своенравная и темпераментная. Настоящая чистокровка.

Белоснежную кобылу, которая считалась слишком горячей и норовистой для большинства всадников, он получил в

подарок от принца Рамсеса год назад. Он скакал на ней по пустыне, на своей чудесной арабской чисто-кровке. Его черные волосы и белые одежды развевались по ветру, когда он мчался по пескам Сахары.

Конечно, Элизабет пришла бы в ярость, узнав, что он сравнивает ее с кобылой. Хотя все это она говорила сама. Она слишком откровенна. Слишком своевольна. Слишком импульсивна. И у нее слишком большой рост.

Для большинства мужчин.

Но не для него. Элизабет Гест прекрасно ему подходит. Просто идеально.

В конце концов, ему уже двадцать шесть. Пора жениться. Рами на полгода моложе, но, как подобает настоящему принцу своего племени, он взял себе три жены, и, по последним сведениям, у него уже тринадцать детей.

Черный Джек повернулся и пошел обратно от носа корабля к корме. На ходу он кивал головой и разговаривал сам с собой, поскольку рядом с ним не было верного Карима, с которым он привык делиться своими идеями.

– Да, этот брак с леди Элизабет мне необходим. Не вижу, что могло бы помешать нам быстро и мило договориться о помолвке.

Как бы то ни было, он обязан поступить по совести. Воспользовался наивностью молодой девушки... Говорил ей, что она по-прежнему чиста «как снег, не тронутый лучами солнца». Однако же именно он сорвал алую розу...

Он виноват.

Нет, разумеется, лорд Джонатан Уик – джентльмен, он признает свою вину за все, что сделал, и не станет уклоняться от ответственности. Он прекрасно все сознавал, когда вызвался научить прекрасную Элизабет искусству плотской любви, посвятить ее в тайны страсти.

И она оказалась удивительно способной ученицей!

Теперь пути назад не было, даже если бы им этого хотелось. А что касается Джека, то он даже рад. Если говорить честно, Джек мечтал поскорее продолжить ее обучение. Ему не терпелось возобновить уроки. Мысль о том, что какой-то другой мужчина мог занять его место, была ему противна. Нет, не просто противна. Она была невыносима.

Элизабет принадлежит ему!

И она будет принадлежать ему, пока он этого хочет. Таков обычай пустыни.

Кроме того, по законам племени, она испорчена для других мужчин. Он об этом позаботился. И почему-то эта мысль ничуть не огорчала Черного Джека.

Разве он не сможет убить двух зайцев одним выстрелом? Женится на Элизабет, уложит ее в свою постель, наконец насладится ею в полной мере! И в то же время постарается выполнить то, в чем поклялся принцу Рамсесу.

Ведь рано или поздно Элизабет разоткровенничается, расскажет ему все, о чем он хочет узнать, – поведает, где погребен великий фараон Мернептон Сети.

Много легенд сложилось о Мернептоне Сети. Что в них было правдой, а что – вымыслом?

Элизабет читала, будто бы великий фараон обладал силой десяти мужчин и ни разу не был побежден в сражениях.

В другой легенде утверждалось, что Мернептон Сети в отличие от фараонов, которые правили до него и после него на протяжении долгой истории Черной страны, имел всего лишь одну жену, несравненную Нефертери. Писали, что он отверг тысячи прекрасных рабынь, а также дочерей вельмож и даже принцесс, которые предлагались ему властителями других стран, искавшими союза с Египтом.

И была еще одна легенда. Она не давала покоя историкам и искателям сокровищ, передавалась из поколения в поколение. Из-за нее отец Элизабет и отправился в пустыню. Эта легенда рассказывала о богатствах, хранящихся в усыпальнице великого фараона. О несметных сокровищах. Таких ценностях, какие и вообразить трудно.

Самым ценным в усыпальнице якобы была статуя.

Элизабет склонилась над секретером в своей каюте, всматриваясь в копию малоизвестного фрагмента папируса. Она нашла его среди записок своего любимого папочки, относившихся к его первой поездке в Египет, со времени которой прошло тридцать лет.

По большей части это был длинный и скучный перечень погребальных предметов: столько-то пар расшитых бусина-

ми сандалий, столько-то браслетов на запястья и лодыжки, всевозможная одежда, зеркала и благовония, бритвенные приборы, шкатулки и коробочки, игры и музыкальные инструменты, палитры и краски, колесницы, оружие, церемониальные кинжалы и мечи, мебель, троны, кувшины и корзины, десятки скульптурных изображений самого Сети, изготовленные из диорита, слоновой кости и черного дерева.

Элизабет считала, что отец давным-давно забыл об этом списке. Уже, наверное, в сотый раз она читала один особенно малопонятный отрывок, водя пальцем по иероглифам:

– Чтобы петь славу и поклоняться в этой жизни и будущей великолепнейшему и величайшему Мернептону Сети, Возрожденному Гору, сыну Амона-Ра, восставшему Осирису, царю Верхнего и Нижнего Египта, Объединителю двух стран, в этот первый день месяца тиби, в праздник Хвоста, уплачено золотых дел мастеру Неку... – несколько следующих слов невозможно было прочесть, так как в этом месте стояло какое-то пятно, – ...ушебти из литого золота с глазами из полудрагоценных камней, чтобы поставить в святилище из золота на обитые серебром сани...

Статуя из чистого золота!

У Элизабет от волнения отчаянно билось сердце, как и в тот момент, когда она впервые поняла, какое сделала открытие.

– Только представь себе такое великолепие! – прошептала она, – Конечно, центральной частью будет золотая фигур-

ка-ушебти.

И тот, кто отыщет гробницу Мернептона Сети, найдет святилище и статую!

Сокровище.

Мужчины и женщины, движимые духом авантюризма, героизмом, а порой просто жадностью, – множество их искало сокровища, скрытые под песками Сахары, в океанских глубинах и даже среди зеленых холмов Англии.

Жизнь этих людей проходила в поисках сокровищ древних фараонов, или богатых грузов затонувших кораблей, или легендарного меча короля Артура, чаши Грааля, священной плащаницы самого Спасителя...

Во все времена люди искали клады, обросшие легендами сокровища, мифические предметы и затерянные миры. В этом была тайна, манящая красотой, нечто чувственное, зовущее, опасное. Наверное, к таким людям относился и ее отец, да и сама она тоже, решила Элизабет. Размышления об усыпальнице Мернептона Сети волновали ее так, как не волновало больше ничто. Нет, она вынуждена была признаться себе, что существует одно исключение: будоражащий кровь экстаз, который она испытала наедине с Джеком. От этого мысленного признания она даже покраснела.

В этот момент раздались два коротких и решительных удара в дверь. Элизабет вздрогнула от неожиданности.

– Что такое?.. – недоуменно пробормотала она. Солнце еще не поднялось над горизонтом, так что она была в одном

халате поверх ночной рубашки.

Поспешно спрятав копию папируса под свой дневник, Элизабет пошла узнать, в чем дело. Приблизив губы к самой двери, она шепотом спросила:

– Кто там?

– Джек. Мне надо с тобой поговорить.

Она чуть приоткрыла дверь.

– Это так срочно, милорд? Я только что встала. Я не готова принимать гостей.

– Это срочно.

– Но...

– Я настаиваю. Мне необходимо сейчас же поговорить с тобой, Элизабет.

– Считаю, это можно сделать позже, милорд.

– А я так не считаю, миледи.

Если бы Джек говорил тихо, даже шепотом, Элизабет отказала бы и попросила бы его удалиться, но он будто нарочно не понижал голос, его звучный баритон, казалось, гремел в неподвижном утреннем воздухе.

Досадливо вздохнув, Элизабет чуть шире открыла дверь.

– Тише, милорд. Пожалуйста, говорите тише. Вас могут услышать.

– Тогда быстрее впусти меня.

Она посмотрела на его лицо и засомневалась. Джек казался спокойным. Можно даже сказать – пугающе спокойным. Даже – подозрительно спокойным. Может, он что-то заду-

мал?

– Для чего, милорд?

– Я должен поговорить с тобой о личном деле.

– О личном?

– Возможно, правильнее было бы сказать о секретном деле.

Элизабет прерывисто вздохнула. Между ней и Джеком существовало несколько секретов. И ей бы не хотелось предавать гласности ни один из них.

Он вдруг потерял терпение:

– Черт возьми! Элизабет,пусти меня!

– Это совершенно неприлично.

– Сию же секунду! – крикнул он. – Иначе я войду сам.

Элизабет не сомневалась в том, что он говорит правду. Джек был вполне способен осуществить свою угрозу.

– Будь ты проклят, Джек! – раздраженно бросила она, выпуская его к себе.

Он торжествующе улыбнулся:

– И вам тоже доброго утра, миледи.

Каюта вдруг показалась ей слишком тесной. Незастеленная постель и ее собственное неглиже создавали ненужную атмосферу интимности. Элизабет с трудом заставила себя не смущаться.

Собрав последние крохи самообладания, она холодно произнесла:

– Вы своего добились, милорд. А теперь извольте сказать,

из-за чего вы меня потревожили, и уходите.

Джек не торопился. Он прислонился к дверному косяку и спокойно скрестил руки на груди.

– Ты меня избегала, радость моя.

Она ответила ледяным взглядом.

– Надо полагать, вы угрожали разбить мою дверь в столь ранний час не для того, чтобы сообщить мне об этом.

Он снисходительно улыбнулся:

– Конечно, не для того.

Она невольно сжала руки в кулачки.

– Итак?

– Я ждал целую неделю, чтобы наконец застать тебя одну.

– Мы на корабле, где много людей, – напомнила она ему.

Джек зло рассмеялся:

– Прежде нас это не останавливало.

Элизабет сочла за лучшее не начинать разговор об их ночных встречах.

– Мне бы хотелось одеться, милорд.

Джек прошел мимо нее, бесцеремонно уселся на край незастланной постели, вытянул перед собой мускулистые ноги, откинулся на подушки и чуть насмешливо произнес:

– Я тебя не останавливаю.

– Милорд!

Он спокойно рассматривал ее.

– Я уже видел тебя без одежды.

Элизабет разозлилась:

– У меня такое впечатление, милорд, что вы хотите меня оскорбить.

Несмотря на ее возмущение, Джек оставался спокойным.

– И ты тоже видела меня обнаженным и полным желания.

Она громко ахнула.

– А теперь, сударь, вам удалось меня оскорбить.

– Что и подводит нас к цели моего сегодняшнего визита.

– Ваша цель заключалась в том, чтобы обидеть меня?

Джек стремительно вскочил и отрывисто бросил:

– Нет, конечно, глупый ты цыпленок!

– Тогда в чем?

– Я подумал, что нам следует обо всем договориться до того, как мы приплывем в Луксор.

– До того, как мы приплывем в Луксор?

– Там я встречу с твоим отцом.

– С моим отцом? Помилуйте, о чем вы собираетесь с ним говорить?

– О нашей помолвке.

Элизабет открыла рот, чтобы ему ответить, однако не сумела издать ни звука. Она заморгала, бессильно опустилась на стул, стоявший у секретера и наконец прошептала:

– О нашей помолвке?

Джек смерил ее холодным оценивающим взглядом:

– Тебе не следует повторять за мной каждую фразу, девочка моя. Эта твоя привычка ужасно раздражает.

Элизабет чуть было не расхохоталась. Сдержавшись, она

взглянула прямо в его классически красивое лицо.

– А с чего это мне выходить за вас замуж?

– Мне казалось, причина очевидна. – Секунду Джек колебался, но потом пожал плечами и продолжил: – Причина очень простая. Несколько дней назад мы провели ночь в одной постели. Мы были обнажены и занимались любовью. Мы вели себя как супруги, хотя ими не были.

Она изумленно ахнула:

– Я вас не понимаю!

– Пора платить по счету, моя нежная английская розочка. Сначала будет объявлено о нашей свадьбе. А по истечении подходящего срока мы поженимся.

Элизабет обнаружила, что смотрит на Джека с нескрываемым удивлением.

Когда Джек понял, что она не собирается ему отвечать, он добавил:

– Ведь я тебя скомпрометировал.

Элизабет вскочила и начала расхаживать по каюте. Ткань тонкой ночной рубашки заколыхалась вокруг ее стройных ног, и Джек почувствовал, что сердце у него забилося неровно.

– Вы меня не скомпрометировали!

– Скомпрометировал, за что приношу свои извинения.

– Не скомпрометировали, так что ваши извинения мне не требуются.

– Но как же?..

– Нет! – воскликнула Элизабет. Она почувствовала, что может расплакаться.

Джек театрально вздохнул:

– Я соблазнил невинную юную девушку и теперь должен за это заплатить.

Ей казалось, что он похож на бульдога, впившегося губами в сочную косточку.

– Вам не за что платить, сударь. Вы меня не соблазнили. Я действовала добровольно.

Он не сдавался, не уступал своих позиций ни на дюйм:

– Я тебя соблазнил. И вина целиком лежит на мне.

Элизабет решительно подошла к нему и бесцеремонно ткнула пальцем в его грудь.

– Никакой вины на вас нет. Вы меня слышите? Сколько раз я должна это повторять?

Джек продолжал упорствовать:

– Роза лишилась свежести. Товар захватан. Невинность потеряна.

Это ее совершенно ошарашило.

– Разве вы не говорили мне, что я осталась чистой?

– Это так и не так, – печально проговорил он.

Она сдвинула брови.

– Не понимаю, как и то, и другое может быть правдой, Он помолчал, а потом, пожав плечами, сказал:

– Ты слишком юна и неопытна, чтобы это понять.

Элизабет потеряла терпение:

– Я девственница или нет?

Он отвел глаза:

– В некотором смысле, видимо, можно было бы сказать...

Она повторила свой вопрос несколько громче:

– Милорд, я девственница или нет?

– Речь не об этом.

– Нет, речь именно об этом!

Джек недовольно хмыкнул:

– Милая моя Элизабет, ты цепляешься за слова.

– Факты – это факты, милорд.

– Не в данной ситуации.

Элизабет открыла рот и снова обнаружила, что потеряла дар речи. Прошло несколько минут, прежде чем она смогла прошептать, пытаясь в первую очередь утешить саму себя:

– Так или иначе, это значения не имеет. Девственница я или нет, но я не желаю выходить за вас замуж.

Джонатан Уик был явно поражен.

– Ты не хочешь выйти за меня замуж?

– Ни за вас, ни за кого-либо другого, милорд. Во-первых, как вы столь любезно заметили, я слишком юна.

Его стальные глаза сощурились.

– А во-вторых?

Элизабет нервно облизала губы и глубоко вздохнула. Ей всегда казалось, что приятно было бы иметь рост поменьше. Впервые в жизни она пожалела, что не выше ростом: Джек угрожающе возвышался над ней, гневно сверкая глазами.

С трудом сглотнув, она объяснила:

– Я же говорила вам той ночью на палубе. Я хочу путешествовать, хочу испытать много чудесных приключений – и только потом выйти замуж.

– Могу обещать тебе, что брак со мной будет чудесным приключением, – сухо отозвался он.

– Я в этом не сомневаюсь, милорд.

– Прекрасно. Значит, все решено.

– Боюсь, что нет. – Элизабет искоса взглянула на него и поспешно добавила: – Хоть я и убедилась, что вы отлично владеете искусством любви...

– Да...

– Однако, думаю, муж из вас выйдет плохой.

Его лицо застыло и потемнело от гнева.

– Ты еще дитя. Тебе ничего не известно о мужчинах и женщинах. Ты сама признала это.

– Но я учусь, – напомнила ему Элизабет.

– И будешь продолжать свое учение после нашей свадьбы, – решительно заявил Джек.

– Я не могу выйти за вас замуж.

– Можешь и должна.

– А я не выйду.

– Выйдешь.

Положение казалось неразрешимым. Оба стояли в тесной каюте друг против друга, словно дуэлянты, выбирающие, кому делать первый выстрел.

Элизабет пылала от гнева. Дыхание ее участилось. Все тело дрожало.

Джек не попросил, чтобы она стала его женой: он потребовал, чтобы она это сделала! Она не слышала нежных слов любви – только упоминания о долге и чести.

У этого человека обходительности было не больше, чем у племенного быка, оказавшегося в стаде коров. Манеры у него, как у погонщика верблюдов. Он заносчив, неотесан, упрям...

И пусть он идет к черту! – решила Элизабет с неожиданным для себя злорадством.

Возможно, она безнадежно романтична, но ей хочется получить все. И когда-нибудь она все получит. Приятный молодой человек будет стоять перед ней, не скрывая волнения, и клясться в вечной преданности и любви. Он пообещает, что если понадобится, поползет ради нее через обжигающие пески пустыни. О таком человеке она мечтает – и настанет день, когда она его встретит.

Ее решение было твердым.

– Вы не можете заставить меня выйти за вас замуж милорд. Я отвечаю решительным отказом.

На лице Джека отразилась настоящая ярость. Он гневно нахмурил брови.

– Миледи, вы – совершенно невыносимая женщина.

– Потому что не соглашаюсь выйти за вас замуж?

– Потому что...

Элизабет не сомневалась, что он готов ее придушить.

– ...потому что это так, – выдохнул он.

– Думаю, наш разговор окончен, милорд. – Она попрощалась с ним отрывистым, но нарочито вежливым кивком головы. – Желаю вам доброго утра, милорд.

Джек прошел к двери и широко распахнул ее, чуть не сорвав с петель.

– Не заблуждайтесь относительно моих намерений, миледи. Мы все-таки поженимся.

Дверь каюты захлопнулась за ним с такой силой, что чуть не треснула.

Элизабет осталась стоять на месте. Она пыталась осмыслить, что произошло. Правильно ли она себя повела? Очень глупо? Или очень мудро?

Глава 15

Он глупец.

Идиот. Болван. Кретин. Тупица.

Он – безмозглый осел.

Не было конца оскорбительным словам, которыми в течение нескольких часов называл себя Джонатан Уик. Как пойманый лев, он метался по каюте, как по клетке.

– Ты настоящий дурак, Уик, черт тебя побери! – в бессильной злобе клял он себя. – Ты вел себя с ней совершенно неправильно!

Теперь он это ясно понимал.

Элизабет родилась в аристократической семье. Она росла и воспитывалась вдали от мира. Ее жизнь была наполнена музыкой, книгами, цветами. Это была спокойная жизнь.

А он вломился в ее жизнь и ранил все ее нежные чувства. Вот в чем его вина. Он обошелся с нею, словно она была одной из простых женщин племени пустыни или еще хуже – какой-нибудь шлюхой из его молодости. Но ведь она совсем не такая!

Он допустил серьезную тактическую ошибку. И не одну.

Он не дал ей времени освоиться с мыслью даже о помолвке, не говоря уже о замужестве.

Ему не следовало бы называть ее глупым цыпленком и повторять, что она – ребенок и не может понять всех сложно-

стей, которые возникают в отношениях между мужчинами и женщинами.

И что хуже всего, он забыл о красивых словах. Девушки любят слушать красивые слова. Им нравится, чтобы за ними ухаживали. Нравится получать посвященные им стихи, подарки и небольшие букеты.

Вот ведь догадался же он положить розу на ее подушку. Потом Элизабет прямо-таки искала возможность, чтобы одарить его чудесной улыбкой. Ему самому следовало бы усвоить этот урок – с алой розой.

А теперь он снова оказался на той позиции, откуда начал. Если его не отбросило еще дальше.

Теперь ему придется играть роль галантного джентльмена, влюбленного, раскаивающегося болвана, всерьез добиваться ее расположения, даже ухаживать за ней.

Джек сознавал: ухаживать за Элизабет будет нелегко. Ему оставалось только надеяться на то, что у него хватит выдержки и терпения, поскольку она наверняка заставит его помучиться.

Лорд открыл бар и обнаружил, что он пуст. Все шло не так, когда рядом с ним не было внимательного Карима, старавшегося предупредить все его желания. Он привел себя в порядок и направился в салон.

В ранний утренний час в салоне никого не было. Большинство пассажиров либо еще не встали, либо завтракали у себя в каютах.

– Бренди, любезный! – приказал он одному из официантов. – Бутылку и большую рюмку.

И то, и другое возникло перед ним мгновенно – словно по мановению волшебной палочки. Джек налил себе полную рюмку и сделал хороший глоток.

Джек не умел общаться с аристократками, не получалось у него быть обходительным, и он это понимал. О, с простыми женщинами он обращаться умел – умел прекрасно. Но эти леди!..

Леди живут совсем по другим законам. У них совсем иные понятия о жизни.

Его чудесная матушка, да почиет она в мире, была настоящей леди. Когда-то говорили, что на севере Англии не найдется большей леди, нежели герцогиня Доран.

И все ее обожали.

Отец души не чаял в своей возлюбленной Кларе. Он боготворил землю, по которой ступали ее ножки. Чего бы ни пожелала его Клара, все исполнялось.

Клара желала детей.

Они родили подряд двух сыновей. Лоренс появился на свет ровно через девять месяцев после их свадьбы, а спустя два года родился Джонатан. К несчастью, слабое здоровье герцогини помешало ей иметь других детей. Это было для нее причиной глубокой печали.

– Или, может быть, я был главной причиной твоей печали, мама? – пробормотал Джек, осушил рюмку и сразу же

наполнил ее снова.

Его мать была глубоко в нем разочарована. Джеку это было хорошо известно, лучше, чем кому бы то ни было. И все-таки она не считала его паршивой овцой и выродком. Все его необдуманные выходки и эгоистические поступки, все его глупые шалости и даже его изгнание из Кембриджа мать ни разу не осудила. Он видел от нее только любовь и поддержку.

Господи, как же ему ее не хватает! Ее нет уже шесть долгих лет. Джек сделал еще глоток бренди. Если уж говорить точно, то именно сегодня исполнилось шесть лет, как она умерла. Конечно, он узнал об этом только много месяцев спустя, поскольку, когда она лежала на смертном одре и звала его, он был на другом конце света.

Отец и старший брат винили в ее смерти именно его, Джека, Все его винили. Никто об этом и словом не обмолвился, но Джек это знал. Они так никогда его и не простили.

Черный Джек осушил рюмку и уставился на бутылку с темно-янтарным бренди. Он не мог бы сказать, сколько времени так просидел. Его печальные раздумья нарушил голос Андре Полонски:

– Решили пропустить рюмочку перед ленчем?

Было всего девять утра, и они оба прекрасно это знали.

– Идите к черту, – пробормотал Джек, не поднимая головы.

– Спасибо, уже был. И, откровенно говоря, мне там совершенно не понравилось, – парировал щеголеватый мужчина

в сером кашемировом костюме. Как это ни странно, на грубость Джека он ответил шуткой, – Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

– Как хотите, – недружелюбно сказал Джек и налил себе очередную рюмку. Он благоразумно потерял им счет.

Андре Полонски сделал знак официанту, стоявшему за деревянной стойкой, отделанной бронзой, и на столе мгновенно появилась вторая бутылка и еще одна рюмка. Он аккуратно налил себе крепкого напитка и стал рассматривать этикетку.

– О, существует ли напиток лучше этого?!

Джек молчал.

Его визави сделал новую попытку завязать разговор:

– Позвольте спросить – мы пьем, чтобы что-то отпраздновать или чтобы что-то забыть? Кто виноват?

– Женщины!

– Хм... Значит, чтобы забыть.

Джек не заметил, как у него на щеке задергался мускул.

– Вечные неприятности.

– Ах, как я с вами согласен! – Полонски налил себе рюмку и одним махом осушил ее, а потом снова наполнил. – Обычно бренди такого качества я пью медленно, чтобы насладиться букетом, но в данных обстоятельствах мне следует вас догнать. – Он стал смотреть полную рюмку на свет. – Конечно, вкус хорошего бренди отчасти зависит от качества исходного винного материала и отчасти от метода дистилляции, но

главным образом он определяется типом дерева.

Черный Джек нахмурился:

– Дерева?

– Да, типом дерева, в котором созревает бренди.

В ответ Джек только хмыкнул.

– Коньяк, естественно, лучше всего созревает в бочках из лимузинского дуба. Однако подлинный знаток коньяку предпочтет арманьяк. Хотя лично мне кажется, что раньше бренди был крепче.

Джек поднял голову и грубым тоном заявил:

– Вы мне всегда чертовски не нравились, Полонски.

Умный, хотя и немного циничный взгляд усталых глаз был устремлен прямо на Джека.

– Вы тоже всегда чертовски мне не нравились, Уик. Но как это ни странно, у нас с вами много общего.

Черный Джек выпил очередную рюмку и потребовал:

– Объяснитесь, сударь.

Граф уселся поудобнее и только потом заговорил:

– Начать с того, что мы оба изгнаны из родной страны.

– Это так.

– Мы оба обладаем бессмысленными титулами, единственная польза от которых в том, что нам легче получить кредит у портного или, время от времени, приглашение в какой-нибудь дом на ленч.

– И это тоже правда.

– Кстати, могу посоветовать вам своего портного. Запи-

шите имя и адрес. Скажете, что это я вас направил.

Джек искренне рассмеялся:

– Европейским костюмам я предпочитаю местные одежды. Думаю, это заметно.

Андре Полонски ответил с чопорной любезностью, которая прекрасно выразила его осуждение:

– Да, весьма заметно.

Джонатан Уик вдруг почувствовал немалый интерес к своему неожиданному собутыльнику.

– А что еще, по-вашему, между нами общего?

– Мы ценим красивых женщин.

– А какой мужчина их не ценит?

– Полагаю, нам обоим известен ответ на этот вопрос, – сказал его собеседник с многозначительной циничной улыбкой.

– Господи! Полонски!

Тот беззаботно добавил:

– Мы не только ценим красивых женщин, но и умеем ими насладиться.

– Иногда, – согласился Джек.

– Иногда. – Взгляд светло-серых глаз графа был удивительно пронизательным. – Кажется, вы чем-то расстроены?

– Верно.

– Возможно, даже обеспокоены?

– Возможно.

Полонски улыбнулся, сверкнув идеально ровными белы-

ми зубами. В его улыбке было нечто неприятное.

– А не пора ли мне освободить вас от прелестной леди Элизабет?

– Только если вам совсем не дорога ваша жизнь, – угрожающе бросил Джек.

Граф помолчал, а потом осторожно заметил:

– Я не знал, что она – ваша личная собственность.

– Вот теперь знаете.

– А сама леди об этом осведомлена?

– Будет.

– Понятно, – произнес граф довольно спокойно. – А если я решу игнорировать ваши права на нее?

Джек подался вперед и с заметной угрозой в голосе ответил:

– Я бы на вашем месте не стал этого делать.

– Но конечно, вы не на моем месте. Об этом и речь, – произнес Полонски с ироничной улыбкой.

В голубых глазах полыхнуло пламя.

– Вы прекрасно знаете, что я имел в виду. Не приближайтесь к Элизабет.

– А если я все-таки приближусь к этой леди, что тогда? Кулачный бой? Пистолеты? Шпаги? Или вы просто изобьете меня до полусмерти?

Хищная ухмылка Джека послужила графу ответом, но другого и не потребовалось.

Полонски покачал своей благообразной головой:

– Вы и правда стали дикарем, Уик.

– Так что же?

Граф вздохнул:

– К счастью, мой интерес направлен на другой объект.

– На Амелию Уинтерз.

Полонски удивленно поднял брови:

– Вы заметили?

– Заметил.

– Я сплю с чужой женой, а вы пытаетесь переспать с невинной юной девушкой. – Он сардонически добавил: – Мы действительно друг друга стоим.

Джек мрачно захохотал и пробормотал вполголоса:

– Мы оба – ублюдки. По характеру, если не по происхождению.

Андре Полонски покачал рюмку с янтарной жидкостью.

– Конечно, если есть желание разбираться в подробностях... Могу признаться, что я ублюдок и по происхождению.

– Я в своей жизни знавал множество и тех, и других, – проговорил Джек, стараясь четко выговаривать все слова. – Сдается мне, что дело скорее в характере, а не в происхождении.

С некоторой долей цинизма Андре Полонски поведал Джеку свою историю:

– Моя мать была... и есть... леди. Английская леди, кстати, но имя ее мы упоминать не станем. Мой отец уже был

женат в тот момент, когда он встретил мою мать и они заключили свой «союз». О разводе речи быть не могло, естественно.

– Естественно, – откликнулся Джек.

– Судьба распорядилась так, что жена моего отца не могла иметь детей. Меня пришлось признать законным наследником, и я получил древний титул и земли.

– Счастливцев, – хрипло пробормотал Джек.

Граф на секунду озадаченно наморщил лоб.

– Боюсь, что счастливецом меня назвать нельзя.

– Нельзя?

Тот вздохнул и театрально развел руками:

– Наша маленькая страна была зажата между Австрией и Венгрией. В течение нескольких лет там шли внутренние раздоры. Крестьяне становились все более и более непокорными и в конце концов восстали. Правящее семейство и аристократы вынуждены были спасаться бегством. Я выбирался из страны глубокой ночью и практически ничего не смог унести, кроме собственных ног.

Черный Джек отодвинулся на стуле от стола, нетвердо встал на ноги и сочувственно похлопал своего собутыльника по плечу.

– Чертовски обидно.

– Да, – пьяно согласился Андре Полонски, – это было чертовски обидно.

Джонатан Уик схватил свою бутылку и налил из нее брен-

ди в рюмку графа.

– Давайте выпьем за бедных бездомных ублюдков вроде нас!

Они чокнулись и выпили с искренним уважением друг к другу.

– За бедных бездомных ублюдков вроде нас!

Оба джентльмена ко времени ленча дошли до кондиции, так что стюардам пришлось уводить в каюты обоих. Остальные пассажиры не заметили их недостойного поведения. У всех были поводы для веселья: на следующий день, на Рождество, «Звезда Египта» уже подходила к Луксору.

Глава 16

«Звезда Египта» встала на якорь в Луксоре. Этот день не был похож ни на одно Рождество в жизни Элизабет. Про себя она решила, что скорее всего ничего подобного не испытает и в будущем.

Пассажиры сошли на берег. Полковник и миссис Уинтерз, граф Полонски и Жорж, лорд Джонатан без своего верного Карима, Али, Элизабет и Колетт – в конных экипажах они отправились в гостиницу, расположенную на окраине города. Их багаж должны были везти следом, на повозках, запряженных волами.

Фивы – так назывался в древности этот легендарный город, по которому они ехали. Гости увидели колоннады. То были величественные храмы Карнака – жилище царя богов, Амона-Ра, и всех фараонов на протяжении тридцати пяти столетий.

Каждый фараон что-нибудь прибавлял к огромному храмовому комплексу, строя и перестраивая его: колоннаду там, ворота здесь, аллею сфинксов с круторогими бараньими головами, святилища из прекрасного розового гранита, статуи, пилоны и внутренние дворики...

Время беспощадно разрушило всю эту красоту. Кое-где были видны руины.

Прикрываясь от солнца зонтиком, Элизабет оперлась на

руку Али и вышла из коляски.

– Этот дом предоставлен вам, ситте, хотя боюсь, что он недостаточно хорош для английской леди.

– Дом вполне хороший, Али, – уверила она молодого египтянина. – Думаю, мне здесь будет очень удобно.

Они вошли в парадную дверь – деревянную, что было роскошью для пустынной страны, где почти не было лесов.

Элизабет оказалась в комнате, которая в английском доме называлась бы гостиной.

Пол был застелен коврами ручной работы, а в самом центре красовалась набитая конским волосом кушетка (Колетт опасалась, что в ней обитают всевозможные гадкие насекомые, и на второй день их пребывания настояла на том, чтобы провели дезинфекцию). По полу были разбросаны большие подушки с кистями, заменяющие кресла. Кроме того, в комнате было несколько странных разрозненных предметов мебели, керамика, гобелены и медные украшения.

Однако Элизабет заинтересовалась не обстановкой. Ее внимание привлекли каменные блоки, из которых были сложены сами стены.

– Али, а откуда брали камень, когда строили этот дом?

Красивый юноша нахмурился:

– Камень, ситте?

Бросив зонтик и ридикюль на низенький столик, Элизабет внимательнее осмотрела стены.

– Да ведь это камни из храмов! Посмотрите, вот надпись.

И вот, и вон там! – указала она. – Боже мой! – воскликнула девушка, всплескивая руками.

Али заволновался:

– В чем дело, ситте? Что случилось?

– Миледи, вы совсем побледнели, как полотно. Вам нехорошо? – спросила Колетт с искренней тревогой за состояние здоровья своей молодой госпожи.

– Со мной все нормально. Я не больна, – поспешила успокоить своих спутников Элизабет. Как объяснить им свои чувства? Это было удивительно – и прискорбно. Это было свято – и святотатственно. На нее нахлынули противоречивые чувства. – Вы представляете себе, что изображено на этой стене?

Оба отрицательно покачали головой.

Дрожащей рукой она прикоснулась к прекрасно сохранившемуся рельефу.

– Вот часть картуша, на нем ее имя. Это – часть лица и платья. А перед ней, в традиционном облачении фараонов, ее сын от Юлия Цезаря, Цезарион.

– От Юлия Цезаря, миледи?

Элизабет кивнула и быстро перевела иероглифы:

– Здесь изображена сцена принесения жертв богине. – Элизабет глубоко вздохнула и изумленно объявила: – Это – самая знаменитая из Клеопатр, Клеопатра Седьмая. Та самая Клеопатра.

– Mon Dieu!⁷ На стене нашего дома? – воскликнула Колетт Дюве.

– Да, на стене нашего дома. Эти камни следует вернуть в храм Карнака, – заявила Элизабет. – Ведь наверняка кто-то пытается сложить куски в целое и восстановить древние строения во всем их прежнем великолепии.

– Есть люди, которые этим занимаются, ситте. – Али был не менее воодушевлен, чем она. Он с удовольствием объяснил ей: – В Египте всегда не хватало строительных материалов. Местным крестьянам нет дела до нашей истории: они не умеют ни читать, ни писать на своем родном языке. Их жизнь – это каждодневная борьба за выживание, бесконечные труды, чтобы на столе была еда и чтобы имелась самая простая одежда. – Тут он расправил свои худые, как у мальчишки, плечи: – Наш долг – долг тех, кто понимает и ценит историю, – хранить и беречь наследие этой великой страны.

Элизабет смотрела на их молодого проводника с большим уважением.

– Конечно, вы правы. Это сделают такие преданные и способные египтяне, как вы.

Молодой человек ответил быстрым вежливым поклоном.

– А теперь я должен извиниться и уйти. Мне надо позаботиться об устройстве остальных гостей.

Его рука уже лежала на ручке двери, когда Элизабет, окликнув его, задала наконец вопрос, который не давал ей

⁷ Боже мой! (фр.)

покою:

– Али, а где мой отец? Когда я его увижу?

– Наш... Лорд Стенхоуп отправился на раскоп еще до рассвета, ситте, как он делает каждый день. Он просил сказать, что вернется к чаю.

Лицо Элизабет омрачилось.

– Только к чаю?

Он ответил очень мягко:

– Таков его обычай.

– Спасибо вам, Али. Я понимаю, – сказала Элизабет.

Хотя на самом деле Элизабет ничего не понимала. С тех пор, как она в последний раз виделась с отцом, прошли долгих три года. Она преодолела тысячи миль на поезде, корабле, в запряженных лошадьми экипажах, на осликах и даже на верблюде. Почему-то она ожидала, что отец встретит «Звезду Египта» на пристани или по крайней мере будет ожидать ее здесь, чтобы убедиться в ее благополучном прибытии в Луксор. И ей трудно было скрыть свое разочарование и боль.

– Не надо расстраиваться, ситте. Просто он такой, – сказал Али на прощание.

Когда за ним закрылась тяжелая входная дверь, Колетт начала бормотать по-французски:

– Где он? Он же ваш отец. Какой стыд! Какой позор!

Элизабет с трудом проглотила ставший в горле ком. На глаза ее навернулись жгуче горькие слезы.

– Ну пожалуйста, Колетт! Папа не хочет никого обидеть.

Правда!

– Это я знаю. И конечно же, мне самой все равно. Это вы, chérie, страдаете от его невнимательности.

Элизабет смахнула со щеки слезу.

– Али прав. Папа просто такой.

– Ах, милочка, не обращайтесь на это внимания. Я рас. пакую наши вещи, и к чаю этот дом уже будет в полном порядке. Но сначала мне надо проверить спальни!

Колетт вышла из гостиной. В синюю входную дверь робко постучали.

– Это, конечно, наши сундуки. Я распоряжусь сама, – крикнула Элизабет своей служанке.

Она направилась к выходу и, открыв дверь, с изумлением обнаружила на пороге мальчика лет десяти-одиннадцати. В руках он держал небольшую коробочку.

– Ситте?

Она кивнула:

– Да.

Он протянул к ней руки с коробочкой, показывая, что она должна принять ее.

Никакой записки не было.

– Но от кого она?

Мальчик покачал головой: видно было, что он не понял ее вопроса.

Элизабет все равно попробовала еще раз:

– Кто дал тебе эту коробочку?

Карие глаза мальчишки по-прежнему выражали недоумение. Потом вдруг они вспыхнули, и он начал что-то оживленно тараторить. Теперь уже Элизабет не могла понять ни слова из того, что он говорит.

Немного подумав, она подняла руку высоко над головой:

– Мужчина?

Он нахмурился, потом энергично закивал головой:

– Мужчина!

При этом он подпрыгнул высоко в воздух и вытянул вверх руку, чтобы показать, каким невероятно высоким был этот мужчина.

– Черные волосы? – внятно произнесла она, указывая на собственные темные локоны.

Мальчишка ухмыльнулся и снова кивнул.

Высокий мужчина с черными волосами.

Им мог быть только Джек.

Сделав знак свободной рукой, Элизабет велела посыльному:

– Подожди, пожалуйста.

Она ушла в дом, чтобы достать из ридикюля мелкую монетку, однако когда снова вышла за дверь, мальчишка уже исчез.

Элизабет закрыла синюю дверь, прошла в комнату и, поставив коробочку на столик у кушетки, принялась рассматривать ее. Она решила, что вещица изготовлена из алебастра и относится ко времени девятнадцатой династии. Значит,

это была вещь древняя и весьма ценная. Резьба на крышке и боковинах была выполнена умелым мастером. Коробочка поражала своей изящной простотой.

Пuls девушки стал быстрым и неровным. Неуверенно протянув руку, она открыла крышку. Секунду была в недоумении – но только одну секунду.

Радостно улыбаясь, Элизабет достала из коробочки великолепную и очень реалистичную фигурку. Это оказалась миниатюрная овечка из черного оникса...

Элизабет хотелось, чтобы ее встреча с отцом после долгой разлуки произошла не на глазах у всех. Однако этому не суждено было случиться. Все путешественники собрались в главном здании гостиницы на традиционный английский чай, когда к дверям подкатила его коляска.

Глядя в окно, Элизабет поначалу его не узнала. Она увидела немолодого мужчину в пыльных одеждах. Когда тот сбросил с головы капюшон, то видно стало лицо, покрытое морщинами, обветренное и обожженное солнцем. Волосы у приехавшего были длинные, косматые и совершенно седые. Кожа его напоминала коричневый сафьян. Глаза привычно шурились.

Она поняла, что это ее отец, только когда Али бросился привязывать коня.

Что скажет ей отец после долгой разлуки? И что скажет ему она?

С глубоким волнением и нарастающим нетерпением Элизабет поднялась из кресла и поспешила в вестибюль, чтобы поздороваться с ним.

Эвери Гест, шестой граф Стенхоуп, стремительно прошел в парадную дверь гостиницы. Широкие одежды его развевались, сапоги были покрыты красной пылью пустыни. Граф что-то быстро говорил по-арабски, обращаясь к красивому молодому египтянину, шедшему рядом. В эту секунду он поднял голову, заметил ее и остановился, как вкопанный.

Рот его раскрылся от изумления.

– Лиззи?

Элизабет старалась владеть собой. Она не даст воли жгучим слезам, которые подступали к ее глазам. Она закусилла нижнюю губу с такой силой, что во рту появился вкус крови.

– Да, папа.

Он посмотрел на нее долгим и пристальным взглядом, но не сделал к ней даже шага.

– Ты выросла.

– Да, выросла, – глуховатым голосом подтвердила она.

Внезапно на загорелом лице лорда Стенхоупа появилась виноватая улыбка.

– Ты уже больше не «моя малышка Лиззи» – да?

– Да, папа.

Она уже много лет не была «его малышкой Лиззи». Просто отца не было рядом, и он не видел, как она растет, как из ребенка превращается в подростка, из подростка – в юную

женщину. И его не было рядом тогда, когда он был ей нужнее всего. Он сам этого захотел. Но в результате потеряли они оба.

Конечно, за прошедшие годы ее отец тоже изменился. Элизабет помнила его высоким, красивым, щеголеватым. Джентльменом с ног до головы, ухоженным и безупречно одетым по последнему слову портновского искусства, как подобало человеку с положением в обществе. А теперь отец сутулился. И она была почти одного с ним роста.

Ее отец превратился в старика.

Лорд Стенхоуп рассеянно погладил подбородок, и Элизабет заметила под его ногтями полоски красной глины.

– Сколько времени прошло, Элизабет?

– Три года.

– Три года? Так много?

«Почти четыре, будь ты проклят!» – хотелось крикнуть ей в ответ. Однако она сумела промолчать.

На его лице не было и тени раскаяния.

– Значит, тебе уже почти...

– Восемнадцать, папа. Весной мне исполнится восемнадцать.

– Ты уже можешь считаться взрослой женщиной.

– Я и есть взрослая женщина.

Он виновато улыбнулся.

– Да, конечно-конечно. И к тому же красивая.

Элизабет зарделась от удовольствия.

Это был первый комплимент, который она услышала от отца с того дня, когда он предположил (лет пять или шесть назад), что она, возможно, не окажется такой же пустышкой, как ее старшая сестра Каролина. Та превратилась в совершенно никчемную ветреницу, которую интересовали только сплетни, модные наряды, бессмысленные развлечения и молокососы, смеющие называть себя мужчинами.

После того случая лорд Стенхоуп и его старшая дочь редко сходились во мнениях хоть по какому-то вопросу. Больше того, Каролина даже не стала приглашать его на свою свадьбу, хотя в тот момент он как раз ненадолго появился в Англии, чтобы навестить семью.

Но это, конечно, все осталось в прошлом, пыталась убедить себя Элизабет, пока ее отец стряхивал с сапог пыль пустыни. Еще секунда-другая, и он спросит ее о матери, или о Франклине, или о Каролине, или хотя бы о милой бедняжке Анни.

Вместо этого лорд Стенхоуп напомнил ей:

– Не следует заставлять остальных дожидаться нас. Я был бы не прочь выпить чаю. В горле у меня пересохло.

Элизабет шагнула к нему и, понизив голос настолько, чтобы ее мог слышать только он, решительно сказала:

– Мне надо поговорить с вами наедине, папа. У меня чрезвычайно важное дело.

Он рассеянно-небрежно взмахнул рукой:

– Может быть, за чаем.

Она устремила на него укоризненный взгляд своих огромных зеленовато-серых глаз:

– Мы должны остаться вдвоем.

– Вдвоем, конечно, – согласился он после секундной паузы. – Нам надо будет поговорить. Скоро.

– Как можно скорее.

– Скоро. Я обещаю.

У Элизабет упало сердце. Она вспомнила множество других обещаний, которые он ей давал в прошлом и которые так и остались невыполненными.

«Обещаю, что в день, когда тебе исполнится семь лет, ты получишь в подарок белого пони».

«Обещаю, что ты поедешь со мной в Лондон, когда я в следующий раз соберусь туда».

«Обещаю, что в этом году приеду на Рождество домой»,
«Обещаю, что в этот раз я не уеду, не попрощавшись».

Обещаю...

Обещаю...

Обещаю...

Элизабет больше не верила обещаниям. Она уже много лет им не верила.

Чьи-либо безответственные обещания разбивают вам сердце.

Глядя на ночную пустыню, молодая француженка тихо говорила своему возлюбленному:

– Знаешь, дорогой, скоро я обо всем расскажу миледи. Мы с ней уже много лет вместе, не расстаемся. Я не просто ее служанка – я ее подруга, и она мне доверяет.

Молодой человек крепко прижимал к себе мадемуазель и горячо шептал ей на ухо (он свободно говорил на нескольких языках):

– Я тебя люблю! Я тебя обожаю! Я хочу на тебе жениться. Мы должны уехать как можно быстрее, пока еще не поздно. Корабль отплывает в Александрию в конце недели. К весне мы уже были бы дома.

Она мечтательно вздохнула:

– Весна в Марселе!

– На извилистой улочке у моря у нас будет свой магазин и квартирка над ним. У нас будет возможность всю оставшуюся жизнь жить так, как мы хотим.

– Да, конечно, конечно! – тихо воскликнула она.

– Когда-нибудь у нас будут дети.

– Дети! – радостно повторила она.

– Я люблю тебя, chérie.

– А я люблю тебя, – ответила она. – Я скоро скажу миледи.

Обещаю.

– Уверяю вас, мой муж ничего о нас не знает, – промурлыкала женщина многообещающим тоном, бесшумно скользя в темноте к его распахнутой постели.

Она уже была полураздета – двигаясь по спальне, возбуждающе скидывала с себя одежду. Мужчину действительно

возбудил вид ее полуобнаженного тела.

Его серые глаза были прикованы к ее высокой упругой груди, пока женщина распускала шнуровку корсета. Его взгляд скользил по длинным и стройным ногам, когда она медленно и маняще сворачивала бледно-розовые шелковые чулки, которые вскоре полетели в сторону. Он задержал взгляд на округлой попке, когда она повернулась к нему спиной, чтобы избавиться от кружевных панталон.

Она повернулась к нему спиной не из застенчивости (они оба прекрасно это понимали), а для того, чтобы продемонстрировать ему еще одну часть ее точеной фигуры.

А потом женщина встала перед ним во всей своей красе, обнаженная, и подняла руки над головой.

– Ты – тщеславная кошечка, Амелия, – хрипловато рассмехался ее возлюбленный.

Она не собиралась этого отрицать:

– Да, это правда.

Красивый мужчина перевернулся на бок и приподнялся, упираясь локтем в гору подушек.

– Однако я отнюдь не уверен в том, что твой муж ни о чем не подозревает.

Она подошла к кровати, где лежал мужчина, и наклонилась над ним так, чтобы ее соски скользнули по его обнаженной груди. При этом они маняще набухли.

– Хилберт стареет. И он глуп.

– Либо глуп, либо очень хитер. – Мужчина притянул ее к

себе и с наслаждением провел рукой по всей спине. Поцеловав голое плечо, он добавил: – Хотел бы я это знать наверняка.

Она прижалась губами к его губам. Ее язычок быстро высовывался и прятался обратно – будто кошечка лакала сливки.

– Обещаю, Хилберт ни о чем не узнает. И еще обещаю тебе: он сделает все, о чем я его попрошу.

Его белоснежные зубы обнажились в сардонической улыбке.

– Ты сучка, Амелия.

– А ты, Андре, подонок.

Граф рассмеялся.

– Возможно, именно поэтому мы так подходим друг другу. – Его голос звучал тихо и обещал наслаждение.

Ее ловкие руки нашли его плоть и начали творить с ней свое волшебство.

– Думаю, не только поэтому, – проворковала она, когда ее возлюбленный не сдержал стоны удовольствия.

Глава 17

– Папа, я настаиваю, чтобы мы поговорили наедине, – заявила Элизабет отцу чуть ли не в десятый раз за неделю ее пребывания в Луксоре.

Не отрывая взгляда от черепка древнего кувшина, отец ответил, как всегда, неопределенно:

– Обещаю, что мы скоро поговорим.

Элизабет уперла руки в бока и решила не уходить из лагуны, которая служила лорду Стенхоупу чем-то вроде рабочего кабинета.

– Сейчас, папа! Мы должны поговорить здесь и сейчас.

Ей удалось наконец добиться его внимания.

Он осторожно положил на стол осколок кувшина, снял очки (как он мог что-то видеть сквозь толстый слой мельчайшей красной пыли, которая покрывала стекла?) и посмотрел прямо на дочь. Не в первый раз Элизабет подумала о том, каким усталым выглядит отец.

– Хорошо, – согласился он без всякого энтузиазма, – давай поговорим.

– Наедине.

Граф что-то быстро сказал на местном диалекте рабочим, копошившимся возле корзин, наполненных разными черепками. Рабочие закивали и поспешно вышли из хижины.

– Ты своего добила, дочь. Мы одни. – Он устало потер

близорукие глаза. – Видимо, ты хочешь говорить о твоей матери, или о Франклине, или, может быть, о Каролине...

Элизабет не хотелось выказывать неуважения, но, несмотря на свои благие намерения, она не выдержала.

– Они – ваша семья, папа. Неужели вам не важно, что с ними происходит? Неужели вам не хочется знать, здоровы ли они, счастливы ли и вообще живы ли? Неужели они ровно ничего для вас не значат?

У графа хватило совести смутиться:

– Конечно, значат.

Ей хотелось спросить: «Что они могут для тебя значить, папа? Ты уже много лет никого из них не видел. Ты даже не потрудился приехать, когда умерла Анни!».

– Вы ни слова не сказали об Анни...

Элизабет замолчала, изумившись тому, сколько горечи прозвучало в ее словах.

Лорд Стенхоуп на минуту понурил голову.

– Я не знал, что сказать.

– Вы могли бы спросить, не страдала ли она перед концом. Вы могли бы сказать мне, что молились о том, чтобы она тихо скончалась во сне. – Ее голос смягчился. – Вы могли бы пролить хоть слезинку, хоть одну слезинку и погоревать о том, что такой нежный ангел, каким была наша Анни, покинул землю.

– Я боялся, – устало проговорил он.

– Боялись? Почему?

Он вытащил из кармана замызганный носовой платок с монограммой и безуспешно попытался протереть им стекла очков. Элизабет узнала платок: он был одним из нескольких, которые она подарила отцу на Рождество много лет назад, только теперь песок, пот и глина придали ему бурый цвет.

– Наверное... – он отчаялся привести очки в порядок, – потому что не хотел слышать ответы.

Элизабет вдруг захотелось плакать. В одно мгновение они с отцом поменялись местами. Она стала родительницей, а он – малым ребенком. Ее отношение к отцу уже никогда не будет прежним.

Ее голос был полон слез:

– Ох, папа, вам ведь пятьдесят семь! Сколько же вы еще сможете убегать от жизни?

– Я не убегаю от жизни вообще. Только от той, которую я знал в Англии.

Этот ответ по крайней мере был честным.

Элизабет вздохнула и рассеянно взяла крышку древнего кувшина, лежавшую на столе. Внимательно рассмотрев ее, она, едва шевеля губами, произнесла:

– Дуамутеф.

Лорд Стенхоуп мгновенно насторожился:

– Что ты сказала?

Она подняла голову:

– Дуамутеф.

Отец сощурил глаза:

– Ты разобрала? Что тебе известно о Дуамутефе?

Она пожала плечами:

– Он был одним из четырех сыновей бога Гора. Во время древнего процесса мумифицирования сердце и почки возвращали обратно в тело умершего, а остальные внутренние органы помещали в сосуды, на крышках которых были изображения сыновей Гора: под крышкой с головой сокола хранились кишки, с головой человека – печень, с головой шакала – легкие, а с головой павиана (это Дуамутеф) – желудок.

Впервые с момента ее приезда в Луксор в глазах отца вспыхнул интерес.

– Ты читала мои книги.

– Да.

Он сдержанно заметил:

– Я удивлен, что графиня это разрешила.

Элизабет ответила не сразу. Лицо у нее порозовело, и она начала ковырять земляной пол носком туфельки.

– Ну... Надеюсь, матушка не знала, что именно я читаю.

Ее отец ухмыльнулся и внезапно помолодел лет на двадцать.

– Ты ей не призналась, да?

Элизабет кивнула:

– Да.

Лорду Стенхоупу трудно было поверить, что все осталось в тайне. Он недоверчиво спросил дочь:

– И она даже не заподозрила?

– Нет.

– И по-прежнему ничего не знает?

– Думаю, нет.

Он громко расхохотался. Это был чудесный, юный смех.

– Поверь мне, если бы она догадалась, что ты хоть чуть-чуть интересуешься Египтом, она вопила бы с крыши самого Стенхоуп-Холла. – Тут граф закашлялся. – В переносном смысле, конечно: ведь графиня никогда не вопит.

Элизабет сжала губы и, помолчав, серьезно проговорила:

– Вы должны меня понять, папа. Мне было очень неприятно обманывать матушку. Правда. Но только мне однажды попалась книга Бельцони, и я начала ее читать и никак не могла остановиться...

– Я твою тайну не выдам, – пообещал отец, посмеиваясь и качая головой.

Элизабет вздохнула.

– Я хотела поговорить с вами наедине не для того, чтобы обсуждать матушку или мои занятия египтологией – или по крайней мере только косвенно. Дело совершенно в другом. Мне нужно поговорить с вами, – тут она понизила голос до доверительного шепота, – о Мернептоне Сети.

Он все еще улыбался:

– О Мернептоне Сети?

– Да, о Мернептоне Сети.

Граф вытер слезы, вызванные долгим смехом.

– О моем Мернептоне Сети?

– Да, о вашем Мернептоне Сети, если вы настаиваете на том, чтобы назвать его именно так.

Почему отец ее не слушает?

Его глаза искрились смехом.

– Ты и о нем читала?

– Он был фараоном конца девятнадцатой династии и, как считается, правил с 1201 по 1192 год до Рождества Христова. Он был мужем прекрасной Нефертери, получившей имя в честь жены великого Рамсеса. У них было четверо детей, а потом она умерла от лихорадки. Сети оплакивал ее до конца своей жизни, отказываясь взять новую жену, – на память прочитала Элизабет.

Лорд Стенхоуп одобрительно кивал седой головой:

– Ты всегда была умницей. Самая сообразительная и способная из всех моих детей. – Однако он тут же добавил: – Хотя если вспомнить Франклина, Каролину и даже милую бедняжку Анни, это не покажется очень высокой похвалой. – С этими словами он нацепил оставшиеся пыльными очки на нос. – Прекрасно, Элизабет. Великолепно.

– Папа...

Он посмотрел на нее поверх стальной оправы очков, а потом устремил взгляд на противоположную стену, где находилось единственное крошечное окошко его «кабинета». В него можно было увидеть только уходящие до самого горизонта бесконечные коричневые пески пустыни.

– Да, я до сих пор очень живо помню, как ты стояла в

классной комнате Стенхоуп-Холла, натянутая как струна, и перечисляла всех монархов, которые правили в Британии, начиная с Этельреда и кончая Викторией. Ты говорила с такой же уверенностью и точностью.

– Папа...

– Я горжусь тобой, малышка Лиззи.

– Я больше не малышка Лиззи, – бросила она ему, испытывая чувство полного бессилия.

– Да, это так, конечно. Ты теперь совсем взрослая.

Элизабет справилась с раздражением.

– Папа, мне нужно поговорить с вами о Мернептоне Сети.

На секунду он опешил.

– Да, милая? Мне казалось, что ты уже это сделала.

Слезы подступили к глазам Элизабет, однако она не желала сдаваться. Дело было слишком важным. На этот раз многое зависело от ее упорства.

Она попробовала другой подход:

– Вы ведь уже тридцать лет ищите захоронение Сети, не правда ли?

Усталые глаза графа снова вспыхнули.

– Да, и на этот раз я уверен, что мы ищем там, где надо. Керамические черепки, которые мы находим, относятся именно к этому периоду, как и осколки камня. Если мы начнем копать в нужном месте, то наверняка натолкнемся на стелу и вход в гробницу Мернептона Сети. Я знаю, что мы близко. Я это нутром чую. – Он увлекся и забыл о ее присутствии. –

В Долине царей так много трещин, но он здесь. Я знаю, что он здесь. Я почти что ощущаю его присутствие.

У Элизабет не было выбора.

Она расправила плечи, набрала в легкие побольше воздуха и выпалила:

– Папа, я полагаю, что вы ищете не там, где надо.

Лорд Стенхоуп медленно поднял голову и посмотрел ей в глаза:

– Что ты сказала, Лиззи?

Она с трудом проглотила подступивший к горлу ком и повторила:

– Полагаю, вы ищете гробницу Сети не там, где надо.

Поначалу ее отец просто опешил. Ей даже показалось, что он вот-вот расхохочется. Но он не засмеялся. Когда он заговорил снова, она услышала в его голосе изумление, смешанное с гневом:

– Ты – девчонка, ты только-только выросла. Что ты знаешь о таких вещах?

Элизабет хотелось ответить ему, что о таких вещах она знает очень много. Проблема, естественно, заключалась в том, как убедить отца в своей правоте. Как и большинство мужчин, он был упрям.

– Я читала и изучала...

Он резко оборвал ее объяснения.

– Читала и изучала! – презрительно бросил он пронзительным голосом. – Я всю жизнь провел в пустыне! И поз-

воль тебе сказать, что опыт – это самое главное.

Он буквально пыхтел от возмущения.

– Я не хотела вас обидеть, папа.

Лорд Стенхоуп не обратил внимания на ее попытку извиниться.

– Ты молодая девица, получившая небольшие знания. А небольшие знания бывают опасными.

– Я с этим согласна, но...

Отец поднял руку и покровительственно погладил Элизабет по голове, хотя она была не ниже его ростом.

– Не забивай свою хорошенькую головку вещами, которые больше подходят зрелым мужам и ученым.

Элизабет ушам своим не верила. Боже правый – и ее отец туда же! Она так надеялась, что он будет не таким, как остальные. Она была в этом так уверена!

– Но, папа...

– Ты сама это сказала, дочь. Тебе почти восемнадцать, ты взрослая женщина. Пора тебе подумать о замужестве.

– О замужестве?

Он был неумолим.

– Каролина в восемнадцать уже была замужем, как и твои мать и бабушка. Право, для молодой женщины это самое лучшее. Подальше от неприятностей...

– Подальше от неприятностей?

От изумления у нее широко открылся рот.

Граф уже окончательно пришел в себя и глубокомысленно

рассуждал:

– Мужчина, естественно, должен быть гораздо старше и опытнее.

Она все еще не могла закрыть рот.

– Ты девушка с характером, и воля у тебя сильная. Для женщины это ни к чему, но что теперь поделаешь. Да, в наши дни многие девицы этим грешат. Тебя просто должен взять в руки подходящий мужчина.

Элизабет наконец опомнилась и закрыла рот, А потом снова открыла, чтобы переспросить:

– Подходящий мужчина?

Ее отец вдруг увлекся этой мыслью.

– У меня здесь, в Египте, есть знакомые, да и в Англии их тоже немало. Я не сомневаюсь, что смогу подобрать тебе в мужья подходящего джентльмена.

«О чем это он говорит?» – думала Элизабет.

– Подходящего джентльмена?

– Возможно, сына какого-нибудь графа.

Она с болью вспомнила свои слова, адресованные Джонатану Уику в первую ночь на борту «Звезды Египта»: «Для меня невыносима мысль о будущем. Я должна выйти замуж за сына какого-нибудь графа, родить ему наследника и еще сына про запас. А потом буду беззаботно менять любовников, как делают другие дамы из круга Мальборо-Хаус».

Чувствуя, как ее охватывает отчаяние, Элизабет сделала еще одну попытку:

– Папа, я не хочу сейчас выходить замуж. Я хочу остаться с вами в Египте и помочь вам в поисках гробницы Мернептона Сети.

– Это невозможно.

Отчаяние подступало все ближе.

– Невозможно? Почему?

– Потому что Египет – неподходящее место для англичанки, – ответил он сухо и решительно.

Элизабет показалось, что она очутилась в кошмарном сне, только на этот раз проснуться будет невозможно.

– Тогда почему вы вообще за мной послали?

Лорд Стенхоуп наморщил лоб и пробормотал себе под нос:

– А я за тобой посылал? Как странно, совершенно не помню, чтобы я...

– Вы написали матушке прошлым летом.

Он нахмурился еще сильнее:

– Неужели? Прошлым летом? Ты уверена?

Элизабет сжала побелевшие губы.

– Конечно, уверена. Вы попросили, чтобы полковник и миссис Уинтерз взяли на себя труд сопровождать меня, поскольку они гостили в Англии и собирались вернуться в Египет, – напомнила она отцу.

Тот равнодушно пожал плечами.

– Тогда, значит, я это сделал.

– Ох, папа! – тихо вскрикнула она.

Граф поправил сползшие с переносицы очки.

– Я слишком много времени потратил на разговоры о твоём замужестве, Лиззи. Мне надо вернуться к работе. У меня немало важных дел. Видишь ли, я вот-вот найду гробницу Мернептона Сети.

Элизабет была подавлена. Она побрела к двери, там все-таки обернулась, чтобы посмотреть на незнакомца, который был ее отцом.

В ее голове снова зазвучали пророческие слова Джека: «Поднимаясь вверх по Нилу, который мы зовем Рекой жизни, будьте осторожны, леди Элизабет. Возможно, вы найдете больше того, чем вам хотелось бы».

Она закрыла за собой дверь и отправилась на поиски единственного мужчины, который никогда ей не лгал.

Глава 18

Сейчас он ей бессовестно солжет.

– Откровенно говоря, нет, я больше не думал о нашей помолвке, – заявил Джек.

Явно расстроившись, Элизабет нервно крутила блюдце под чашкой с уже остывшим чаем.

– Понимаю. Наверное, вполне естественно, что вы этого не делали, милорд. Конечно, я больше не стану об этом говорить.

Джек откинулся на угол совершенно нелепой кушетки, обтянутой пестрой тканью с турецкими огурцами, которая занимала центральное место в гостиной отведенного ему дома, и насмешливо выгнул темную бровь.

– Вы пытаетесь сообщить мне, что передумали, миледи?

– Ну... – Элизабет замолчала, то ли размышляя, то ли потому, что ей просто не хватило дыхания, – можно сказать и так.

– Можно и так?

Он не мог скрыть, насколько его забавляет этот разговор. Леди было явно неловко. И столь же явно было то, что ей что-то не дает покоя. Ему очень хотелось узнать, что именно.

Элизабет наконец посмотрела ему прямо в глаза, и он не увидел в них ни тени веселья.

Что бы ни толкнуло ее на этот разговор, причина была

весьма серьезной.

– Я оказалась в очень непростой ситуации, милорд, – сказала она.

– Вот как?

Она кивнула.

Он молча ждал продолжения.

Казалось, Элизабет с трудом подбирает слова.

– Я хотела бы заключить с вами договор.

Дело с каждой минутой казалось все более интересным.

– Договор?

Она опять немного поколебалась.

– Если хотите, сделку.

Черный Джек невольно заинтересовался и, не выдержав, поторопил ее:

– Продолжайте же, миледи.

– Я соглашусь поделиться с вами некими ценными сведениями, а взамен вы предоставите мне защиту, – предложила ему Элизабет очень решительно и деловито.

Джек насторожился:

– Защиту? С тобой снова что-то случилось? Кто-то еще вламывался в твое жилище, Элизабет? Почему ты сразу же мне об этом не сказала?

Она поспешила успокоить его: дело было совсем не в этом.

– Тут опасность другого характера, милорд.

Он сощурил свои яркие глаза:

– И что же это за опасность, миледи?

После недолгого молчания она призналась:

– Если не будет нашей помолвки, милорд, то очень скоро моим мужем станет какой-нибудь джентльмен, которого я совершенно не знаю.

Это ему ужасно не понравилось.

– Почему вдруг?

Она вздохнула:

– Папе пришло в голову, что меня следует выдать замуж.

– Ну, не столь редкое убеждение для отца восемнадцатилетней дочери, – бросил Джек с напускным хладнокровием.

– Боюсь, что это не самое страшное. – В глазах Элизабет отражалась искренняя тревога. – В папе чувствуется что-то странное.

– Странное?

– Он не вполне здоров, – проговорила она дрожащим голосом.

– Мне и самому он показался очень усталым, – согласился Джек, поглаживая подбородок.

– Я не это здоровье имела в виду.

Глаза Элизабет вдруг наполнились слезами. Она стала искать в ридикюле платок, но не нашла.

Джек сунул руку в карман сюртука и достал свой платок с изящной монограммой:

– Держи.

– Спасибо, – сказала она, вытирая влажные от слез щеки.

Черный Джек не выносил женских слез. Это было так... неаккуратно. И выглядели женщины потом чертовски непривлекательно. Однако Элизабет Гест слезы сделали еще красивее. И он поймал себя на том, что ему хочется обнять ее за плечи и успокоить. Странно. В высшей степени непонятно.

Джек постарался спросить как можно естественнее:

– А что именно ты имела в виду, говоря, что твой отец нездоров?

Элизабет нервно теребила его платок.

– Иногда, когда я говорю с папой, он кажется совершенно нормальным и говорит вполне разумно. А бывают минуты... – Тут по ее щекам снова потекли слезы —...как сегодня днем... Мне казалось, что он сошел с ума.

Джек взял из ее дрожащей руки чайную чашку и поставил на столик рядом с кушеткой.

– Мне представляется, что сейчас уместно выпить рюмку бренди – в чисто медицинских целях.

Он отошел к буфету, налил щедрую порцию янтарной жидкости и вложил рюмку в руку Элизабет. Та сделала несколько крохотных глотков и закашлялась.

– А вы не будете? – спросила она, глядя на него глазами, полными слез.

Черный Джек не хотел признаться ей, что после того утра на борту «Звезды Египта», когда они с Андре Полонски топили свои горести в вине, его тошнило от одной только мыс-

ли об алкоголе.

– Может быть, потом. Сейчас я хочу, чтобы ты подробнее рассказала мне о лорде Стенхоупе.

Элизабет сделала еще глоток бренди, предложенного Джеком в лечебных целях, и чуть слышно проговорила:

– Помните, я говорила вам, что дала себе слово?

Как он мог забыть ту ночь, когда они были вместе в гробнице Исиды.

– Помню.

– Я не могла сказать вам всю правду, почему кто-то мог обыскивать мою спальню. Я хотела сначала обсудить это с отцом.

– И вы это обсудили?

– Я... пыталась, – прошептала она.

Джек замер, положив руку на спинку кушетки.

– И что случилось?

– Он мне не поверил, – сказала она.

Голос у Элизабет так сильно дрожал, что Джек едва смог разобрать ее слова. Он не сомневался в том, что там произошло нечто большее.

– Твой отец тебе не поверил?

– Ах, Джек, папа даже не дал мне возможности все ему объяснить. Он отмахнулся от меня, как от ребенка, который только-только закончил учебу. Он сказал, чтобы я оставила важные дела джентльменам и ученым и не забивала голову такими вещами. – Она смахнула со щек слезы. – Сказал, что

выдаст меня за сына какого-то графа и это избавит меня от неприятностей.

На одну только секунду Джек позволил себе улыбнуться. Он прекрасно помнил, что в связи с этим говорила ему Элизабет. У нее были своеобразные взгляды на английских графов и их сыновей.

Но уже в следующую секунду он начал осуждающе качать головой.

Да, старые дурни – самые опасные дурни, а Стенхоуп оказался старым дурнем!

Его дочь, несомненно, знала о Черной стране и ее истории больше, чем многие так называемые археологи и египтологи, наводнявшие Египет со времен Наполеона.

Только на прошлой неделе Али рассказывал ему о том, как ситте моментально опознала каменные фрагменты, использованные для строительства дома, в котором ее поселили. По словам молодого египтянина, леди Элизабет перевела иероглифы даже с большей легкостью, чем это удавалось лорду Стенхоупу.

А еще Али упомянул о том, как ситте озабочена восстановлением храмов в Луксоре. Она сказала ему, что именно туда следует вернуть древние камни. Там – их законное место.

Сидя рядом с Элизабет на нелепой кушетке, Джек пытался уговорить себя, что, возможно, она его поймет. Пожалуй, надо рассказать ей, какую задачу он выполняет для принца

Рамсеса и его племени.

Может быть.

Но не сейчас.

На карту было поставлено слишком много.

– Вот почему я хочу заключить с вами договор, милорд, – закончила она, прервав ход его мыслей.

Джек чуть выгнул брови:

– И что конкретно ты имела в виду?

Щеки девушки покрылись удивительно привлекательным алым румянцем, причину которого Джек затруднился определить: крепкий напиток? или смущение?

– После нашей помолвки вы бы играли роль жениха.

– Только делать вид?

Элизабет отхлебнула еще бренди и почти радостным тоном объявила:

– Естественно, наша помолвка будет чисто формальной.

– Вот как?

– Она нужна для того, чтобы успокоить папу. Вы меня понимаете?

– О да! Более чем.

– В обмен на это... – Она прерывисто вздохнула. – В обмен на это я поделюсь с вами тайной.

– Ты поделишься со мной тайной, – повторил он слово в слово.

Элизабет внимательно огляделась и сообщила приглушенным голосом:

– Папа ищет совсем не там.

Джек не произнес ни слова.

Она объяснила подробнее, решив, что, видимо, недостаточно ясно выразилась:

– Папа ищет захоронение Мернептона Сети совсем не там, где оно на самом деле находится.

Более хорошей новости Джек уже очень давно не слышал!

Свой следующий вопрос он задал очень осторожно:

– А откуда ты это знаешь?

Его невеста понизила голос еще сильнее:

– Потому что я знаю, где находится гробница Мернептопа Сети.

Бренди не так уж противно, когда сделаешь после первого глотка еще пару, решила Элизабет, допивая лечебный напиток.

– Это было вполне приятно, – призналась она, ставя рюмку на столик, где уже стояла чашка с остывшим чаем.

– Не хочешь ли еще немного? – осведомился Джек с непривычной любезностью.

Она покусала нижнюю губу.

– А вы не думаете, что сейчас слишком рано?

– Для хорошего бренди не существует понятия «слишком рано», – сухо отозвался он и встал, чтобы налить следующую порцию.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она Джека, когда он

принес ей рюмку.

– Не за что.

Элизабет вздохнула и воскликнула:

– Как скверно!

Джек был изумлен:

– Бренди?

– О нет! Бренди на самом деле довольно приятное, – охотно ответила она, позволяя себе очередной глоток. – Я хотела сказать – как скверно потратить тридцать лет жизни на то, чтобы что-то искать, а потом не заметить, что это что-то – у тебя под носом.

– Я целиком и полностью с тобой согласен.

– Говорят же: гордость – причина всех бед.

– Так действительно говорят?

– На самом деле, – призналась она, – в Притчах сказано так: «Погибели предшествует гордость и падению надменность».

– Неужели?

– Да. Это так и сказано. Притчи, глава шестнадцатая, стих восемнадцатый.

Лицо Джека осталось непроницаемым.

– Как я вижу, ты хорошо знаешь Писание.

– Это няня.

Он не понял:

– Что няня?

Элизабет вздохнула:

– Няня была очень строга в том, что касалось прочтения библейских стихов. – Девушка устремила взгляд в наполовину опустевшую рюмку. – Она бы это никогда не одобрила.

– Крепкие напитки?

– О нет! Няня всегда хранила в своей комнате бутылку – на тот особый случай, когда надо немного принять.

Казалось, Джек слушает ее с необычайным вниманием.

– Особые случаи?

– Зубная боль, например.

– Ну конечно.

– Очень помогает при приступах меланхолии.

– Надо полагать.

Она почувствовала, что густо краснеет.

– Некоторые... гм... женские проблемы.

– Конечно, – невозмутимо подтвердил он. – Тогда что няня никогда не одобрила бы?

– Поведение папы. – Элизабет пояснила: – Знаете, раньше она была его няней. Очень давно.

– Видимо, няня уже в годах, – заметил Джек, наливая себе еще чашку чая.

Элизабет надолго задумалась, потом сказала:

– Няня никогда в этом не призналась бы, но, наверное, она старше Траута.

– Из них вышла бы прекрасная пара, – пробормотал Джек.

– Да, конечно. Траут и няня – муж и жена. Они женаты уже почти шестьдесят лет.

– Ну и...

Она наморщила лоб:

– Ну и что?

Секунду он непонимающе смотрел на нее, а потом, полулежа на кушетке, весело рассмеялся и сказал:

– Ну, и я буду счастлив играть роль твоего жениха, Элизабет.

Она была, как всегда, вежлива:

– Благодарю вас, милорд.

Он мягко поправил ее:

– Джек.

– Спасибо, Джек.

– А теперь о твоём обещании...

Хотя под влиянием бренди голова у Элизабет немного затуманилась, она понимала, что ей надо сделать. Мернептон Сети был ее единственным козырем. Ценные сведения хранились у нее в голове и в дневнике.

Элизабет поделилась с Джеком своими планами:

– Как только мы убедим отца в том, что ему больше не надо беспокоиться о моем замужестве...

Джек как-то странно кашлянул.

– ...я сразу же проведу вас к гробнице великого фараона.

Наступило молчание.

Элизабет видела, что Джонатан Уик заинтересовался. Вероятно, что-то обдумав, он спросил:

– А откуда ты узнала то, что больше никому не удалось

выяснить в течение сотен и даже тысяч лет?

Она оценила его вопрос.

– Это, дорогой мой, результат исследований, работы и...

– И?

– И женской интуиции.

Элизабет гордо подняла голову и, бросив на него высокомерный взгляд, объявила:

– По-настоящему умный мужчина никогда не станет недооценивать женскую интуицию.

Мысленно она сказала: «Королева на Е-2. Шах и мат».

Джек все еще бормотал что-то себе под нос, когда она предложила:

– Давайте в знак договора пожмем друг другу руки, милорд.

– Пожмем руки? – с некоторым раздражением переспросил он. – Нет уж, милая моя леди. – Он придвинулся к ней ближе, ловко отнял у нее рюмку, и в следующую секунду Элизабет оказалась у него в объятиях. – Такой договор, как наш, должен скрепляться поцелуем.

С этими словами Джек приник к ее губам.

Этот поцелуй был сладким и пьянящим. Он был нежным и вызывающим. Он был полон обещаний, намеков на то, что ждет в будущем. Дыхание Джека было теплым, чудесным, словно лучший французский коньяк. Он будил ее чувства.

– Мне нравится с тобой целоваться, – призналась Элизабет, когда Джек начал нежно покусывать ее шею.

– А мне нравится целоваться с тобой.

– И другие вещи с тобой делать мне тоже нравится, – шепотом призналась она.

– И мне тоже.

– Мы очень порочные?

Джек рассмеялся:

– Надеюсь, да.

Элизабет чуть пьяно хихикнула:

– И я надеюсь.

– Мне кажется, милая моя невеста, что мне надо привести Колетт, чтобы она за тобой поухаживала. Ты выпила чересчур много бренди.

Она обиженно надула губки:

– Нет.

– Да, – твердо возразил он.

– Налей мне, пожалуйста, еще. Очень вкусный напиток.

– Ты и так явно выпила больше, чем следовало.

Элизабет посмотрела на него строго:

– Знаете, милорд, иногда вы ведете себя так бесцеремонно. Можно даже сказать, что вы – тиран.

– Весьма сожалею, миледи.

– И что вы собираетесь предпринять по этому поводу?

Джек пожал сильными плечами:

– Ничего. Ровным счетом ничего.

– Вот это я и имела в виду! – объявила Элизабет, не без труда поднимаясь на ноги. – Все мужчины без исключения –

упрямцы и глупцы и не хотят слушать разумных доводов.

– И как же нам повезло, что существуете вы, женщины! Кто бы напоминал нам о наших недостатках?! – Улыбаясь, Джек поддержал Элизабет под локоть.

Элизабет все еще обдумывала его слова, когда в дверь дома постучали.

– Извини, дорогая.

Поскольку Карима с ним не было, Джеку приходилось самому отвечать на стук.

За дверью оказалась Амелия Уинтерз.

Без предисловий она спросила:

– Леди Элизабет здесь?

– Да.

Однако Джек не стал приглашать ее войти.

– Мне надо немедленно поговорить с ней по чрезвычайно важному вопросу.

Казалось, бесцеремонность миссис Уинтерз не столько задела, сколько позабавила Джека.

– Наверное, это невозможно.

– Почему?

– Боюсь, что моя невеста выпила чересчур много бренди. По правде говоря, когда вы постучали, я как раз собирался идти звать на помощь мадемуазель Дюве.

– Ваша невеста?

Произнесенные Джеком слова прозвучали неожиданно торжественно и непреклонно:

– Вы первая можете нас поздравить. Мы с леди Элизабет собираемся вступить в брак.

Миссис Уинтерз очень быстро нашлась, как это всегда ей удавалось.

– Конечно. Примите мои поздравления, лорд Джонатан. Я желаю вам обоим всего наилучшего.

Элизабет откликнулась из дальнего конца гостиной:

– Спасибо, миссис Уинтерз. Очень мило с вашей стороны.

Ее дуэнья попыталась обойти довольно серьезное препятствие – а именно Джонатана Уика, но у нее это не получилось.

– Мне и правда надо поговорить с вами, миледи. Это важно.

– Можете сказать все мне, – предложил Джек. – А я передам ваши слова моей невесте.

Амелия Уинтерз одарила его приторно-сладкой улыбкой:

– Если вы настаиваете.

Он тоже ответил с вежливой улыбкой:

– Настаиваю.

– Тогда можете сообщить вашей невесте следующее, милорд. Похоже, ее бросили.

Лицо Джека осталось совершенно бесстрастным. Он просто стоял и дожидался, чтобы она закончила свое сообщение.

– Мы только что обнаружили, что Жорж и Колетт сбежали вместе. Видимо, они тоже собираются пожениться...

Оставшись одна в своем жилище, леди Элизабет лежала на кровати и в который раз перечитывала прощальную записку Колетт. На глазах ее выступили слезы – слезы печали и радости. Конечно, ей будет очень не хватать подруги, однако Колетт представилась возможность иметь в своей жизни любовь и счастье. Это замечательно!

Элизабет навсегда сохранит в памяти последние строки письма молодой француженки:

«Cherie, когда вы встретите человека, достойного вашей любви, не теряйте его.

И знайте, что вы будете в моем сердце до самой моей смерти.

Ваша Колетт».

Не в первый и не в последний раз в жизни Элизабет уснула в слезах.

Глава 19

Хилберт Матиас Уинтерз не мог забыть той ночи, когда впервые узнал женщину.

Ему исполнилось тринадцать лет, и в родовом поместье был устроен большой семейный праздник. Милая добрая бабушка подарила своему Берти старинную саблю (он уже несколько лет учился в военной школе и очень мечтал о такой) и сочинения Пипса в кожаных переплетах.

Саблю он хранил до сих пор, а прочитать Пипса так никогда и не удосужился.

Полковник удобнее устроился на подушках, во множестве разбросанных по полу так называемой гостиной их дома на краю пустыни, и сделал очередной глоток портвейна.

Он сознавал, что роскошествует: портвейн был товаром импортным и дорогим. Но с другой стороны, у него был вкус к дорогим удовольствиям, и ему нравилось именно так заканчивать свой день. Или, как в данном случае, свой вечер. Ибо было уже далеко за полночь, и Амелия давно ушла к себе в спальню.

Хилберт Уинтерз положил голову на гладкий, ласкающий кожу материал подушки и предоставил своим мыслям свободу. Кусочек острого сыра с голубыми прожилками (стилтон, один из самых дорогих) и рюмка хорошего портвейна — этого достаточно, чтобы у человека слюнки потекли.

Пышные округлые груди... Ох, уж эта Дара!.. Да, так ее звали – Дара. От одного воспоминания о ее смуглых грудях тоже слюнки текут.

Прошло больше сорока лет, а он по-прежнему возбуждается, вспоминая ту ночь. Он всегда считал, что та потаскушка была подарком от его отца и дяди, однако конкретных доказательств у него не было.

Одно он знал твердо: если бы его бабка об этом прознала, ее бы удар хватил...

Он вытянулся на кровати поверх одеяла, с наслаждением ощущая скользкий атлас под своим обнаженным телом – телом еще не оформившегося подростка. Руки он заложил за голову.

День рождения у него получился так себе по сравнению с тем, какие бывают дни рождения. Он ненавидел эти обязательные сборища в родовом поместье. Однако отец ясно дал ему понять: либо ты, Берти, черт побери, будешь делать что требуется, либо не получишь лошадь через год, на свое четырнадцатилетие.

Так что он весь вечер изображал из себя идеального маленького джентльмена, утешаясь тем, что следующий год будет удачнее, что тогда он получит в подарок лошадь, седло и, может быть, даже немного денег.

Может, его бабка наконец помрет, отписав ему что-нибудь в завещании. Конечно, даже если бабка и решит оставить ему часть своего состояния, придется ждать совершеннолетия,

чтобы получить деньги.

Дьявольщина! Чертовски неприятно быть таким маленьким и бедным. До чего ему это противно!

Сквозь оконные занавеси из дамасского шелка Берти видны были всполохи летней грозы, шумевшей за окном. Потом раздался гром, и хлынул дождь.

Он не услышал, как открылась дверь его спальни, только слабый свет газовой лампы, горевшей в коридоре, сказал ему, что кто-то вошел в комнату для гостей, в которой он всегда ночевал.

– Кто это? – прошептал он. Сердце его застучало в груди, словно били в барабан.

– Берти?

Голос был незнакомый, выговор – деревенский.

Чуть помедлив, он ответил:

– Да.

– Можно мне войти?

Он никак не мог понять, кому принадлежал этот девичий голос. И к тому же терялся, не зная, что сказать.

– Зачем?

Дрожащим голоском она призналась:

– Я... я боюсь грозы.

Он нырнул под одеяло, вдруг почувствовав каждый нерв в своем теле, от макушки до паха.

– Ну... Можешь войти, если хочешь.

По ворсистому персидскому ковру прошелестели легкие

шаги босых ног, зашуршали простыни, матрас просел: девица скользнула к нему в постель.

Ему немного неловко было задавать ей такой вопрос, но он все-таки спросил:

– Кто ты?

– Дара, – прошептала она, придвигаясь к нему.

– Дара?

– Я работаю у твоей бабушки на кухне. Сегодня понадобилось больше прислуги, так что меня выбрали, чтобы подавать твой праздничный обед.

Теперь он ее вспомнил. Всякий раз, когда у него появлялась возможность, он наблюдал за ней. Обед длился больше часа – шесть перемен блюд. Она была невысокая и стройная, с необычной внешностью, какая-то экзотичная; наверное, корни ее – на каком-нибудь острове в южных морях. И грудь у нее оказалась необычно пышная. Ему вспомнилось, как он пытался представить себе, какого цвета у нее сиськи.

– Я тебя помню, – признался он, с трудом сглотнув. Он и надеялся, что она не сможет прочесть его мысли, и почти хотел, чтобы она это сделала.

Берти, наверное, следовало бы поинтересоваться, как Дара очутилась в таком отдалении от спален для прислуги, однако он этого не сделал. Он опасался, что если скажет что-то некстати, то она просто уйдет.

А этого, как он вдруг ясно понял, ему совершенно не хотелось.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Почти восемнадцать. Наверное.

– А мне только тринадцать. – Знаю. Кухарка сказала.

Он не знал, о чем говорить. Сказал, что пришло в голову:

– Ты умеешь читать, Дара?

– Не-а. А хотелось бы быть ученой.

– А считать можешь?

Она повеселела:

– Угу. – И сразу же добавила: – Только, конечно, до десяти. – Она свернулась рядом с ним и положила руку ему на живот. Потом ее рука медленно сдвинулась ниже, и она захихикала: – А ты очень большой мальчик для своих лет.

Берти обнаружил, что не может дышать.

Дара вдруг отбросила в сторону одеяло и поднялась над ним. Задрвав рубашку, девица бесцеремонно опустила свою попу ему на живот, упираясь коленями в кровать по обе стороны его тела.

Протянув руку, она нежно прикоснулась к его лицу.

– Ты мне поможешь, правда, Берти, милый?

Он чуть кивнул.

– Ну, мне нужны честные ответы, – промурлыкала потаскушка, склоняясь над ним в полутьме. – Не надо говорить неправду только для того, чтобы сделать мне приятное.

– Не буду, – хрипло отозвался он.

Почему-то это заставило ее засмеяться.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Святой истинный крест?

Берти кивнул и молча перекрестил свое сердце.

Пышнотелая девица надула губки и томно протянула:

– По-твоему, у меня слишком большие груди?

Он покачал головой и сумел произнести:

– Н-нет.

– Правда-правда?

– Правда-правда.

– Не врешь?

– Не вру.

– Клянешься?

Берти кивнул. Он с чистой совестью мог в этом поклясться. Он был совершенно уверен в том, что это правда.

– Может, тебе надо получше их рассмотреть, прежде чем станешь клясться, Берти. – С этими словами Дара подняла свои смуглые руки и одним быстрым движением сняла через голову рубашку. Не колеблясь ни секунды, она бросила ее на пол. – Ну, что теперь скажешь?

Берти решил, что ничего прекраснее он в жизни не видел.

Груды у Дары оказались округлые и пышные, какими он их себе и представлял. Соски у нее сморщились, словно она побывала на холоде или терла их куском грубой мешковины. Они были красновато-коричневые, как спелые ягоды. Он подумал, что они выглядят ужасно аппетитными.

Ему страшно хотелось попробовать ее на вкус, прикос-

нуться к ней.

Дара прочла его мысли.

Она наклонилась и прошептала ему на ухо, проводя кончиком языка по мочке:

– Можешь трогать меня, если хочешь, Берти.

Поначалу он оробел, но все-таки протянул руку и опасно-во прикоснулся к ее соску одним пальцем. А потом он накрыл ее грудь ладонью и неловко стиснул.

Она наклонилась ниже, пока ее темные соски не оказались у самых его губ.

– Можешь взять меня в рот, если хочешь, Берти.

У него потекли слюни.

– Правда?

– Конечно, правда. – Она засмеялась, и ее тихий гортанный смех показался ему настоящей музыкой. – Давай я тебя научу. Расслабься и приоткрой рот немного шире. Вот так. – Она вложила ему в рот одну твердую коричневую ягоду соска. – Можешь легонько покусывать, пока не разберешься, что к чему. А тогда мы попробуем всякие разные штуки.

Вскоре Берти уже пробовал все ее тело руками, губами и языком. Она называла его способным учеником и время от времени хрипловато постанывала. От этого глухого звука у него по спине бежали мурашки.

Прежде он в ночной темноте трогал себя, но когда Дара приникла губами к его затвердевшей плоти и начала сосать, он хрипло вскрикнул и впервые испытал острое блаженство.

Девушка спокойно облизалась, приникла к его губам в мускусном поцелуе, а потом начала сначала.

Да, тот день рождения оказался чертовски хорошим!

Лучшего подарка ко дню рождения он никогда не получал, думал Хилберт Уинтерз, попивая свой портвейн. Его отец и дядя сделали удачный выбор. Он иногда думал, попробовали ли они Дару сначала сами, чтобы убедиться в том, что она – именно тот подарок, какой нужен тринадцатилетнему новичку. Однако он ни разу не задал им этого вопроса.

С него достаточно было воспоминаний.

Хилберт допил портвейн и с трудом поднялся на ноги.

Амелия.

Его глаза сузились при мысли о его «жене» и помощнице.

В последнее время ему редко удается обслуживать эту подколодную змею – не то, что вначале. Он ведь уже немолод, и его сексуальные аппетиты угасают. Но сегодня у него с этим проблем не будет. Вот – уже тверд, как камень.

Полковник заковылял к спальне Амелии, спотыкаясь о ковер. Она спала отдельно с того первого дня, как они приплыли в Луксор. Он хотел было постучать, но потом передумал – имеет право заходить к ней в спальню, когда ему вздумается. И он решительно распахнул дверь.

Комната была пуста.

Однако полковник прекрасно знал, где искать Амелию. Он снова закрыл дверь, прошел через дом и вышел под

звездное небо пустыни.

Он найдет ее.

Глава 20

Услышав сквозь полуоткрытое окно томный голос Амелии, полковник понял, что не ошибся.

Она с графом Полонски.

В этом доме остановился Полонски, а поскольку перевалило за полночь, неразумно было предполагать, что они встретились за чашкой чая.

Нетвердо держась на ногах (он первым признал бы, что этим вечером выпил немалое количество портвейна), Хилберт Уинтерз уперся рукой в стену из древних камней, а второй осторожно открыл ставни. Теперь он мог видеть все, что происходило в гостиной дома, который почти в точности походил на тот, что занимали они с Амелией.

Андре Полонски сидел на красном бархатном диване, более подходящем для лондонского борделя. Лицо его было обращено в сторону окна. Он был полностью одет и, как обычно, безупречно выглядел: свежесбритое лицо, волосы приглажены, галстук аккуратно завязан... Точно так же он выглядел этим утром. Видимо, отсутствие Жоржа, сбежавшего с Колетт, не имело катастрофических последствий – по крайней мере в том, что касалось внешности графа.

А вот на Амелии были только ночная рубашка и пеньюар. Она стояла на коленях между ног джентльмена, своей стройной спиной к окну.

Полковник прекрасно знал повадки этой бабенки, чтобы сразу понять, чем она занята. Ее рука двигалась вверх и вниз, казалось, она сбивала масло, но вот уж кем Амелия никогда не была, так это простушкой-молочницей.

Хотя, конечно, подумал Хилберт, раздвигая губы в кривой развратной улыбке, эта кошка умела выдоить мужчину досуха.

Он наклонил голову, прислушиваясь к разговору парочки. Первым заговорил Андре Полонски.

– Ты действительно считаешь, что этой девице что-то известно?

Глуховатым голосом, который обычно она оставляла для спальни, Амелия ответила:

– Наверняка.

– Значит, отец с ней поделился своей тайной?

Хилберту легко было представить, какая довольная улыбочка сейчас блуждает на губах Амелии.

– Не думаю, чтобы лорд Стенхоуп знал что-то стоящее, чем мог бы поделиться с дочерью. Я считаю, что это девице что-то известно.

Надо было отдать должное Полонски: тот оказался человеком на редкость хладнокровным. Полковник заметил только чуть приподнявшиеся брови.

Однако наверняка это было не единственным, что находилось сейчас в процессе подъема.

– Значит, леди Элизабет – это ключ.

– Я в этом почти уверена, – заявила Амелия, склоняя голову у него между ног.

Хилберт снова почувствовал сексуальное возбуждение. Он еще не до конца остыл, когда вышел из дома на поиски своей кошки-чертовки. Теперь ему было хорошо слышно, как она причмокивает, смыкая губы вокруг наверняка налившейся плоти своего любовника.

Полонски обхватил ее голову руками и теснее прижал к себе.

– У тебя это очень мило получается, дорогая. – Он безмятежно продолжил: – Я хочу спросить тебя кое о чем. В ответ можешь просто кивать или качать головой. Не обязательно прерываться.

Амелия кивнула, мгновенно сообразив, что это движение еще сильнее возбуждает ее партнера, и невнятно заворковала, не разжимая губ.

– Господи, ты действительно прекрасно это делаешь, – процедил граф сквозь стиснутые зубы. На лбу у него выступили блестящие капельки пота. – Скажи мне, – с некоторым усилием проговорил он, – ты считаешь, что леди Элизабет известно местонахождение гробницы Мернептона Сети?

Светловолосая голова чуть двинулась в знак согласия. Полонски со свистом втянул в себя воздух, так что даже полковнику было слышно. Прошло несколько мгновений, прежде чем графу удалось овладеть собой.

– Ты... ты упоминала, что обыскала – вернее, пыталась

обыскать – комнату девицы в первую ночь, которую мы провели в пещерах. Что ты надеялась найти?

Амелия подняла голову.

– Сучка где-то прячет записки и карты.

Красавец, небрежно откинувшийся на спинку дивана, вдруг резко выпрямился:

– Что?!

– Она прячет в своих вещах записки и карты.

Полонски наклонился, просунул руку за ворот ночной рубашки Амелии и начал гладить ее грудь. Она откинула голову, и из ее полуоткрывшихся губ вырвался глухой животный стон. Пеньюар и ночная сорочка соскользнули с лилейно-белого плеча. Тут ее любовник зажал между большим и указательным пальцами сосок обнажившейся груди и постепенно сжимал так, что она вскрикнула от наслаждения, граничившего с мукой.

Хилберт жадно облизнулся. Это было даже лучше, чем сидеть в темноте и вспоминать Дару. И даже приятнее, чем самому обрабатывать чертову кошку. К тому же от него не требовалось почти никаких усилий.

Но дело было не только в этом. Ему приятно щекотало нервы то, что на его глазах другой мужчина занимается любовью с его якобы супругой. Оставалось только жалеть, что он прежде до этого не додумался...

Тем временем Амелия пыталась объяснить графу, откуда у нее такая уверенность.

– Несколько недель назад мы с Хилбертом поздно вечером вышли прогуляться по палубе «Звезды Египта» и заметили, что в каюте леди Элизабет еще горит лампа. Мы заглянули в окно и увидели, что она уснула за секретером... – Хорошенькая блондинка оттолкнула руку графа и прикрыла свою грудь, как бы говоря: «Сначала дела, а потом уже удовольствия». – Мы увидели много листов тонкой бумаги, покрытых записями, рисунками и иероглифами. Естественно, нам захотелось рассмотреть все это получше, но как раз в ту минуту девица проснулась. Так что нам пришлось подождать, пока мы не окажемся в пещерах.

– А ты хитрое создание, дорогая.

Оба воспринимали эти слова как комплимент.

Амелии он был явно приятен.

– Поскольку я меньше Хилберта и двигаюсь быстрее, а он к тому же каждый вечер оказывается в подпитии из-за своей любви к дорогому портвейну, естественно, я и попыталась прокрасться к ней в спальню. Мне надо было отыскать ее бумаги.

– И ты их нашла?

– Нет, – сердито ответила она. – Чертова девица опять проснулась. Я и опомниться не успела, как она громко закричала, вскочила с постели и кинулась на меня, так что мне пришлось убежать.

Андре Полонски запрокинул голову и откровенно расхохотался.

– Жаль, что я не оказался свидетелем. Забавное было зрелище!

Видимо, Амелия пустила в ход свои острые коготки, потому что он изумленно охнул.

– Я так рада, что вы нашли меня забавной, дорогой мой граф.

Он уже не смеялся. Откашлявшись, проговорил:

– Так что, по-твоему, ключ находится у дочери.

– Я в этом уверена.

– Тебе легенда известна не хуже, чем мне. В усыпальнице Мернептона Сети якобы хранятся сокровища, превосходящие все, что может вообразить человек. – Он начал водить своими изящными, чувственными пальцами по волосам стоявшей перед ним на коленях женщины. – Хорошо бы нам с тобой этими сокровищами завладеть, дорогая.

Ее голос стал глубже и звучнее:

– Только мы с тобой?

Он ритмично гладил светлые пряди.

– Мы могли бы украсть бумаги Элизабет Гест, в том числе и карты, найти сокровища и жить по-королевски до конца наших дней.

Амелия повернула голову: теперь Хилберт Уинтерз видел ее профиль. Жадная сучка облизывала губки!

– Мы могли бы жить там, где пожелаем, – прошептала она.

– Мы могли бы иметь несколько домов: один в Лондоне, еще один, например, в Париже или в Вене.

– Мы могли бы ездить туда, куда захотим.

– Хоть вокруг света.

Оба засмеялись.

Полонски напомнил ей:

– Мы оба все еще молоды, но там хранится такое богатство, что даже мы с тобой не смогли бы все истратить.

– Больше, чем могли бы истратить даже мы?

– Я буду покупать тебе только самые редкие и красивые драгоценные камни. Такая прекрасная женщина, как ты, создана для того, чтобы носить изумруды в волосах, бриллианты в безупречных ушках, бесценный жемчуг вокруг шеи... – Полонски обхватил пальцами стройную шею Амелии. Голос его звучал как заклинание: – Ты рождена для того, чтобы стать царицей меж женщин, императрицей.

Амелия радостно согласилась:

– Да. Да!

Почти бесцветные глаза графа вдруг сузились.

– А что твой муж?

Она пожала плечами:

– А ничего.

– Ты его бросишь?

Амелия ни секунды не колебалась:

– Да.

– Он не станет нам мешать?

– Не сможет, если мы будем действовать быстро. Нам необходимо увидеть бумаги леди Элизабет, – нетерпеливо

напомнила она ему. – Что-то подсказывает мне, что у нее есть информация, которая приведет нас прямо к гробнице Мернептона Сети.

На этот раз лицо Андре оставалось совершенно серьезным.

– Ты действительно пробралась в ее спальню в пещерах?

– Да.

– Тогда я должен сделать тебе признание. После того, как мы с тобой договорились «случайно» встретиться в Музее древностей в Каире, я нанял местного бандита, чтобы он хорошенько напугал дочку лорда Стенхоупа. Он должен был следить за ней и в удобный момент что-нибудь предпринять. Получилось так, что она ушла от остальных, и ему удалось затолкнуть ее в гроб из-под мумии и захлопнуть крышку.

– Ах, какой ты негодник, Андре!

– Идея состояла в том, что на помощь ей приду я и она будет вечно мне благодарна. Тогда я мог бы воспользоваться этим и сблизиться с ней.

– Но что-то не задалось, – догадалась Амелия.

Он кивнул:

– Надо полагать, это из-за Уика. Видимо, он первым ее нашел. Помнишь, как странно они вели себя в тот день, когда снова присоединились к нам?

– Да, теперь припоминаю, – ответила блондинка, постукивая указательным пальцем по нижней губе. – А я-то решила, что он просто украл у нее поцелуй-другой.

– По-видимому, он сделал гораздо больше этого, раз они теперь официально помолвлены.

– Ублюдок! – прошипела она.

– Нет, милая моя Амелия. Ублюдок – это я, – отозвался граф с горькой иронией. – Если ты согласна быть со мной, то тебе следует знать, на что ты идешь. Я хочу, чтобы ты сделала выбор с открытыми глазами. – Его рука скользнула с ее шеи на обнаженное плечо. – Ты поистине дивное создание.

Усадив Амелию рядом с собой, он начал поочередно прикасаться кончиком языка к ее соскам, а потом забрал один из них в рот в долгом и крепком поцелуе. Она запрокинула голову и застонала.

Жадно наблюдая за любовниками в полуоткрытое окно, Хилберт признал, что графу в опытности не откажешь. Полонски прекрасно знал, как доставить женщине наслаждение. Амелия буквально таяла.

– О, я прекрасно понимаю, на что иду, – прошептала она. – Лучшего любовника у меня не было.

– От тебя это надо воспринимать как комплимент, – сардонически заметил граф.

Она не стала ни оправдываться, ни извиняться.

– Я такая, какая есть, Андре.

– И я такой, какой я есть, Амелия.

– Мы договорились?

– Договорились.

– И теперь мы выпьем этого чудесного шампанского в

честь нашего союза?

Полонски налил два бокала, и они торжественно подняли их.

– За нас, милая моя Амелия.

– За нас, – подхватила она и отпила небольшой глоток искристого вина.

А потом Амелия жадно выпила весь бокал, отняла бокал у Андре и поставила оба на столик. Снова усадив графа на диван, она принялась за дело. Ее ловкие пальцы двигались быстро и уверенно, и в считанные минуты Полонски был раздет. Его обнаженное тело оказалось под ней. Она уселась на него верхом. Светлые волосы и прозрачная рубашка окружали ее тонким облаком.

– Андре, – промурлыкала она его имя.

Он отозвался не сразу.

– Да?

Наклонившись, она нежно прикоснулась к его лицу.

– Ты мне pomoжешь, правда, милый?

Он кивнул.

– Ну, мне нужны честные ответы, – сказала она, склоняясь над ним в полутьме гостиной. – Не надо говорить неправду только для того, чтобы сделать мне приятное.

– Не буду.

Она засмеялась.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Святой истинный крест?

Андре гортанно засмеялся: видимо, они далеко не в первый раз разыгрывали этот сценарий, – и перекрестил свою грудь.

За окном дома Хилберт Уинтерз начал ежиться. Его лицо побагровело. Сучка разыгрывает его фантазию, его воспоминание о той первой ночи с Дарой!

Ему не стоило ей об этом рассказывать. Ему следовало бы знать, что она не сможет хранить тайны. Ему хотелось обхватить руками ее шею и стиснуть так, чтобы она посинела, чтобы у нее выкатились глаза, чтобы в ее чудесном греховном теле не осталось жизни.

Полковник слушал, как Амелия томно протянула:

– По-твоему, у меня слишком большие груди?

Андре быстро покачал головой и ответил:

– Нет.

Похоже, граф уже успел понять, что результат игр, которые ведет Амелия, бывает непредсказуем. Однако скучными ее игры не были, а порой получались удивительно интересными.

– Правда-правда?

– Правда-правда.

– Не врешь?

– Не вру.

– Клянешься?

Чертова кошка запомнила каждое слово его рассказа, изу-

мился Хилберт Уинтерз, наблюдая за парочкой.

Он с ней сквитается.

Придет время, и Амелия ему заплатит.

А тем временем полковник почувствовал, что возбужден, как никогда. Это извращенное удовольствие оказалось сильнее всего, что он знал прежде. Он смотрел на свою собственную фантазию. Он наблюдал за тем, как посторонние мужчина и женщина воплощают ее в жизнь. Он был возмущен. Он был в ярости. Он был возбужден до боли.

– Клянусь.

– Может, тебе надо получше их рассмотреть, прежде чем клясться, милый. – С этими словами Амелия подняла руки и одним быстрым движением сняла через голову свою полупрозрачную рубашку. Не колеблясь ни секунды, она бросила ее на пол. – Ну, что теперь скажешь?

Ее груди были округлые и пышные, соски розовые, идеально правильные и наморщенные. Цвет у них был чудесный, как у спелой земляники.

Хилберт подумал, что они кажутся очень аппетитными, и ему по опыту было известно, что они действительно такие.

Рот у него наполнился слюной, губы пьяно приоткрылись, так что струйка сбежала по подбородку. Ему вдруг очень захотелось ощутить вкус Амелии. Руки у него зудели от желания дотронуться до нее. Ему хотелось дразнить ее, опять и опять, пока она не взмолится о том, чтобы он закончил то, что начал за него другой.

Ему видно было, как Андре Полонски пожирает ее взглядом, наслаждаясь ее чудесным телом.

Амелия наклонилась и прошептала ему на ухо, проводя кончиком языка по мочке:

– Можешь трогать меня, если хочешь.

Ее любовник поначалу был робок, разыгрывая эту сцену так, как они, видимо, играли ее и прежде. Он протянул руку и прикоснулся к ее набухшему соску одним пальцем. Потом он накрыл ее грудь ладонью и неловко погладил.

Амелия наклонилась еще ниже, так что ее розовые соски оказались у самых его губ.

– Ты такой большой мальчик, такой хороший мальчик, что я разрешаю тебе взять меня в рот, если хочешь..

Он начал облизываться, как волк, готовый броситься на ничего не подозревающую жертву, – Правда?

– Конечно, правда. – Она гортанно засмеялась. – Давай я тебя научу. Расслабься и приоткрой рот немного шире. Вот так. – Она вложила ему в рот твердую ягоду соска. – Можешь легонько покусывать, пока не разберешь, что к чему. А тогда мы попробуем всякие разные штуки.

– Да что ты говоришь?

В этот момент они отошли от сценария. Руки, губы и язык Андре скользили по всему телу Амелии. Она называла его способным учеником и время от времени хрипловато постановявала.

От этого глухого стога у полковника по спине бежали

мурашки. Он опустил руки и достал свою пульсирующую плоть. Сама того не зная, Амелия этой ночью даст удовлетворение двум мужчинам.

И когда светловолосая женщина скользнула к ногам Андре Полонски и умело взяла в рот его плоть, полковнику едва удалось подавить хриплый крик, который рвался из его горла.

Несколько минут спустя Амелия уже поднимала голову, спокойно облизывая губы.

Полковник Уинтерз поправил брюки и неслышно скрылся в темноте. Хотя он не мог не восхищаться способностями Амелии, ему было совершенно не жалко уступить эту сучку графу.

Но им его не провести. Теперь ему известны их планы.

Полковник был уверен, что последним смеяться будет он.

Глава 21

Элизабет поняла, что любит.

Это было ужасно глупо с ее стороны. Это было страшно неразумно. И скорее всего это было очень опасно.

И она совершенно ничего не могла с этим поделать.

Она просто проснулась однажды утром, через несколько недель после того дня, когда было объявлено о ее помолвке с Джонатаном Малькольмом Чарльзом Уиком, и поняла, что это так.

Ее жених прекрасно сознавал, что он ей нравится: невозможно было скрыть ту страсть, которая вспыхивала между ними всякий раз, когда они оказывались наедине. Однако Джек очень повеселился бы, если бы обнаружил, насколько глубокое чувство она к нему питает.

В конце концов именно она ответила отказом на его первое предложение. Это она настаивала на том, что их помолвка будет только уловкой, чтобы помешать отцу перепоручить ее какому-нибудь молокососу, считающему, что можно провести интереснейший вечер за «зажигательной» партией виста и последними сплетнями о том, кто с кем спит. Все аристократическое общество знало, что в большинстве поместных домов гости играют не в «музыкальные стулья», а в «музыкальные постели», постоянно меняя партнеров.

Да, Элизабет любит Джека, но не намерена ему в этом

признаваться.

Конечно, положение осложнялось еще и тем, что он оказался прекрасным актером. Джек безупречно исполнял роль влюбленного жениха: все дни напролет проводил с нею, окружал ее вниманием, постоянно делал ей небольшие подарки и целовал ее – крепко, страстно и при каждом удобном случае. Он утверждал, что по женщине видно, «целована» она или «нецелована», и при этом напоминал ей, что она не хочет, чтобы кто-нибудь начал испытывать подозрения относительно подлинности их помолвки. Элизабет почему-то очень трудно было с ним спорить.

Кроме того, ей нравилось с ним целоваться. По правде говоря, она с нетерпением ждала его поцелуев. Хотя повторения великолепной близости, которую они позволили себе ночью в пещере, больше не было.

К глубокому ее разочарованию.

Более того, с момента их помолвки Джонатан Уик превратился в безупречного джентльмена.

Это было крайне досадно.

Элизабет стояла у окна своего дома и наблюдала за тремя мужчинами, находившимися в некотором отдалении: отцом, Али и Джеком.

Рассвело совсем недавно. Ее отец и красивый юноша-египтянин грузили на повозку какое-то новейшее геодезическое оборудование, только что полученное из Англии. Джек стоял поблизости, скрестив руки на широкой груди и

нахмутив брови. Вся его поза говорила о бессильном гневе.

Папа снова сказал «нет».

Каждый день в течение последних двух недель она или Али (молодой человек стал в этих вопросах ее надежным союзником) просили отца разрешить ей посмотреть на место раскопок, которое он выбрал в Долине царей. И каждый день он твердо отвечал отказом. Он утверждал, что пустыня для девушки неподходящее место.

Этим утром Джек решил замолвить за нее слово перед лордом Стенхоупом. Он лучше других понимал, как это для нее важно.

Да, подарки, которые Элизабет каждый день получала от Джека: тонкой работы шаль, сотканная на его станках и изготовленная из хлопка, выращенного на его собственной ферме, или редкая книга о растительности и животных пустыни – все они были выбраны со вниманием и радовали ее. Однако Джек знал, чего ей хотелось больше всего. Элизабет мечтала оказаться в Долине царей, участвовать в работе отца, добиться, чтобы он признал ее интеллектуальные способности.

Именно этого ей хотелось больше всего на свете.

И именно это скорее всего ей никогда не будет дано.

Элизабет увидела, как Джек в негодовании воздел руки и направился к ее дому. Ей не было нужды всматриваться в его лицо, чтобы понять, что он принесет ей неприятную весть.

Вздыхнув, она еще несколько секунд смотрела на двух мужчин, которые продолжали работать. Ее беспокоило что-

то, но она сама никак не могла это определить. Что-то, касавшееся Али и отца...

Элизабет перевела взгляд на приближавшегося к дому Джека. Луч утреннего солнца скользил по его правой руке, и она снова вспомнила о золотом кольце в форме анка, которое он по-прежнему носил на среднем пальце. Возможно, настанет день, когда Джек начнет доверять ей настолько, что расскажет о подлинном значении этого кольца.

Возможно, настанет день, когда она начнет доверять ему настолько, что поделится с ним своими секретами.

Но доверие не дается даром – его надо заслужить. И пока этот день не настал (если он вообще когда-нибудь настанет), они оба будут соблюдать то хрупкое перемирие, которое им удалось установить.

Они помолвлены уже две недели. И Джек, наверное, очень смеялся бы, если бы узнал, что ей уже хочется, чтобы их помолвка была настоящей!

Элизабет пыталась представить, как Джек отнесется к ее решению вернуться в Англию. Рассердится ли он или испытает одно только чувство облегчения?

Элизабет побывала в Египте. Она видела много чудес. Она поднялась вверх по Нилу и, как и предсказывал Джек, нашла гораздо больше того, на что рассчитывала. Один мужчина заставил ее пережить острую горечь разочарования, второй разжег в ней подлинную страсть.

Теперь, когда Элизабет стояла у окна, ей не давали покоя

строки из письма Флоренс Найтингейл, которые процитировала в розарии леди Шарлотта: «Можно только удивляться, как это люди, возвратившись из Египта, продолжают жить прежней жизнью».

Элизабет Гест была уверена, что никогда не будет такой, какой была прежде. Ее жизнь стала совершенно иной. В прошлом осталась наивная юная девушка, которая всего несколько месяцев назад уезжала из Йоркшира.

Она стала старше и несравненно мудрее. Пусть она не жила по-настоящему, в полном смысле этого слова, однако теперь она знала тайну, которую представительницы ее пола открывали для себя с незапамятных времен: женщиной не рождаются, женщиной становятся.

Она стала женщиной.

Джек и Элизабет мирно пили чай, когда до них донеслись крики и мольбы о помощи, а также громкий топот копыт ворвавшихся во двор лошадей. Молодые люди выбежали из дома.

Запряженных в коляску лошадей отчаянно сдерживал один из помощников лорда Стенхоупа. Граф сидел на заднем сиденье, закрытый брезентом от обжигающе яркого солнца. Его окровавленную голову придерживал другой помощник. Достаточно было одного взгляда, чтобы все стало понятно.

Эвери Гест, граф Стенхоуп, был мертв.

Элизабет прижала дрожащую руку к губам. Она неуверен-

но шагнула к коляске, однако Джек задержал ее.

– Оставайся здесь, а я пойду посмотрю, – распорядился он.

Элизабет не послушалась. Она сделала глубокий вдох и пошла к неподвижному телу отца. Словно во сне – да, конечно же, это был просто кошмарный сон! – она подошла к нему и прикоснулась к его лицу.

Его кожа была теплой. Однако это было тепло не живого тела, а жаркого солнца пустыни.

– Ах, папа...

– Мне так жаль... – запинаясь, проговорил человек, сидевший на заднем сиденье.

Элизабет посмотрела на того, кто держал в руках вожжи. В широко распахнутых глазах блестели слезы.

– Что... что произошло?

– Это был несчастный случай. Ужасающий, невероятный несчастный случай, миледи, – ответил молодой археолог. Он принялся рассказывать, но говорил путано, сбивчиво... Элизабет только позднее удалось до конца разобраться в том, что же все-таки случилось. – Высоко над долиной – скалистый карниз. Казалось, он ведет к входу в пещеру. Лорд Стенхоуп был уверен... Ваш отец заявил, что пойдет туда первым, в гробницу Мернептона Сети, а мы все возражали... мы предостерегали...

Молодой англичанин замолчал и вытер рукавом слезившиеся глаза.

Его рассказ продолжил другой помощник отца:

– Карниз обрушился под весом тела лорда Стенхоупа. Мы ничего сделать не могли. Он упал прямо вниз с высоты в сорок или пятьдесят футов.

– Он не страдал, миледи, – снова заговорил первый. – Он почти сразу же ударился головой о выступ скалы. И потерял сознание.

– Он не страдал. Он так и не узнал, что случилось, – произнесла Элизабет каким-то чужим голосом.

– Эти последние минуты граф был так счастлив! Он почти обезумел от радости. Он был совершенно уверен в том, что его мечта вот-вот осуществится.

Элизабет взяла безжизненную руку отца и поднесла ее к губам.

– Я искренне рада, что вы умерли счастливым, папа.

В следующую секунду сильная мужская рука обхватила ее за плечи.

– Позволь я распоряджусь, чтобы тело твоего отца внесли в дом, Элизабет. Надо позаботиться о многом, – сказал Джек.

– Да, конечно, – согласилась она, едва понимая, что он говорит ей.

Один из молодых археологов пробормотал:

– Надо сказать Али, что его... что лорд Стенхоуп погиб.

– Я скажу, – вызвался Джек.

Элизабет Гест встряхнулась – а может быть, задрожала, несмотря на удушающую жару, – гордо выпрямилась и за-

явила:

– Я сама скажу брату, что наш отец погиб.

С этими словами она повернулась и с достоинством королевы пошла к зданию из старинных камней, в котором жил ее единокровный брат, Али.

Элизабет до конца осознала случившееся только на склоне дня, когда начала готовиться ко сну. Она сидела одна, наполовину раздетая, и смотрела на луну.

Из-за жары пришлось похоронить лорда Стенхоупа в тот же день. Он уже лежал под песком и камнями на площадке, откуда открывался вид на Нил и на Долину царей – на те места, которые он так любил.

Элизабет гордо стояла рядом с Али, пока тот говорил об их отце, сначала по-английски, а потом по-арабски. Ей хотелось найти утешение в словах своего красивого брата-египтянина: «Человек счастлив, если может жить так, как ему хочется».

Так оно и было: папа всегда жил так, как ему хотелось.

Печальные размышления прервал стук в дверь ее дома.

Она отозвалась с непривычной вялостью:

– Да? Кто там?

– Амелия Уинтерз, – прозвучало в ответ.

Открыв синюю входную дверь, Элизабет с трудом заставила себя спросить:

– В чем дело, миссис Уинтерз?

Хорошенькая блондинка проговорила, запинаясь:

– Мне... мне так жаль... вашего отца, леди Элизабет.

Элизабет чувствовала усталость. Глубочайшую, давящую усталость. И ей было совершенно не до соболезнований ее равнодушной опекунши.

– Спасибо. Но, как вы видите, я уже ложусь.

– Я знаю, что сейчас уже поздно, милочка, но мне подумалось, что вам, наверное, будет трудно заснуть сегодня. Я... я принесла вам подогретого козьего молока. Если верить нашему повару, оно очень помогает.

Элизабет с удивлением увидела, что Амелия держит в руках серебряный поднос со стаканом и кувшинчиком. Сна совершенно не ожидала от этой женщины такой заботливости. На глазах ее выступили слезы – уже, наверное, в сотый раз за этот тяжелый день.

– Вы так добры!

– Вы совершенно измучены, миледи. Почему бы мне не помочь вам подготовиться ко сну и не уложить в постель, как сделала бы ваша добрая матушка, будь она сейчас здесь?

Элизабет не смогла бы припомнить, чтобы ее мать хоть когда-нибудь укладывала ее в постель, но вот няня действительно так делала в течение нескольких недель после смерти Анни.

Тем временем миссис Уинтерз проскользнула в дом и направилась прямо в спальню, где поставила серебряный поднос на столик у кровати.

– Ну вот, давайте переоденьтесь в ночную рубашку, а по-

том я налью вам стакан чудесного теплого молока. Вы перенесли ужасное потрясение, но когда отдохнете, почувствуете себя лучше.

– Не знаю, как мне вас благодарить, – пробормотала Элизабет.

– Меня совершенно не за что благодарить, – сказала Амелия Уинтерз, помогая Элизабет надеть рубашку. – Я ничего особенного не сделала.

Спустя несколько минут Элизабет, уже лежа в постели, приняла из рук миссис Уинтерз стакан подогретого молока.

– Почему вы так ко мне добры? – спросила она, совершенно не подумав о том, насколько обидным мог показаться ее вопрос.

Полногрудая красавица будто не слышала этого вопроса.

– Пейте молоко. Смотрите, чтобы не осталось ни капли.

Элизабет сделала несколько глотков и почувствовала, как по всему ее телу разлилось приятное тепло. Как странно! Ей сразу же захотелось спать.

– Повар был прав, – сонно пробормотала она.

Амелия Уинтерз наблюдала за ней, и глаза ее странно поблескивали в полумраке.

– Повар?

Речь девушки стала невнятной:

– Он ведь сказал, что молоко поможет мне уснуть.

Миссис Уинтерз рассмеялась, и смех ее оказался не слишком благозвучным и добрым:

– Ах ты, дурочка!

Элизабет вдруг поняла: происходит что-то не то. Совсем не то.

– Миссис Уинтерз, что вы подмешали мне в молоко?

– То, от чего ты будешь крепко спать.

– Зачем?

– Чтобы заполнить твой дневник, конечно. И на этот раз я не хочу, чтобы ты вскочила и начала за мной гоняться.

На секунду Элизабет удалось проснуться.

– Так в пещере были вы!

– Да.

Элизабет тихо произнесла:

– Это непорядочно – копаться в чужих вещах.

– Конечно. Но я ведь не очень хорошая леди. Разве ты до сих пор этого не поняла?

– Колетт предупреждала меня, что вы вообще не леди.

Блондинка нахально улыбнулась.

– Колетт была права. Тебе бы следовало ее слушать. – Она открывала ящики один за другим. – Ты, конечно, не захочешь избавить меня от лишних хлопот и сказать, куда ты его спрятала.

– Конечно.

– Так я и подумала.

Руки и ноги у Элизабет отяжелели, будто налились свинцом. Она не могла пошевелиться. Ей едва удалось приподнять голову с подушки.

– Мой дневник вам не поможет.

– Поможет, поможет. Мы с Андре намерены сами найти сокровища Мернептона Сети, Тогда мы сможем зажить как короли. До конца жизни хватит.

Элизабет хотела сказать другое. Существовали тайны, которых не знал никто. Никто, кроме нее.

Наиболее секретные записи были ею зашифрованы. Она научилась этой хитрости от отца, еще очень давно: только так можно было обезопасить себя, чтобы важнейшая информация не попала в чужие руки.

Но этим дело не ограничивалось.

Далеко не ограничивалось.

– Нехорошо... святотатство... проклятие...

– Я не верю всей этой чуши насчет древних проклятий, так что не пытайся меня запугать, – заявила негодяйка, роясь в сундуке Элизабет.

– Н-нет...

Амелия Уинтерз обернулась и бросила на девушку враждебный взгляд:

– Так скажешь мне, где твой дневник?

– Н-н...

А потом она могла только мысленно кричать: «Джек! Помоги мне, Джек! Не дай ей украсть мои записки и карты!»

Больше Элизабет ничего не помнила. У нее даже не хватило сил, чтобы громко крикнуть. Всего одно слово промелькнуло в сознании. Одно только имя было у нее на губах, когда

она провалилась в пропасть забвения: «Джек!»

Глава 22

Джек!

Элизабет проснулась в страхе и села на постели.

Только оказалось, что она вовсе не в своей постели. Она лежала на мягком матрасе, расстеленном прямо на полу, накрытая до подбородка богато расшитым покрывалом.

Трудно было сказать, что хуже: страшная пульсирующая боль в висках или открытие, что под покрывалом на ней ничего нет.

Боже избави! Неужели она все-таки попала к торговцам белыми рабами? Ее продали в гарем. Она стала экзотической игрушкой богатого паши.

Элизабет быстро легла на спину и зарылась в шелковистое покрывало.

Что она может вспомнить?

Ее отец умер. Это воспоминание стрелой пронзило ей сердце. Она помнила тот день во всех его печальных подробностях. Это произошло всего лишь вчера?

Нет.

В ее памяти стали возникать какие-то туманные картины. Что-то подсказывало ей, что с того момента, когда они с Али хоронили отца, прошло немало времени.

Али? Где он теперь, ее объявившийся брат? Что случилось с красивым юношей, к которому она успела так сильно

привязаться?

Элизабет вспомнилась новая картина. На этот раз перед ней предстала светловолосая женщина с пристальным взглядом, в котором читались алчность и злоба. Теперь к ней возвращались все новые подробности. Ее опекунша принесла теплого молока с каким-то сонным зельем. Ее опоили.

Они украли ее дневник!

Элизабет прижала ладони к вискам, и пульсирующая боль на минуту утихла.

Ей необходимо собраться с мыслями. Кто же украл ее дневник и бумаги? Полковник и миссис Уинтерз? Да. Но не с полковником, а с графом Андре Полонски.

Предатели! Негодяи! Злодеи! Они бесчестны, подлы и коварны.

Джек.

Боже, Джек ведь не знает, что они за люди! Ей необходимо найти способ как-то его предупредить. Надо только молить Бога, чтобы ее предостережение не опоздало.

Элизабет снова села. На этот раз она двигалась медленно и старалась не шевелить головой. Только теперь она увидела, что у входа в шатер сидит прелестная юная девушка.

Пол в просторном шатре был покрыт пышными персидскими коврами. Повсюду висели крошечные бронзовые колокольчики. Они качались от легкого ветерка, проникавшего в шатер, и мелодично позванивали, создавая чудесную, почти неземную музыку.

Стены украшали искусно сотканные гобелены. В разных местах были расставлены лампы, так что в шатре было светло. Внутреннее убранство дополняли огромные керамические вазы, украшенные сложной резьбой столики и сундуки самых разных форм и размеров.

Этот шатер явно принадлежал какому-то очень богатому паше.

Элизабет решила спросить, где находится, но вместо этого почему-то сказала:

– Я хочу пить.

Девчушка стремительно вскочила, радуясь возможности услужить. Она ответила с едва заметным акцентом:

– Конечно, миледи. Ваше желание для меня закон. Вы не голодны? Вам тепло? Вы не замерзли? Может, вы пожелаете вина или предпочтете козье молоко?

Элизабет слабо улыбнулась:

– Просто немного воды. Спасибо.

Она больше никогда и в рот не возьмет козье молоко!

Девушка поспешно подошла к ближайшему столику и налила воды в красивый кубок. Она церемонно подала чашу Элизабет и сразу же направилась к выходу из шатра.

Элизабет поднесла кубок к губам и отпила глоток. Вода показалась ей необычайно вкусной и освежающей. Когда девушка подняла занавес, служивший дверью, Элизабет окликнула ее:

– Вы уже уходите?

– Только на несколько минут, миледи. Я должна известить моего господина о том, что вы проснулись. Я скоро вернусь.

Элизабет допила воду и почувствовала, что с удовольствием выпила бы еще. Ей пришлось признаться себе и в том, что она внезапно испытала сильнейший голод. У нее создалось впечатление, что желудок ее совершенно пуст – будто она не ела уже несколько дней. Она понятия не имела, сколько времени прошло после рокового визита Амелии Уинтерз.

На столике, где стоял кувшин с водой, Элизабет увидела блюдо со свежими фруктами и несколько хлебных лепешек. Она решила, что может поесть и без разрешения.

Завернувшись в покрывало, Элизабет с трудом встала со своего странного ложа. Оказалось, что она ослабела и ноги у нее дрожат. Она кое-как добралась до столика с едой и опустилась возле него на колени.

Элизабет успела съесть с дюжину крупных темных виноградин, когда раздался «стук в дверь»: кто-то несколько раз постучал по шесту, расположенному у входа. Занавеска на входе отлетела в сторону, и в шатер решительно вошел незнакомец.

Это был человек очень необычный: благородное лицо, тонкий нос и волевой подбородок; глаза, большие и темные, цвета самого темного обсидиана, традиционно для Египта подведенные сурьмой, светились умом.

На нем красовались широкая рубашка и халат из самого дорогого шелка, богато расшитые золотом и серебром. Ру-

кояоть кинжала, заткнутого за кушак, украшали драгоценные камни: бриллианты, изумруды, рубины – такие крупные, как Элизабет еще никогда не случилось видеть.

Шею его окружал массивный воротник из многих тысяч крошечных бусин: настоящее сокровище царей... или фараонов. Пальцы его были унизаны кольцами, на запястьях блестели золотые браслеты, грудь тоже в богатых украшениях... Даже на лодыжках виднелись золотые обручи. Элизабет никогда прежде не видела столь великолепных драгоценностей: подобными не могли похвастаться ни Британский музей, ни Музей древностей в Каире.

Но больше всего ее потрясли волосы незнакомца: она просто не могла оторвать от них глаз.

У него были рыжие волосы. Естественно рыжие. Довольно темные. Цвета меди.

– Тысяча извинений за вторжение, леди Элизабет, – любезно проговорил вошедший на идеально правильном английском, что свидетельствовало о его отличном образовании. – Я не знал, что вы обедаете.

Она кивнула и попыталась проглотить кусок хлеба, который вдруг застрял у нее в горле.

– Ради Бога, продолжайте, – вежливо предложил он. – Я предполагал, что вам захочется что-нибудь съесть. Так приятно видеть, что вы пришли в себя и уже можете встать.

Элизабет взяла со стола свой кубок и запила водой застрявший в горле кусок хлеба. Наконец она могла говорить.

– Я не хотела бы показаться невоспитанной, но кто вы? Откуда вам известно мое имя? Где я нахожусь? Как я оказалась в этом... месте?

Незнакомец весело рассмеялся и поднял богато украшенные руки, шутливо показывая, что сдается.

– Я принц Рамсес, моя дорогая леди. Что до остальных вопросов, то право отвечать на них я предоставлю вашему мужу.

– Моему мужу? – озадаченно переспросила Элизабет.

– Черному Джеку.

Она по-прежнему ничего не могла понять.

– Черному Джеку?

Рыжие брови принца Рамсеса сдвинулись, но вскоре он снова улыбнулся и пояснил:

– Джеку. Или, может быть, вы знаете его только как лорда Джонатана Уика.

Элизабет попыталась встать, но обнаружила, что у нее по-прежнему нет сил.

– Джек здесь? Где он? Мне необходимо с ним поговорить!

Принц Рамсес ответил:

– Джека сейчас здесь нет, но мы ожидаем его возвращения в ближайшее время. – После небольшой паузы он добавил: – У него оставалось одно неоконченное дело.

Элизабет встревожилась еще сильнее:

– Мне надо его предостеречь! Мне надо сообщить ему нечто важное относительно Амелии Уинтерз и графа Полон-

ски.

Принц неспешно подошел к столику, взял с блюда сочную виноградину и как ни в чем не бывало отправил ее себе в рот.

– Насколько я знаю, миссис Уинтерз и граф Полонски как раз и есть те люди, которыми занимается сейчас Джек.

На душе у Элизабет все равно было немного тревожно.

– Значит, Джеку известно об их предательстве?

– Да, ему хорошо это известно.

– Скажите мне, пожалуйста, ему угрожает какая-нибудь опасность?

– Ни в коем случае.

– Вы в этом совершенно уверены?

– Абсолютно уверен. – Темные глаза настороженно сощурились. – Черный Джек может прекрасно о себе позаботиться, в любых обстоятельствах. – Принц Рамсес пожал украшенными золотом плечами. – Возможно, существует только одно исключение: некая прекрасная молодая англичанка.

Элизабет понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что принц сказал именно о ней, после чего она густо покраснела.

– А, я вижу, что вы действительно его любите.

Она отвела взгляд.

– Это просто превосходно, леди Элизабет. Мой друг очень долго не женился. Мне не хотелось бы, чтобы он провел свою жизнь без страсти, нежности и любви, которые сам я нашел с моими женами.

Эти слова заставили ее резко вскинуть голову:

– Женами?!

Надо отдать принцу должное: он не стал смеяться над ее невежеством.

– Как принято у моего народа с древних времен, мне разрешается жениться столько раз, сколько я захочу.

Возможно, расспрашивать его было невежливо, но любознательная Элизабет не выдержала:

– И сколько раз вы захотели жениться, милорд?

– Три раза. И у меня тринадцать детей. Но я еще молод. Мне только двадцать шесть.

– Джеку тоже двадцать шесть.

– Да, я знаю. Мы вместе учились.

– Учились?

– В Кембридже.

– Понятно. – Конечно, на самом деле ей было все совершенно непонятно. Однако обучение в Кембридже по крайней мере объясняло, почему принц Рамсес так великолепно владеет английским языком.

– По-видимому, Черный Джек не рассказал вам всего? – осведомился принц.

Элизабет начала догадываться, что этот Черный Джек не считал нужным или еще не успел рассказать ей очень и очень многое.

Неужели они действительно женаты?

Или это только очередная уловка, как и их помолвка?

А если они действительно стали мужем и женой, то почему она не может вспомнить церемонию бракосочетания?

– Мы так мало были вместе, – беспомощно ответила она. У нее снова заболела голова.

– Да, я понимаю. И еще такое несчастье. Погиб ваш отец, лорд Стенхоуп. Прошу вас принять мои соболезнования, миледи.

Элизабет закусила губу.

– Благодарю вас.

И тут она заметила у принца Рамсеса кольцо. На среднем пальце правой руки.

Оно было золотое. Из червонного золота.

Оно имело форму анка – древнего египетского символа жизни.

– Мой муж... – Как странно звучало в ее устах это слово: непривычно и в то же время необычайно приятно! – Мой муж носит точно такое же кольцо, что и вы.

– Джек вам не объяснил, откуда оно?

– Нет.

– Некоторые детали этой истории вправе рассказывать только он сам, но я расскажу вам ту ее часть, которая принадлежит мне. Вы, конечно же, обратили внимание на цвет моих волос.

Она закивала, подыскивая ответ, который не оскорбил бы этого величественного человека.

– Он очень красивый и необычный.

– Да, разумеется. В древние времена (я говорю сейчас о временах тысячелетней давности) рыжие волосы считались знаком злых сил. Египтянин, рождавшийся с рыжими волосами, считался неполноценным или, еще хуже, принадлежавшим злу. – Он засмеялся и налил себе в кубок вина. – Но все это изменилось.

– Несомненно. Наверное, отношение населения к этому цвету изменил сам Рамсес Второй: ведь написано, что у него были рыжие волосы... – Приглушенным голосом Элизабет повторила, как заклинание: – Принц Рамсес. Рамсес Великий. – Глаза у нее округлились от изумления, и она стремительно прижала ладонь к губам: – Значит, вы...

Принц Рамсес с величайшим достоинством наклонил голову:

– Я – прямой потомок фараонов. И мое кочевое племя, которое зовет себя Народом, – мы все потомки древнего населения, когда-то правившего Черной страной.

Сердце Элизабет Гест трепетало от радостного волнения. Это было чудесное приключение: о таком она и мечтать не могла!

– И значит, вы прямой потомок Мернептона Сети, не так ли, милорд?

– Так.

– И это кольцо?

– Мы с Черным Джеком носим эти кольца как напоминание о том, что он когда-то сохранил мне жизнь, а я потом

ответил ему тем же.

Она была потрясена.

– Вы спасли друг другу жизнь?

Принц позволил себе несколько подробностей:

– Мы с ним – братья и всегда останемся братьями. Кровными братьями. Так было еще с того времени, когда мы много лет назад вместе учились в Кембридже. Но этот рассказ принадлежит Джеку, и для него сейчас не время. Что касается меня... Он спас меня от предательства и от вражеского кинжала, нацеленного мне в спину. – Он так плотно переплел пальцы, что невозможно было определить, где кончается одна рука и начинается вторая. – Мы с Джеком связаны – и в этой жизни и в той, что ожидает нас после смерти. Он дорог мне – дороже всех других. Я ценю его жизнь выше моей собственной. Ибо он – человек высочайшей чести.

Элизабет не замечала, что плачет, пока не почувствовала на губах соленый вкус своих слез.

Ее царственный гость протянул руку и осторожно прикоснулся к влажной от слез щеке.

– Вы уверены, что сильно его любите? Из вас получилась бы жена, достойная царя. Я не сомневаюсь, что остальные мои жены встретили бы вас с распростертыми объятиями.

– Благодарю вас, сударь, за ваше лестное предложение. Но для меня существует только один мужчина.

– Надеюсь, Джек понимает, насколько ему повезло, – пробормотал принц. Склонив голову набок, он прислушался. –

И мне кажется, что ваш супруг легок на помине. Я уже его слышу. Несомненно, он сначала позаботился о своей возлюбленной Шехерезаде.

– О своей возлюбленной Шехерезаде? – переспросила Элизабет чуть слышно.

«Кто она такая, эта чертова Шехерезада?»

Принц Рамсес повернулся к входу в шатер, где как раз в эту секунду отодвинулась занавеска. В помещение стремительно вошел Черный Джек, сбрасывая с головы капюшон.

– Элизабет, дорогая моя! Ты наконец-то очнулась!

На нем был традиционный наряд и головной убор зажиточного египтянина, как в тот первый день, когда она встретила с ним возле базара в Александрии.

Элизабет была настолько рада видеть его целым и невредимым, убедиться в том, что он не пострадал при встрече с предателями – Амелией Уинтерз и графом Полонски, – что на секунду забыла о своей обиде на него.

Но уже в следующую секунду она встала, гордо выпрямившись во весь рост.

– Да, муж мой, я очнулась, – проговорила она.

– Ну, Элизабет, это я могу объяснить, – начал он.

– И заодно с этим, муж мой, не объяснишь ли ты мне, кто такая твоя возлюбленная Шехерезада?

Рами встал, похлопал старого друга по плечу, радостно рассмеялся и сказал, направляясь к выходу из шатра:

– Сдается мне, старина, что теперь тебе придется неслад-

KO.

Глава 23

Как только они остались вдвоем, Элизабет уперла руки в бока и осведомилась голосом, который прозвучал неожиданно сильно, если принять во внимание то, что ноги у нее по-прежнему подгибались:

– И кто такая эта Шехерезада, смею спросить?

Черный Джек не мог решить, то ли ему целовать эту злую фурию, то ли встряхнуть хорошенько.

Он несколько дней находился в седле: сначала чтобы «позаботиться» об Амелии Уинтерз и Андре Полонски, потом – чтобы поскорее вернуться к Элизабет. Он позволял себе только короткие остановки, чтобы напоить и накормить Шехерезаду! Его кобыла отличалась силой и выносливостью.

Джек устал и проголодался, и ему очень не понравились сварливые ноты, звучавшие в голосе его жены. Наверное, следует с самого начала показать ей, кто будет в их доме хозяином.

Джек скинул пыльное верхнее одеяние и бросился на груду подушек.

– Я голоден и хочу пить. Сначала я поем и утолю жажду. После этого я буду мыться. И только потом мы обо всем поговорим.

– Мы будем разговаривать сейчас.

Его сузившиеся глаза блестели, как две льдинки.

– Сначала я поем и утолю жажду.

– Кто такая Шехерезада?

Черный Джек решительно налил себе в кубок пальмового вина и разломил пополам лепешку.

Жадно оторвав зубами кусок хлеба, он начал его жевать. Время от времени он делал паузу, чтобы поднести к губам кубок и запить хлеб щедрым глотком вина. При этом он бормотал себе под нос:

– Мне следовало бы жениться на женщине Народа. Они знают, как надо заботиться о мужчине, который устал и хочет пить, который два дня и две ночи ехал верхом, чтобы поскорее вернуться к своей женщине.

Элизабет опустила рядом с ним на колени.

– Ты ехал верхом два дня и две ночи, чтобы вернуться ко мне?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

– Да.

– А не для того, чтобы увидеться с Шехерезадой?

Он нахмурился:

– Конечно, нет. Шехерезада была со мной.

Щеки Элизабет вспыхнули.

– Ты взял с собой другую женщину?! – возмущенно воскликнула она.

Черный Джек решил, что это пора прекращать. Давно пора, если уж на то пошло.

– Шехерезада – существо женского пола, но она не жен-

щина.

«Слава Богу!» – мысленно добавил он.

Элизабет была явно озадачена:

– Тогда кто же она такая?

Джек не торопясь отрывал сочные ягоды от большой кисти темного винограда и отправлял их в рот.

– Так кто же она? – раздраженно повторила Элизабет.

– Моя лошадь.

Джек навсегда запомнит выражения, которые стремительно сменяли друг друга на лице Элизабет в эти последние несколько минут, – то гнев, то ревность, то чувство облегчения. А теперь на нем снова отразился гнев, так что круг был замкнут.

– Лошадь?! – воскликнула она.

Джек кивнул. Его глаза искрились смехом.

Она схватила вышитую подушку и сердито бросила в него.

– Ты специально заставил меня думать, что Шехерезада – это женщина! А это была твоя лошадь!

Он без труда поймал подушку и отложил ее в сторону.

– Ревновала, радость моя?

– Ревновала? Ха! С какой стати мне ревновать?

– Потому что ты не хочешь ни с кем меня делить.

Ее изящный носик высокомерно вздернулся.

– Вы явно перегрелись на солнце, милорд. Оно повредило вам мозги, так что теперь вы бредите и страдаете манией величия.

Он запрокинул голову и искренне рассмеялся.

К Элизабет вдруг вернулась серьезность. Она поменяла тему разговора.

– Ты должен все мне рассказать, Джек. – Она стиснула его плечо. – Где мой брат? Он здоров? Ему ничто не угрожает?

Он поспешил ее успокоить:

– Не бойся. Али здоров и в безопасности. Он решил погостить у родителей своей матери, пока вся эта история не закончится.

– Я очень рада это слышать, – призналась Элизабет, отпуская его плечо. – Али как-то сказал мне, что его мать умерла во время родов. Теперь, когда папы тоже не стало, я испугалась, как бы он не начал думать, что остался совершенно один.

– Об Али прекрасно позаботятся. Кроме бабушки и дедушки, у него еще масса родственников: дяди, тетки и двоюродные братья и сестры.

Элизабет начала нервно теревить бахрому подушки.

– Но я его единственная сестра.

Джек решительно кивнул, продолжая смотреть ей прямо в глаза:

– Ты – его единственная сестра.

– Конечно, если не считать остальных в Англии.

– Если не считать остальных в Англии.

Ему показалось, что Элизабет приняла для себя какое-то важное решение.

– Я должна буду повидаться с братом, когда эта история закончится.

– Я сам тебя к нему отвезу.

– Спасибо. – Она посмотрела на Джека с искренней благодарностью и пододвинула ему тарелку сладкого печенья, пропитанного медом. – Не хотите ли еще откусать, милорд?

Черный Джек вежливо отказался.

– Теперь я вымоюсь и расскажу тебе о миссис Уинтерз и графе Полонски. – Уже начав раздеваться, он добавил: – Если, конечно, тебя это интересует.

Элизабет нетерпеливо подалась к нему:

– Конечно, интересует! Ты не должен пропускать ничего, даже самой мелкой и маловажной детали! Я хочу услышать все.

Джек прикусил щеку, чтобы сдержать улыбку. Какое она любознательное существо, его женушка! Он вздохнул. Жена. Надо полагать, это будет следующим вопросом, который она пожелает ему задать.

– Я постараюсь вспомнить все подробности, какими бы незначительными они ни казались, – пообещал он, продолжая раздеваться.

– Милорд, вы вот-вот снимете с себя всю одежду, – напомнила ему Элизабет.

«Что это за женские глупости?» – подумал Джек, а вслух произнес:

– Мадам, я это прекрасно сознаю.

– Но ты будешь... совершенно... не одет!

– Да, конечно. А по-твоему, следует мыться в одежде?

– Но...

– Ты уже видела меня обнаженным. Если уж зашла об этом, мы не должны стесняться друг друга.

У Элизабет перехватило дыхание. Джек заметил, что она старается на него не смотреть. Однако любопытство вскоре оказалось сильнее смущения. Он поймал на себе, на своем обнаженном теле, ее пристальный взгляд, и его мужское естество мгновенно на это отреагировало. Джек почувствовал, как его плоть наливается страстью: всего несколько секунд, и его возбуждение стало невозможно скрыть.

– Проклятый недуг! – негромко выругался он и с изумлением услышал, что Элизабет робко засмеялась.

– Даже против самого серьезного недуга должно существовать лекарство! – с неожиданной смелостью заявила она.

Джек встал в небольшую медную лохань и снял с ближайшего шеста мешочек из козьей шкуры. Из него он вылил себе на голову немного драгоценной воды, и она потекла по его телу тоненькими ручейками. После этого он зачерпнул из чашки горсть чистейшего белого песка и начал легко тереть им свое тело.

– Расскажи мне, что происходило, когда я потеряла сознание, Джек! – попросила Элизабет.

– А в какой момент ты потеряла сознание?

Элизабет немного помолчала, а потом почти шепотом от-

ветила ему:

– Это было вечером того дня, когда погиб отец. Я готовилась ко сну, а Амелия Уинтерз пришла ко мне со стаканом подогретого козьего молока. – Ее голос стал громче, даже слышались гневные ноты. – Она уверяла, что молоко поможет мне уснуть. Конечно! Эта ведьма что-то подмешала мне в молоко, чтобы я не смогла проснуться.

– Какая подлость!

Элизабет энергично кивнула.

– Я помню, она смеялась и говорила, что они собираются завладеть моим дневником и картами. А я не смогу им помешать, потому что не проснусь и не побегу за ней.

Джек секунду стоял неподвижно, прекратив тереть песком покрытую темными завитками грудь.

– Так, значит, это Амелия Уинтерз рылась в твоих вещах, когда ты ночевала в гробнице леди Исиды?

– Она сама призналась мне в этом. – Элизабет тяжело вздохнула. – И еще, что граф Полонски был с ней заодно.

Продолжая мыться, Джек рассказывал:

– Первым неладное заметил Али. Он хотел поговорить с тобой, и его встревожило, что ты не отозвалась ни на его стук, ни на оклики. Он сразу же сообщил об этом мне: разбудил меня рано утром.

Джек принялся мыть спину, но под левой лопаткой оказалось место, до которого ему никак не удавалось дотянуться.

– Дорогая, оказывается, я должен просить тебя о помощи.

Элизабет подняла голову:

– Да, милорд?

– Вот тут есть одно место, – он показал ей, какое именно место имел в виду, – до которого я не могу дотянуться. Ты не возражаешь?

С этими словами он протянул ей горсть белого песка.

– Конечно, – не без смущения откликнулась Элизабет, вставая на ноги. Взяв у него песок, она попыталась тереть им его спину под левой лопаткой. – К сожалению, мытье песком требует умения, которое я пока не освоила. У меня весь песок просыпался.

– Это ничего, – сказал он, напомнив себе, что необходимо продолжать делать глубокие вдохи и выдохи. Робкое прикосновение ее пальцев заставило его забыть обо всем.

– Я потеряла то место, которое надо тереть?

Джеку отчаянно хотелось сказать «нет», громко крикнуть «нет» и объяснить Элизабет, какому месту требуется ее прикосновение.

Джек никогда не назвал бы себя человеком скромным, но в этот момент он был настолько близок к тому, чтобы пролить свое семя прямо в воздух, что вынужден был повернуться к ней спиной и поспешно закончить мытье.

– Так вот, – проговорил он, немного овладев собой, – мы заглянули во все остальные дома для гостей и обнаружили, что они опустели. Исчезли не только Амелия Уинтерз и Андре Полонски, но и полковник тоже, Это известие было для

нее полной неожиданностью.

– Полковник Уинтерз тоже исчез?

Джек кивнул:

– Как сквозь землю провалился.

– Господи, а что, если с беднягой сделали что-то дурное?

– Нисколько, – отозвался Джек с сардонической улыбкой.

Он смыл песок с тела и выпрямился. В черных волосах на его голове, на груди, на стреле вдоль живота и в треугольнике вокруг гордой плоти блестели капли воды, напоминавшие росу. Он взял чистое одеяние и набросил его себе на плечи.

– А куда деть эту воду? – спросила Элизабет.

– Здесь, в пустыне, мы воду зря не тратим, особенно ту, которую берем в оазисе, чтобы мыться. Песок быстро осядет на дно лохани, и воду можно будет использовать – постирать одежду или напоить животных.

Ее голос стал хрипловато-грудным:

– Очень разумно, милорд.

Потом она снова вернулась к разговору о ее бывших спутниках:

– Пожалуйста, продолжайте рассказ о событиях последних дней.

Выражение его лица вмиг стало серьезным, глаза, потемневшие от гнева, казались почти черными.

– Мы обнаружили тебя в доме, Элизабет. Несколько секунд нам казалось, что ты умерла.

Джек не смог бы передать ей, что именно он испытал в те

мгновения, пока не стало ясно, что у нее просто очень глубокий сон. Он готов был крушить все вокруг, убить всех, кто попадется ему под руку... Ему показалось, что она умерла, что он уже не сможет ничем ей помочь, как когда-то не смог ничем помочь матери. Ему хотелось убивать или умереть самому. И ему было не важно, сделает ли он первое, или второе, или и то и другое.

Ее глаза изумленно округлились.

– Вы с Али решили, что я умерла?

– Да. А потом мы поняли, что тебя просто чем-то опоили.

Стакан с остатками молока и кувшин по-прежнему стояли на подносе у твоей постели. Но как мы ни старались, разбудить тебя нам не удалось.

Элизабет потерла виски.

– Кажется, я смутно припоминаю, как кто-то звал меня, заставлял ходить по комнате, вливал мне в горло какую-то горячую жидкость...

– Мы пытались тебя разбудить, но все было напрасно. Опасаясь, как бы к с Али что-нибудь не случилось, я отправил его к бабке и деду, хотя он долго возражал, не хотел уезжать. Я уверил его, что ты будешь в безопасности здесь, в пустыне, со мной и что Народ будет охранять тебя, как свою. В конце концов он все-таки согласился ехать. Его сопровождали несколько ближайших помощников твоего отца. Они благополучно доставят Али к его родным и, вернувшись в Луксор, будут дожидаться наших дальнейших распоряжений.

– А мои вещи?

Ему было искренне неприятно сообщать Элизабет об этом.

– Все в твоём доме было перевернуто. Я посадил тебя в коляску твоего отца и привез прямо сюда, к Народу. Я должен был прежде всего позаботиться о твоей безопасности.

Ее чудесное лицо исказилось гримасой разочарования.

– Значит, мой дневник и ценные бумаги по-прежнему находятся у Амелии и графа.

– Нет.

Элизабет насторожилась:

– Нет? Тогда у кого же они? Говори скорее!

– Терпение, миледи. Я рассказываю тебе обо всем в той последовательности, в которой узнавал сам.

Элизабет сделала резкое движение, и покрывало соскользнуло с ее плеч.

«Терпение, Джек. Тебе тоже надо запастись терпением. Ночь обещает быть очень долгой. Да, очень и очень долгой».

– Проводив Али и благополучно доставив тебя сюда, я вернулся обратно, чтобы заняться Амелией Уинтерз и Андре Полонски. – Взгляд его голубых глаз стал холодным и колючим. – Мы, жители пустыни, хорошо знаем, как надо поступать с ворами. Наказание может показаться суровым, но таков неписанный закон пустыни.

– И... и что же вы делаете с ворами?

Джек знал, что Элизабет будет потрясена, но решил рас-

сказать ей все как есть, всю правду. Это суровая страна, и предателям здесь нет прощения и пощады.

– Укравшего лишают руки. Того, кто выпил из чужого источника или испортил его, оставляют в пустыне без глотка влаги. Тому, кто оболгал соседа, отрезают язык. Обольстившему чужую жену...

Она поспешно прервала его:

– Я все поняла.

Он пожал плечами и поудобнее устроился на подушках, разложенных вокруг стола.

– Оказалось, что воров успели наказать по заслугам еще до моего появления.

– Пожалуйста, объясни.

– Я обнаружил Амелию Уинтерз и графа Полонски на пустынном участке дороги между Долиной царей и Долиной цариц. Их бросили там, решив, что они мертвы.

Элизабет быстро прижала руку к губам:

– Мертвы?

Джек кивнул.

– У Полонски была пуля в правой руке и по одной в каждой ноге, так чтобы он не мог идти. Амелия, при всех своих недостатках, отказалась бросить графа, несмотря на его уговоры. Она попыталась найти для них какое-нибудь укрытие, однако вокруг не было ни веточки, которая отбросила бы хоть немного тени. Они бы не продержались и дня на жаре, под палящим солнцем. Он не оставил им даже фляжки

с водой.

– Он?

– Полковник Уинтерз.

– Полковник Уинтерз! – повторила Элизабет, явно потрясенная этим известием.

– Боюсь, что главным злодеем в этой истории оказался Хилберт Уинтерз. Конечно, Амелия и Андре – воры, но вот полковник был готов хладнокровно устранить всех, кто стоит между ним и тем, что ему нужно.

– Устранить?

– Убрать. Уничтожить. Убить.

– Боже мой! А что ему было нужно?

– Получить твой дневник и карты, дорогая. Не знаю, как он узнал о намерении любовников обойти его и самим отправиться за сокровищами Мернептона Сети, но факт остается фактом: он об этом узнал. Из того немногого, что они смогли мне сказать, я понял только, что он последовал за нами в пустыню, хладнокровно подстрелил Полонски, запугал Амелию, отнял твои бумаги и оставил их на произвол судьбы.

– Но он казался таким добрым джентльменом!

– Что, надо полагать, демонстрирует нам, насколько обманчивой может быть внешность.

Было видно, что Элизабет пытается осмыслить услышанное.

– Полковник Уинтерз – убийца...

– По-видимому, так.

Она пристально посмотрела на Джека:

– А что стало с Амелией и Андре?

Черный Джек успокаивающе похлопал ее по руке:

– Не беспокойся. Я довез их до ближайшей деревни, где о них как следует позаботятся.

Элизабет покусала нижнюю губу.

– Ты не стал передавать их властям?

Он невозмутимо разломил сладкий бисквит на две половинки и положил одну ей в рот, а вторую съел сам.

– Нет. Я поступил гораздо лучше.

– Гораздо лучше? – недоуменно пробормотала она.

– Расставаясь с ними, я дал им торжественное обещание.

– Торжественное обещание? – повторила Элизабет и надкусила пропитанное медом печенье.

– Я пообещал Амелии и Андре, что если кто-то из них посмеет снова причинить тебе вред, я разыщу их хоть на краю света и закончу то, что начал полковник.

Элизабет чуть не подавилась от неожиданности.

– Я спас их жалкие жизни, – проворчал Джек, сверкая потемневшими глазами. – Но я без всяких колебаний выполнил бы свою угрозу и наказал их так, как они заслуживают.

– Боже, Джек!

– Таков, моя милая Элизабет, закон пустыни.

Потрясенная, Элизабет переспросила:

– Ты хочешь сказать, что убил бы их?

– Мне это не понадобилось бы: солнце, песок и пустыня сделали бы это за меня. Но можешь не сомневаться: я обещаю то, что принадлежит мне. А ты – моя.

Элизабет ему поверила. Помолчав, она спросила:

– А как ты думаешь, что стало с полковником?

– Полковник Уинтерз сбежал. Я займусь им позже. Мне было необходимо вернуться и позаботиться о моей жене.

– Кстати, об этом...

Джек откинулся на расшитые подушки и стал наблюдать за ней из-под полуопущенных век. Элизабет показалось, что он был готов к разговору об их браке.

– Я должен был на тебе жениться. Другого способа не было.

Элизабет не могла понять, чего ей хочется сильнее: ответить ему хорошую оплеуху, рассмеяться ему в лицо или начать его целовать.

– Не было другого способа сделать что?

– Это суровая земля. Ты должна была стать моей, чтобы я мог предоставить тебе защиту и мой шатер. Если бы я этого не сделал, любой горячий жеребец племени мог бы бросить мне вызов, чтобы получить твою благосклонность, – и сделал бы это.

Она искоса посмотрела на Джека:

– Мою благосклонность?

– Твои ласки в постели.

Несмотря на прохладный ночной ветер, Элизабет почув-

ствовала, что от смущения у нее загорелись щеки. Чтобы мужчины ссорились из-за нее? Чтобы Джек вступал в бой и, может быть, убивал, защищая ее? Такого она представить себе не могла.

Она откашлялась и решила немного прояснить для себя ситуацию:

– Мы действительно женаты?

Его лицо не изменилось.

– Согласно законам и обычаям Народа – да.

Она начала растирать виски.

– Но я совершенно не помню...

– Церемония была очень короткой, а невеста, мягко выражаясь, была не совсем проснувшейся.

– Понятно.

– Вне рамок этой культуры наш брак недействителен. Я буду защищать тебя. Когда необходимость в этом исчезнет, ты сможешь вернуться в Англию. Если захочешь.

Наступило странное молчание.

– А ты веришь в те брачные обеты, которыми мы обменялись?

После короткой паузы Джек признался:

– Верю. Но я уже много лет живу с Народом. Для посторонних это иначе.

Элизабет хотела знать всю правду – ей просто необходимо было знать всю правду.

– А в глазах Народа я по-прежнему посторонняя?

Джек произнес пугающе тихо:

– Выйдя за меня замуж, ты стала членом племени.

– Поэтому ты и знал, что можешь спокойно поручить меня их заботам.

– Да.

Теперь она до конца поняла, что этот человек сделал для нее. Он спас ей не только жизнь – он спас ее достоинство. Взяв Элизабет в жены, Джек сделал ее госпожой.

Она беспокойно облизала губы.

– Не знаю, как я смогу тебя отблагодарить.

– Меня благодарить не за что. – Джек закинул сильные бронзово-смуглые руки за голову и зевнул. – Я проехал сегодня много миль. Я устал. Ты тоже прошла через много испытаний. Нам пора спать.

Она оглядела уютное пространство шатра.

– А где мы будем спать?

Внезапно между ними вновь возникла атмосфера страстного ожидания, которой совершенно не ощущалось с тех пор, как Джек закончил мыться.

– Наше ложе нас ждет, – напомнил ей Джек.

– Но оно только одно!

– Здесь места хватит и для двоих. – По его лицу скользнула быстрая улыбка. – Мы считаемся мужем и женой. Но если тебя это тревожит, дорогая, можешь быть спокойна: сегодня я не собираюсь овладеть твоим прекрасным телом. По правде говоря, я твердо намерен немедленно заснуть.

Элизабет подумала, что ей, видимо, следует этому радоваться.

Черный Джек начал тушить лампы, так что вскоре единственным источником света в шатре стал бледный луч луны, проникавший внутрь сквозь отверстие в высоком своде. Они легли друг подле друга – но их действительно разделяло немалое расстояние.

Ночь была полна знакомых звуков: шипел привязанный неподалеку от шатра верблюд, тихо смеялись мужчина и женщина, коротко заржала кобыла, и ей протяжно и громко ответил жеребец. Бронзовые колокольчики, развешанные по всему шатру, чуть слышно позванивали.

Прошло некоторое время – Элизабет не смогла бы сказать, сколько именно. Не выдержав, она вздохнула и прошептала в темноту:

– Ты спишь?

– Нет.

– Почему?

– Не могу заснуть.

– И я тоже. – Элизабет легла на бок лицом к нему. – А мне казалось, что ты был твердо намерен немедленно заснуть.

Она услышала негромкий смех Джека, полный самоиронии. Как она любила его звучный, мужественный голос!

– Ну, это не первый случай, когда мои лучшие намерения ни к чему хорошему не приводят.

Осторожно проведя рукой по их необычному ложу, Эли-

забет нашла его правую руку. Ее пальцы сразу же ощутили прикосновение прохладного металла.

– Принц Рамсес носит такое же кольцо. Он сказал мне: это – напоминание, что ты спас ему жизнь.

– А он – мне.

– Ты спас его от предательства и от удара кинжалом в спину, – вспомнила Элизабет, надеясь, что ее слова побудят его быть с ней откровенным.

Джек перевернулся на спину и уставился в темные своды шатра.

– Рами спас меня от моего самого страшного врага.

– Твоего самого страшного врага?

– От меня самого.

– Он спас тебя от самого себя?

Джек вздохнул.

– Это было много лет назад. Мы с Рами вместе учились в Кембридже. Однажды меня несправедливо обвинили в том, что я украл деньги у одного типа. К сожалению, часть пропавших денег обнаружили в моих вещах. Поскольку я не захотел выдать человека, который, как мы все подозревали, и был вором, и даже защищаться не стал, меня вышвырнули не только из клуба, но и из университета. Я опозорил себя и запятнал имя семьи.

Элизабет сочувственно сжала его пальцы:

– Ох, Джек...

– Моя мать поверила, что я невиновен (она всегда брала

мою сторону, прав я был или нет... всегда, пока была жива). А вот герцог, мой отец, решил, что это последняя капля. Он недвусмысленно высказал мне свое мнение: я был виновен. Более того, я был подлейшим из подлых, самой паршивой из всех паршивых овец, самым необузданным из всех голубоглазых Уиков, и он не надеялся, что я изменюсь к лучшему. У него был один сын и наследник: мой старший брат, Лоренс. Я был ничто. Нет, хуже, чем ничто.

В груди Элизабет возникла холодная боль, похожая на острый осколок льда.

– Неделю спустя Рами нашел меня в какой-то лондонской трущобе. Кажется, я все это время ничего не ел и отчаянно пытался допить до полного бесчувствия. Если бы я остался один, то скорее всего погиб в первые же две недели. Он меня отмыл и сказал, что возвращается к себе на родину и что я еду с ним.

– И ты поехал.

– Поехал.

– И с тех пор оставался с принцем Рамсесом.

– И с тех пор оставался с ним.

– А когда шесть лет назад умерла твоя мать?

– Народ дал мне смысл жизни. Они стали моей семьей.

Прошло несколько минут, прежде чем к Элизабет вернулась способность говорить, да и тогда ее голос был едва слышен.

– Я верю, что ты невиновен, Джек.

– Это было много лет назад, и ты меня не видела, не знала и даже не слышала обо мне. В то время ты была еще маленькой девочкой.

– Ты сказал, что был невиновен. Мне этого достаточно.

Со стоном он предостерег ее:

– Милая моя, золотая моя девочка, не надо в меня верить!

– Слишком поздно, – сообщила она ему. – Я уже в тебя верю. Ты глубоко порядочный человек, и я не побоюсь доверить тебе мою жизнь.

– Но я не всегда говорил одну только правду и ничего, кроме правды.

– Значит, ты нормальный человек. Кто же всегда говорит правду?

Джек крепко сжал ее плечи и притянул к себе.

– Элизабет, посмотри мне прямо в глаза.

В лунном свете ей ясно были видны его голубые глаза.

– Смотрю, милорд.

– Слушай меня внимательно.

– Слушаю, милорд.

– Я намеренно шел за тобой в тот первый день на базаре.

– Я так и решила, милорд.

– Я выполнял поручение принца Рамсеса и Народа. Мне необходимо было узнать о тебе как можно больше, выяснить, что тебе известно о гробнице Мернептона Сети. Я был готов сделать все, что потребуется, чтобы получить эти сведения.

– Я пришла к этому выводу довольно давно, милорд. Я

ведь не глупая.

Он с досадой воздел руки:

– Я так никогда не считал.

– Вам меня не оскорбить, милорд. Я давно поняла вашу игру.

– Мою игру?

– Вам не заставить меня поверить в то, что вы действительно порочны, что вы – самая паршивая из всех паршивых овец или самый необузданный из необузданных Уиков, что бы вы мне ни говорили.

Он яростно бросил ей, почти перейдя на крик:

– Я был вполне готов тебя обольстить, даже жениться на тебе, если придется, только чтобы получить эти сведения.

Она нежно поводила пальцем по его упрямому подбородку.

– Ты меня обольстил. Ты на мне женился. Но ты все еще не получил тех сведений, которые тебе нужны.

Он с трудом вздохнул и издал странный горловой звук, похожий на рычание, такого Элизабет еще никогда не слышала.

– Боюсь, что из тебя хорошего шпиона не получится, муж мой.

– Я был хорошим шпионом, пока не столкнулся с тобой, – проворчал он.

– Значит, как сказал принц Рамсес, теперь тебе придется несладко. Ты наконец нашел себе пару.

– Ха, ты же семнадцатилетняя девчужка!

– Мне почти восемнадцать, и я – женщина, – парировала она. – Замужняя женщина.

– Только формально.

– Тогда нам надо что-то предпринять, чтобы изменить это, не так ли?

Джек замер.

– И что ты задумала? – осторожно спросил он.

Она просунула руку в широкий рукав его рубашки и начала водить ладонью по обнаженной руке, по груди, животу... Вскоре она почувствовала, как дрожит его тело.

– Я подумала, что мы могли бы продолжить уроки.

– Уроки? – переспросил он севшим голосом.

– Ты ведь, кажется, говорил, что существует множество способов заниматься любовью, так?

– Да...

– Ну тогда почему бы нам не начать с обычного, а потом не попробовать по очереди все остальные?

– Но ты же девственница! – вырвалось у Джека.

Она почувствовала, что густо краснеет.

– Это я знаю. Но я в этом не виновата.

– Я и не говорил, что виновата. – Он укоризненно сощурил глаза. – Я один раз просил тебя стать моей женой, а ты отказалась.

Элизабет вздохнула и не стала оспаривать это утверждение. Но не хотелось и вспоминать о неприятных подробностях.

стях их давнего разговора.

– Это так.

– Ты утверждала, что из меня получится хороший любовник, но плохой муж.

– Я ошиблась.

– Ошиблась?

– Да. Я признаю, что ошиблась. И я передумала.

– Передумала?! – взревел он.

Элизабет укоризненно приподняла темно-каштановые брови:

– Женщинам разрешается передумывать.

– Клянусь святым сыном Осириса! – Он несколько раз ткнул кулаком в подушку, лежавшую у него под головой. – Из всех глупых отговорок...

– Ш-ш, милый мой муж, – прошептала она, забираясь рукой за ворот рубашки Джека.

Она начала гладить его широкую мускулистую грудь, тугие соски, спрятанные среди завитков темных волос, ровный живот... А потом она передвинула руку ниже и услышала, как он резко втянул в себя воздух.

– Боже!

– Милорд, ваш недуг сегодня особенно силен, – объявила она.

– Миледи, это совсем не смешно.

– Ну, вам, конечно, известно об этом гораздо больше, чем мне, милорд. Мое знакомство с... э-э... мужским недугом...

довольно ограничено.

– Довольно ограничено?

– Ну хорошо. Очень ограничено. Действительно, надо признаться, что я могу по пальцам пересчитать те случаи... – Считая вслух, Элизабет прикасалась пальцем к его тугой плоти. – Раз. Два. Три. – Она на секунду задумалась, а потом спросила: – Или все-таки четыре?

– Три или четыре – роли не играет, – процедил он сквозь сжатые зубы.

Элизабет распустила на нем пояс и распахнула длинную рубашку.

– Ты был прав, конечно, – объявила Элизабет.

– Наконец-то признала, что я в чем-то прав, – пробормотал Джек.

– Когда мужчина возбужден, так что весь мир может это видеть, – у него все впереди.

– Надеюсь, весь мир этого не увидит.

– Ну, естественно. Я хочу сказать, что мужчина не может скрыть своей реакции на женщину, правда?

– Да, не может.

– Ты стал очень большим и твердым.

– И становлюсь с каждой минутой все больше и тверже, – пробормотал он себе под нос.

Элизабет обхватила его рукой и чуть-чуть сжала, как бы желая лучше представить себе размеры его древка.

– Я никогда не думала, что мужчина окажется таким...

– Элизабет!

Его голос был строгим, игнорировать это было нельзя.

– Да, милорд?

– Ты не должна... Я так давно... Я на грани...

Она непонимающе наморщила лоб.

– Я сделала что-то такое, чего не следовало делать?

– Да нет, радость моя, – с трудом проговорил он.

– Тогда ты должен объяснить мне все, Джек. Я ведь ничего не знаю об этих вещах. И если ты не расскажешь мне, то кто тогда расскажет?

Он кивнул:

– Я постараюсь.

Элизабет ждала его объяснений. И, ожидая, когда оч начнет говорить, она несколько раз провела пальцами по его плоти, замороженно наблюдая за тем, как на ее конце у крошечного отверстия появилась капелька. В лунном свете она блестела, словно роса. Наклонившись ниже, она снова обвила его пальцами – и изумилась, услышав, как Джек глухо вскрикнул. Его древко напряглось и дернулось: раз, другой, третий... Из его тела вырвалась струя со странно знакомым ей терпким запахом.

– Дьявол! – воскликнул он.

– Что-то не так?

– Ничего.

– Этого не должно было случиться?

– Должно, но...

– Разве это не такой же оргазм, как тот, что был у тебя тогда, когда мы делили постель в гробнице леди Исиды?

– Да, но...

– Разве не это происходит с мужчиной в некий момент его недуга?

– Да, но...

– Но что, милорд? – совершенно невинно спросила она.

– Но это не совсем то, что я хотел испытать.

Естественно, Элизабет тотчас же осведомилась:

– А чего же ты хотел?

– Я тебе это покажу, моя великолепная леди, – сказал он и сбросил с себя одежду.

– Джек!

– А теперь давай посмотрим, что будет происходить с твоим телом, радость моя.

Он зарылся лицом в шелковистую гриву ее волос, целовал ее от макушки до пальцев ног.

Прежде Элизабет не подозревала, что ее кожа станет столь чувствительной к легчайшему прикосновению, к самой мимолетной ласке. Она не думала, что каждая частица женского тела может настолько настроиться на мужское. Короткие волоски на ее шее приятно шевелились. Руки были покрыты мурашками. Ее соски стали твердыми и ныли – почти болели. Ей неудержимо хотелось пододвинуть их к губам Джека и умолять его, чтобы он прикоснулся к ним, сомкнул вокруг одного губы, а вокруг другого – пальцы.

Она вся пылала неутолимым желанием. И вот наконец его рука скользнула по ее бедрам и раздвинула мягкие складки вокруг главного источника ее томления. Его пальцы ощутили тепло и влагу, полную ее аромата. Он поднес их к своему рту, потом дотронулся до ее губ. И когда он начал ее целовать, запахи мужского и женского начала, ароматы их тел соединились.

– Это ты. Это я. А это мы, – прошептал Джек, и его язык проскользнул между ее губ и нашел ее язык. – Попробуй меня. Попробуй тебя. Попробуй нас.

– Я хочу, чтобы мы стали одним целым, – прошептала она, лихорадочно отвечая на его поцелуи. – Войди в меня, Джек. Пожалуйста!

– Как мне войти в тебя, любимая?

Испытывая бессильное желание, она попыталась его ударить. Однако удара не получилось – только нежное прикосновение мотылька к цветку.

– Будь ты проклят, Джек! Войди в меня!

Он перестал дразнить ее и заглянул в ее полные слез глаза.

– Ты уверена, что хочешь этого, Элизабет?

– Да.

– Ты потеряешь девственность.

– Ну и пусть. Я хочу тебя. Я хочу почувствовать тебя во мне. Я хочу, чтобы ты вошел в меня, наполнил меня, наполнил меня всю!

– Да! – горячо согласился он. – Но сначала я должен рас-

тянуть тебя, чтобы сделать вход как можно менее болезненным.

Он вложил в нее один палец, и Элизабет инстинктивно выгнула спину, поднимаясь навстречу его руке, ища чего-то, стремясь отыскать нечто такое, что никак ей не давалось. Большой палец его руки чуть прижал чувствительный бутон, и она подняла бедра над постелью.

– Джек, пожалуйста! Я хочу... мне надо...

– Знаю!

Его второй палец присоединился к первому, и Джек медленно развел их в стороны, так что ее влажные тайны открылись ему навстречу.

– Сейчас? – вскрикнула она.

– Скоро, – пообещал он. – Я постараюсь не сделать тебе больно. Но ты такая нежная, такая узенькая, такая новая. А я, наверное, слишком большой и твердый.

– Ну и пусть. Сделай это! – взмолилась она. – Сделай прямо сейчас!

Джек на секунду замер над ней, а потом, помогая себе рукой, осторожно начал продвигаться к желанной цели. Оказавшись на полпути, он остановился, хватая ртом воздух, моля богов, чтобы они помогли ему не потерять над собой власти.

– Боже! – прошептал он.

– Не останавливайся! – умоляла Элизабет. – Я хочу тебя!

– Ты уверена?

– Уверена.

С этими словами она приподняла свое стройное тело на встречу ему.

Он погрузился в нее до конца, резким и уверенным движением уйдя в самую глубину, в шелковые ножны ее женственности. У обоих вырвался крик: был ли то крик торжества, изумления или даже боли, оба не смогли бы сказать.

– Ты в порядке? – спросил Джек.

– Да! – Она улыбнулась ему. – Мы это сделали!

Джек запрокинул голову и рассмеялся:

– О наивная моя девочка, мы только начали!

Ее глаза изумленно раскрылись:

– Только начали?

Он кивнул и задвигался внутри ее, сперва медленно и осторожно, а потом все энергичнее. Вскоре его движения стали наполнять ее все сильнее и сильнее, пока Элизабет не почувствовала, как в ней растет невыносимое напряжение.

– Элизабет.

Она едва слышала свое имя.

– Джек, со мной что-то происходит!

– Знаю.

– У меня такое чувство, будто я вот-вот взорвусь.

– Не бойся, любовь моя.

– Но мне страшно!

– Помнишь, ты испытала оргазм, когда мы были вместе в постели? Ну, так сейчас то же, только еще сильнее.

– Мне все равно страшно, – задыхаясь, призналась она.

– Не надо бояться. Я с тобой. Я тебя не отпущу. Я буду тебя защищать.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Тогда она откинула голову на подушки. Губы ее полуоткрылись, все мысли разлетелись. Она превратилась в ночное существо, чувственное, плотское, страстное. В ушах ее шумела кровь. Кожа ее пылала. Ей казалось, что сейчас она разобьется на тысячи осколков.

Почувствовав, что срывается в пропасть, Элизабет отчаянно вскрикнула:

– Джек!

Она держалась за него и не отпустила даже тогда, когда начала возвращаться обратно на землю.

А потом Элизабет услышала его хриплый вскрик: он приподнялся над ней, стремительно погрузился в самую глубину и излился в нее, осушив себя до дна, наполнив ее до краев, снова и снова повторяя ее имя:

– Элизабет! Элизабет! Элизабет!

Спустя какое-то время Элизабет проснулась и обнаружила, что тяжелое тело спящего Джека лежит на ней, вдавливая ее в подушки. Его плоть по-прежнему оставалась внутри ее, его теплое дыхание шевелило легкие пряди волос, упавшие ей на щеку.

Она была прежней. И в то же время она необратимо изменилась. Это поистине оказалось самым великолепным приключением из всех. Невозможно было представить себе что-то, что могло бы сравниться с чудом акта любви, если он совершается с человеком, для которого ты создана.

А Джек был именно таким человеком, в чем теперь Элизабет несколько не сомневалась. Но знает ли об этом он?

Наконец она стала полноценной женщиной. Она познала величайшую тайну на земле. Она была убеждена, что дело не в приемах и умении, а только в любви.

Джек пошевелился в полусне и прижался губами к ее обнаженному плечу. Его рука была зажата между ними – она медленно поглаживала ее живот. Он пробормотал что-то, но Элизабет не смогла разобрать его слов.

Она почувствовала, как завитки волос на его груди касаются ее кожи, и ее соски мгновенно превратились в тугие бутоны.

Ее любовный опыт был ограничен тем, что она узнала с Джеком, и тем не менее она уже понимала, какие изменения происходят в ее теле – и в его тоже. Она ощущала, как его плоть начинает оживать внутри ее, заполняя ее все больше. Двойной мешочек тоже стал увеличиваться, надавливая на ее тело, дразня ее, намекая на возможности, которые ей еще предстояло изучить.

Этой ночью Джек нашептывал ей на ухо тайны: ночные тайны, чудесные тайны, волнующие тайны, обещания неве-

роятно эротические и экзотические, от которых щеки ее начинали пылать, а пальцы на ногах судорожно сгибались.

Он пообещал, что покажет ей их все. О многих он только слышал или читал, но они освоят их вместе. Ничего более обольстительного для нее не существовало.

Оставаясь неподвижной на их брачном ложе, Элизабет почувствовала, что Джек – спит он или проснулся – снова начал двигаться внутри ее. На этот раз он совсем не спешил. Он двигался медленно, целиком выходя из ее тела, а потом снова погружаясь в самую его глубину. Он овладевал ею постепенно, крошечными кусочками, долями дюйма...

Это было мучительно. Это было чудесно. Казалось, это длится вечно.

По крайней мере Элизабет хотелось, чтобы это длилось вечно. И в то же время ей казалось, что еще немного – и она умрет.

Она ткнула в его грудь подбородком.

– Джек, ты не спишь?

Он отозвался только неопределенным мычанием.

– Вы не спите, милорд?

– Мне совершенно все равно, проснулся ли я, или все это сон, – прошептал у ее уха хриплый голос. – Такому грешнику, как я, ближе к райскому блаженству не подобраться.

– Это не рай, милорд. Это ваш шатер.

– А вот тут ты ошибаешься, милая моя женушка. Это настоящий рай.

– Рай, – откликнулась Элизабет, соглашаясь с ним.

Они снова и снова поднимались вдвоем к вершинам блаженства. Они не выходили из шатра три дня и три ночи. Еда появлялась у входа, как по волшебству. То, от чего надо было избавиться, куда-то исчезало. Они никого не видели. Ни с кем не разговаривали. Им было подарено это время, чтобы побыть вдвоем.

Ибо и это тоже было законом пустыни.

Глава 24

– Приветствую вас, господин мой, – раздался у входа в шатер знакомый Джеку голос.

– Входи.

– Не могу, господин мой.

– Карим? – Черный Джек окончательно проснулся. Он сел на постели и набросил на себя и свою крепко спящую жену вышитое покрывало. Было утро. Прежде в этот час он уже занимался делами, но теперь они с Элизабет полночи разговаривали и любили друг друга. – Это ты, Карим?

– Да, о самый благородный и снисходительный, – прозвучал приглушенный ответ.

– Входи, любезный.

– Не могу, господин мой.

Джек нахмурился:

– Ты болен?

– Нет, господин мой.

– Ты ранен?

– Нет, господин мой.

– Так по какой причине ты не можешь ходить?

– Ходить я могу, но предпочитаю стоять здесь на коленях.

– На коленях?

– Я недостойн того, чтобы стоять в полный рост, недостойн того, чтобы сидеть, недостойн находиться рядом с вами,

о щедрейший из щедрых. Я не смею смотреть вам в лицо. Я недостойн целовать ваши руки и даже ваши ноги. Я буду валяться перед вами и умолять о прощении.

– Ты сошел с ума, Карим?

– К величайшему моему сожалению, дело и не в этом, господин мой.

Джек начал терять терпение, несмотря на свою привязанность к верному другу и слуге.

– Тогда в чем же дело? – спросил он.

Элизабет зашевелилась рядом с ним и села, протирая заspanные глаза.

– О каком деле идет речь, Джек?

– Сам не знаю, – признался он ей. – Карим стоит у шатра на коленях и отказывается войти. И только мямлит что-то насчет того, как он недостойн стоять рядом со мной.

– Наверное, ты чем-то напутал беднягу, – решила она, протягивая руку за пеньюаром.

– Ничего я не делал. Только пригласил его войти. Честно, дорогая.

В ответ Джек получил весьма скептический взгляд, после чего его жена на несколько минут исчезла из шатра.

– Как чудесно. Я вижу, что нам принесли завтрак, – заметила Элизабет, вернувшись. Она осмотрела просторное помещение шатра. – Но где же Карим?

Джек завязал пояс халата и проворчал:

– По-прежнему валяется за шатром.

Она уперла руки в бока и возмущенно спросила:

– Так что ты все-таки с ним сделал?

– Ничего я с ним не делал! – воскликнул Джек. – Как я мог что-то сделать? Я уже несколько недель его не видел. С тех самых пор, как отправил его в Каир, чтобы он выполнил одно мое поручение.

Она мгновенно насторожилась:

– Поручение? И что это было за поручение?

– Ну, теперь ты, разумеется, можешь узнать правду. Я велел Кариму сойти со «Звезды Египта» и вернуться в Каир, чтобы он встретился там с человеком, который время от времени выполняет для меня кое-какую работу.

– Какую именно работу?

– Расследования. Этот человек... торгует... информацией.

– Сыщик. Как интересно!

– Ну да. Карим должен был получить у этого человека сведения о графе Полонски, полковнике и миссис Уинтерз.

– И он их получил?

– Не знаю. Мне не удалось убедить его войти и поговорить со мной.

– По-видимому, ситуация требует женского такта, – решила она, постукивая пальцем по нижней губе. – Мне попробовать?

– Не стесняйся, – ответил Джек, поощрительно взмахнув рукой.

Элизабет направилась к краю шатра.

– Карим?

Ответом было приглушенное:

– Приветствую вас, госпожа.

– И я тебя приветствую, Карим. Чудесное утро, не правда ли?

– Да, госпожа, чудесное.

– Твой путь из Каира был долгим и трудным?

– Да, – признался он со вздохом, – это был очень долгий и очень трудный путь.

– Тогда мы вдвойне рады тому, что ты вернулся к нам целым и здоровым.

– Вы очень добры, госпожа.

– Ты не зайдешь внутрь?

– Не могу.

– Почему не можешь?

– Потому что я подвел моего господина.

– Чем ты его подвел?

– Я не смог вовремя вернуться к нему с той информацией, которая была ему нужна, снисходительная госпожа моя.

Она взглянула на Джека через плечо, повернула голову и объявила:

– Он прощает тебя, Карим.

– Но я не могу себя простить.

– Тебе придется, – сказала она ласково, но твердо. – Ты нам нужен.

– Нужен, госпожа?

– Конечно. Предстоит сделать очень много, и нам понадобится твоя помощь.

– Понадобится моя помощь? Конечно же, я сделаю все, что будет в моих силах, госпожа.

– Я знала, что мы можем на тебя рассчитывать, Карим, – уверила она остававшегося за шатром слугу, после чего добавила, понизив голос: – Но нам надо поговорить без свидетелей, а это не получится, если мы будем кричать друг другу.

– Понимаю, госпожа.

– Кроме того, здесь, на столе, тебя дожидаются чашка чая и тарелки со свежим хлебом и медом. Мы с твоим господином хотели бы, чтобы ты присоединился к нам, пока мы будем завтракать. За едой ты сможешь подробно рассказать нам обо всем.

– Если вы настаиваете...

– Настаиваю. – Она повернулась к Джеку с торжествующей улыбкой. – Пожалуйста, войди, Карим.

После недолгого ожидания (слуга, несомненно, вставал с колен и отряхивал с одежды песок) занавеска на входе отодвинулась, и Карим вошел в шатер своего господина.

– Я рад снова видеть тебя, мой старый друг и спутник, – сказал Джек, подходя к Кариму и обнимая его. – Благодарение богам, которые хранили тебя в пути.

Карим отвесил небольшой поклон и повторил традиционную фразу:

– Благодарение богам.

Они обменялись вежливыми вопросами о благополучии друг друга, о последних новостях из города, после чего Карим передал Джеку приветы от его многочисленных друзей и знакомых и поведал еще массу мелких подробностей. Только после этого они наконец перешли к делу.

– Пожалуйста, сядь сюда, Карим и расскажи нам обо всем, что тебе удалось узнать, – попросила его Элизабет, когда с формальностями было покончено.

Она уже убедилась – не без некоторой досады, – что обряды пустыни зачастую были неспешными и скучными, требуя немалого терпения. Существовал определенный способ делать нечто, определенные ритуалы, которые необходимо было соблюдать. А женщин часто вообще исключали из разговора. Это порой ужасно раздражало.

– Ты можешь быть откровенен в присутствии моей жены, – подтвердил Джек, потому что Карим медлил с ответом.

– Я сделал так, как вы мне приказали, господин, – сказал щуплый слуга, который, казалось, еще немного усох за эти дни. – Я отправился в дом около старой мечети и задал нужные вопросы. Мне было велено вернуться через неделю.

– И ты вернулся?

– Да.

– И что тебе сказали?

– Граф Андре Полонски не замешан в нелегальном вывозе и продаже египетских древностей – после какого-то инци-

дента, происшедшего три года назад.

– А!

Казалось, Джек был очень доволен этим известием.

– Больше того, и в то время не было доказательств, что он участвовал в каких-то сомнительных сделках.

– Я рад это слышать.

Глаза Элизабет изумленно расширились. Так вот оно что! Джек отправил Карима навести справки о графе!

Карим продолжал доклад:

– Граф Полонски, как вы, возможно, знаете, потерял почти все унаследованное им состояние и поместья в результате крестьянского восстания, которое произошло в его стране. Он был вынужден бежать, как и почти все аристократы, с пустым кошельком и пустыми карманами.

Черный Джек нетерпеливо подался вперед:

– Тогда откуда Полонски берет средства к существованию?

Карим осмотрелся и, сильно понизив голос, ответил:

– Он ежемесячно получает деньги от матери.

– От матери? – изумленно воскликнул его хозяин.

– Да, господин мой, от матери.

Было совершенно очевидно, что такого Джек услышать не ожидал.

– И кто же мать графа? – осведомилась Элизабет, которую глубоко заинтересовало услышанное.

Карим обвел взглядом своих хозяев и, выказывая явный

талант рассказчика, торжественно объявил:

– Леди Шарлотта Бейкер-Финч!

– Леди Шарлотта?

– Леди Шарлотта!

Элизабет была ошеломлена:

– Та самая леди Шарлотта, чей розарий мы осматривали?

Карим утвердительно кивнул своей темноволосой головой:

– Та самая, моя госпожа.

– Ну, будь я... – начал Джек.

– Очень вероятно, дорогой. – Элизабет похлопала мужа по руке. Ее острый ум уже подсказывал ей несколько выводов из услышанного.

Складывалась достаточно четкая картина. Ведь именно на ленче у леди Шарлотты Амелия Уинтерз познакомилась с графом.

Карим продолжил свое повествование:

– Леди Шарлотта имеет доход от нескольких владений в Англии, унаследованных ею после смерти ее родителей. В их число входят овцеводческая ферма, некоторое количество акций железной дороги, права на разработку полезных ископаемых...

– Да, да, да, – нетерпеливо пробормотал Джек.

– В их число входят, по сообщениям, – тут худой слуга недоуменно пожал плечами, как будто достоверность этих сведений вызывала у него сильные сомнения, – и скромные,

но постоянные поступления от продажи книги, которую эта леди написала. В ней рассказывается об англичанке, которая путешествует по Египту.

– Ну конечно же, «Письма из Египта»! – воскликнула Элизабет.

Кариму было совершенно непонятно, почему кто-то готов платить свои деньги за книгу, посвященную этой теме.

– А еще у нее было немало великолепных драгоценностей, полученных в подарок от отца графа. В течение последних лет она продавала их по одному, чтобы обеспечивать себя и сына.

– Леди Шарлотта и граф Полонски...

Элизабет все еще не могла поверить тому, что только что узнала.

– Что до других вопросов, господин мой...

Элизабет мгновенно насторожилась:

– О каких других вопросах ты говоришь?

– Моя жена – очень любопытное создание, – пробормотал Джек, по-мужски делясь этим фактом со своим верным помощником.

Элизабет возмущенно вздернула подбородок.

– Насколько я понимаю, муж мой, ты имел в виду, что у меня пытливый ум.

– Ну конечно, дорогая, – примирительно ответил он (наверное, чересчур примирительно). – А что еще я мог иметь в виду?

В делах житейских Карим проявлял немало мудрости. Порой казалось, что у него нет ни глаз, чтобы видеть, ни ушей, чтобы слышать, ни языка, чтобы говорить. Он умел при необходимости стать невидимым.

– Так что тебе удалось узнать о полковнике и миссис Уинтерз? – осведомился Джек.

Карим сообщил:

– Во-первых, они не муж и жена. Хилберт Матиас Уинтерз и Амелия Стоун официально в брак не вступали. Они встретились примерно шесть или семь лет назад, когда он получил отпуск и приехал из форта в Судане в Лондон. Оказывается, Амелия Стоун в то время была актрисой – и, судя по отзывам, очень неплохой.

– Актрисой. Как интересно, – заметил Джек.

– Колетт оказалась права. Опять. Естественно. Она говорила, что Амелия Уинтерз не леди, – пробормотала Элизабет, обращаясь скорее к себе самой, чем к двум мужчинам.

– Во время службы в армии ее величества полковник иногда занимался разведкой. Еще известно, что он, как и Амелия Стоун, любит роскошествовать и что они уже много лет живут не по средствам. Никому не известно, откуда они берут деньги. – Слуга предусмотрительно перешел на древний язык, чтобы не оскорбить слуха своей госпожи, и сообщил Джеку: – Говорят, что за хорошие деньги полковник продаст все что угодно, включая и услуги его так называемой жены.

Элизабет не произнесла ни слова, не издала ни звука, но

кончики ушей у нее ярко покраснели, так что в конце концов это ее выдало.

– Ты говоришь на древнем языке! – уличил ее Джек.

– Нет, я на нем не говорю. Я его немного понимаю, только и всего, – поспешно начала она оправдываться.

Ее супруг был скорее удивлен, чем разгневан.

– Почему ты мне об этом не сказала?

– Для этого не было ни повода, ни необходимости, – покорно объяснила она, – до этой минуты.

– Интересно, какие еще сюрпризы меня ждут, – проговорил Джек, подавляя смех.

Ее губы чуть изогнулись.

– Думаю, муж мой, что тебе придется просто подождать и посмотреть, правда?

Джек откашлялся и снова вернулся к разговору о полковнике.

– Значит, он занимался разведкой.

Элизабет встала и начала поспешно убирать со стола остатки завтрака, словно нельзя было медлить ни минуты.

– Вы понимаете, что это означает? – спросила она.

Мужчины, удивленно взглянув на нее, в один голос ответили:

– Нет.

– Это означает, что нам нельзя терять времени.

Черный Джек ощутил в ее голосе неподдельную тревогу. Он поспешно встал и спросил:

– Нельзя терять времени?

– Большинство записей, которые у меня украли, зашифрованы, но шифр не особенно сложный и долгих усилий не потребует. Такой человек, как полковник, быстро все расшифрует. Возможно, он уже это сделал. Как только полковник найдет ключ к шифру, он кинется искать гробницу Мернептаха Сети.

Джек негромко выругался:

– Чтоб его черти взяли!

– Я с тобой полностью согласна. – Элизабет взглянула на красивое, но совершенно непрактичное одеяние, которое было на ней. – Какая досада, что здесь нет моих дорожных платьев! Эта одежда совершенно не подходит для путешествия, в которое мы должны отправиться немедленно.

Джек иронично улыбнулся:

– Мы?

Элизабет не заметила его иронии.

– Нам надо попасть в усыпальницу раньше полковника Уинтерза и помешать ему украсть сокровища фараона.

– Но у полковника твой дневник и все твои записи и карты!

– Пусть они забрали у меня ценные бумаги, но они не могли забрать того, что хранится вот здесь. – Элизабет указала на свою голову. – Там все осталось, Джек.

Несколько секунд он молча смотрел на нее, а потом предостерег:

– То, что мы собираемся предпринять, очень опасно, Элизабет.

– Я это знаю.

– Тебе ведь известно, где находится гробница Мернептона Сети?

Она кивнула.

– Я не хочу говорить плохо о мертвых, но твой отец сделал глупость, не выслушав тебя.

– Значит, ты мне веришь?

– Конечно, верю. – Джек протяжно вздохнул и повернулся к одному из больших сундуков, стоявших вдоль стен шатра. Открыв его, он достал небольшой кожаный чемодан. – Остальные твои вещи по-прежнему находятся в гостинице в Луксоре. Времени у меня не хватило, и все было в страшном беспорядке, но я забрал несколько вещей, которые, как мне казалось, тебе понадобятся в первую очередь или с которыми тебе не хотелось бы расставаться.

Элизабет взяла чемоданчик и, откинув крышку, увидела старинную брошь с камеей, которую мать подарила ей в день шестнадцатилетия, бесценную фотографию Анни и остальных родных, с которой она никогда не расставалась, а еще пару кружевных панталон, одно дорожное платье с раздвоенной юбкой и немного помявшуюся соломенную шляпку.

Элизабет подняла на Джека полные слез глаза. Ей трудно было говорить.

– Спа...спасибо.

– Не за что, – тихо отозвался он.

Она вытерла щеку.

– А корсета я что-то не вижу, – поддразнила она его, стараясь скрыть глубину своих чувств.

– Попомни мои слова: настанет день, когда все разумные женщины откажутся их носить, – ухмыльнулся Джек.

Элизабет весело расхохоталась, вспомнив разговор на эту тему, который у нее был с Колетт.

А Джек уже снова был абсолютно серьезен:

– Нам надо торопиться. Предстоит сделать немало приготовлений, если мы хотим отправиться завтра с рассветом. Нам понадобятся запасы еды и воды. Лошади. Одежда.

– Я позабочусь обо всем, господин мой, – вызвался Карим.

– Нет, дружище. Ты совершенно измучен. Ты должен остаться здесь, с Народом, и отдохнуть. Это путешествие я совершу без тебя, – ласково сказал Джек.

– Нет такого путешествия, которое бы вы совершили без меня, господин. Куда едете вы, туда еду и я. Куда идете вы, иду и я. – Худенький слуга был непоколебим. – Я поеду с вами и с госпожой.

Глава 25

– Карим был очень недоволен, что его оставили с лошадьми и вьючными животными, – заметила Элизабет, когда они с Джеком начали подниматься к великому некрополю, священному месту захоронений в Долине царей.

– Ты не хуже меня знаешь, что Карим стареет. И ему было бы трудно взбираться по этим крутым склонам. К тому же кто-то должен сторожить животных.

Они сделали остановку на западном склоне и посмотрели на противоположную сторону пустынной долины с отвесными скалами и тысячами природных трещин и впадин. Кругом не видно было никаких признаков жизни – только высоко в небе парил одинокий стервятник, да среди горячих шатких камней пробирался тощий шакал.

Элизабет ненадежнее затянула под подбородком ленты своей потрепанной соломенной шляпки и указала на запад:

– Нам туда.

– Скажи, почему мы направляемся в Долину цариц? Ведь мы ищем гробницу царя, одного из величайших фараонов, – поинтересовался Джек, шагая следом за ней.

Наконец-то нашелся человек, который был готов выслушать ее доводы, человек, который не сомневался в том, что она знает, о чем говорит! Элизабет поняла, что всю жизнь ждала встречи с таким человеком.

– Последние шесть лет моей жизни я посвятила изучению всего, что известно о Мернептоне Сети и его жене Нефертери. Я внимательно прочла все научные труды, в которых упоминалось о них. Я размышляла над каждым словом, которое великий фараон посвятил своей возлюбленной, – как на его родном языке, так и в бесчисленных переводах.

Джек уточнил:

– Например, любовные поэмы, которые он создал в честь Нефертери. Вроде той, которую я прочитал тебе в ту первую ночь, когда мы встретились на палубе «Звезды Египта»?

– Вот именно.

– И все эти размышления привели тебя к выводу, что Мернептон Сети похоронен в Долине цариц?

– Да.

– Почему?

Элизабет прошла особенно крутой и трудный участок тропы и приостановилась на несколько мгновений, чтобы отдышаться. Когда ее дыхание немного выровнялось, она ответила на вопрос, который ей задал Джек.

– Насколько нам известно, он единственный за всю историю фараон, который был женат один раз, и только один раз. Он отверг всех других женщин. Даже после того, как Нефертери умерла от лихорадки, он не взял себе новой жены. До конца своих дней он был верен ее памяти.

Джек вынул из кармана платок и вытер пот со лба.

– Другими словами, он был однолюбом, – проговорил он,

поправляя дорожную сумку, висевшую у него за спиной.

– Факты говорят нам именно об этом.

– Один мужчина. Одна женщина.

Она кивнула:

– Для некоторых (на мой взгляд, для очень немногих счастливых) так, видимо, назначено судьбой. Есть животные, которые находят себе пару на всю жизнь. Почему человек должен отличаться от них?

Джек с улыбкой покачал головой:

– Ты настоящий романтик, моя милая Элизабет.

– Да, наверное.

Но она больше не намерена стыдиться и оправдываться.

Ни перед кем.

Элизабет остановилась и несколько минут изучала скалистую местность, щуря глаза от яркого солнца. Она надеялась, что не забыла ни одного из ориентиров, которые запомнила по фотографиям местности. Фотографии и подробные карты должны были помочь ей найти заветное место.

– Если мы пройдем приблизительно пятьдесят футов за вон тот скалистый выступ, то, должно быть, увидим короткий узкий проход, пробитый между двумя склонами, которые сходятся в этом месте. Он приведет нас к гробнице Нефертери.

– Но если вход в гробницу настолько доступен, то ее должны были давным-давно найти и ограбить! – запротестовал Джек.

– Скоро увидим, Джек, – отозвалась Элизабет почти весело, быстро продвигаясь по сухому желобу, проделанному в скале водой. – Очень скоро увидим.

Элизабет повернула. Джек от нее не отставал.

– Боже, что это? – воскликнул он.

Прямо перед ними, под огромным скалистым карнизом, в глубокой тени, среди нагромождений камней и обломков скал, в склоне оказалось небольшое отверстие. Оно могло остаться незамеченным, если бы Элизабет не знала точно, где именно его надо искать.

– Думаю, это оно. Надеюсь, что оно.

«Молю Бога, чтобы это было так», – добавила она мысленно.

Джек начал поспешно расчищать проход от камней.

– На этом камне есть какая-то надпись. Ты можешь разобраться, о чем она говорит? – спросил он, отходя в сторону, чтобы Элизабет смогла прочесть иероглифы.

Элизабет вытянула руку и проследила пальцем древние знаки, заключенные в овал: такие надписи делались только для фараонов.

Дрогнувшим голосом она проговорила:

– Это ее имя, ее картуш.

– Нефертери?

Элизабет молча кивнула. Волнение не давало ей говорить.

– Если мы найдем рычаг, то дверь легко откроется, – наконец сказала она Джеку.

На это ушло даже меньше времени, чем она ожидала. Джек привалил к двери большой камень и зажег факел, который они захватили с собой.

Элизабет и Джек вошли в древнюю погребальную камеру царицы Нефертери.

Стены ее украшали чудесные рисунки. Цвета были такими яркими, что казалось, будто художник только вчера завершил свою работу в честь жены великого фараона. А ведь с тех пор прошло несколько тысячелетий!

Но сама камера оказалась пустой. На полу валялись обломки разбитой мебели и керамической посуды, пустой саркофаг со сдвинутой крышкой, кусок погребальной пелены, втоптаный в грязь, осколок раздробленной кости... И никаких сокровищ: ни драгоценных украшений, ни сундуков, ни статуи.

Помещение можно было считать пустым.

– Элизабет...

– Да, Джек.

– Мне так жаль, дорогая.

– Жаль? Чего? – спросила она, обращая к нему удивленное лицо.

– Как я и опасался, гробницу Нефертери давно разграбили. Как множество других. Возможно, это произошло еще в древние времена.

– Чепуха.

– Чепуха?

– Это не усыпальница Нефертери.

Джек был совершенно сбит с толку.

– Разве?

– Конечно нет, любимый.

– Но...

Элизабет прошлась по помещению, внимательно всматриваясь в настенные росписи при неверном свете факела.

– Как жаль, что у нас нет зеркала или даже нескольких зеркал, чтобы направить внутрь лучи солнца. Эти рисунки поистине великолепны!

– Элизабет, что ты имела в виду, говоря, что это не гробница Нефертери?

– Я имела в виду, что это не ее гробница.

– Тогда чья же?

– Ничья.

– Ничья?!

Она попыталась как можно лучше объяснить Джеку, что именно имела в виду:

– Нефертери никогда не была здесь погребена, Джек. Никого здесь не погребали. Это великолепный образчик ложной гробницы, устроенной для того, чтобы обмануть грабителей, которые на нее наткнутся. Вот почему здесь есть даже саркофаг. – С этими словами она подняла с пола небольшой белый осколок и внимательно его рассмотрела. – Надо признать, что кость – это особенно удачная уловка.

Джек смотрел на нее так, будто она совершенно сошла с

ума.

– Но если Нефертери не была здесь похоронена, то какого дьявола мы потратили столько трудов, чтобы найти это место?

Элизабет больше не могла сдерживать радостное волнение:

– Потому что если интуиция меня не обманула, то и Нефертери, и Мернептон Сети похоронены где-то поблизости.

Джек был совершенно ошеломлен.

– Где же?

– А вот это мы должны сейчас определить, – заявила она и в ответ на его взгляд вызывающе вскинула голову.

Он говорил спокойно, но его поза выражала возмущение и даже гнев:

– И как, к дьяволу, мы должны это сделать?

– Ну же, Джек, сохраняй спокойствие.

Он повысил голос:

– Я спокоен, черт возьми!

– Для таких вещей существует логический подход.

– Искренне надеюсь, – проворчал он.

– Мы ищем фальшивую дверь, которая на самом деле будет не фальшивая.

Он иронично выгнул темную бровь:

– Нельзя ли это повторить, сударыня?

– Мы будем искать блок в стене, в полу или даже на потол-

ке, который окажется не настоящим блоком, а дверью, ведущей в следующую камеру.

Джек схватил ее за плечи.

– Послушай, Элизабет. Совершенно очевидно, что мы пришли сюда раньше полковника. Может, он так и не разгадал твой шифр. Может, у него это никогда не получится. Может быть, никто и никогда так и не найдет настоящей погребальной камеры. Дорогая, почему бы нам не оставить их покоиться в мире?

– Я бы так и сделала, Джек, но теперь, когда мои карты и записки оказались неизвестно где, – она неопределенно махнула рукой в сторону выхода из гробницы, – и не в моей власти их найти, я более чем уверена, что кому-то придет в голову искать погребение. Сюда могут прийти. А когда это случится, то у наших в отличие от нас может не оказаться никакого почтения к памяти Мернептона Сети и его возлюбленной Нефертери. Эти люди будут разбивать стены, уничтожая все на своем пути. Большинство людей всегда жаждали сокровищ.

Джек снял шляпу и провел рукой по влажному от пота лбу.

– Ты права, конечно. Я уже это видел десятки раз в других гробницах и храмах. Несколько лет назад каменные блоки храма Рождения Клеопатры в Эрменте были разбиты и использованы для строительства местной сахароперерабатывающей фабрики.

– Значит, ты понимаешь?

Джек заглянул ей в глаза:

– Да, понимаю.

Он взял факел и начал внимательно разглядывать северную стену камеры. Элизабет нашла небольшой факел, валявшийся на полу среди обломков, зажгла его и подошла к другой стене.

Час спустя они так ничего и не нашли.

– Давай передохнем, – предложил Джек, втыкая конец факела в песок. Он устроился на полу возле саркофага и вынул из сумки фляжку с водой. – Не хочешь попить?

Элизабет устало вздохнула и уселась рядом с ним. Приняв у него из рук фляжку, она поднесла ее к губам и сделала небольшой глоток воды – только такой, чтобы чуть смочить пересохшее горло. Она тоже начала усваивать законы пустыни.

– Я не думала, что найти настоящую дверь будет так трудно, – призналась она, прислоняясь к саркофагу.

– Мы ее найдем, – уверенно заявил Джек, располагаясь рядом с ней.

– Джек...

– Да?

– Ты... почувствовал, как что-то сдвинулось?

– Что-то сдвинулось?

– Саркофаг.

Он вскочил и повернулся:

– Ну конечно же! Чертов саркофаг!

Элизабет тоже поспешно встала.

– Ты так думаешь?

– Скоро узнаем.

Он уперся ногами и изо всех сил стал толкать конец каменного саркофага, на который они опирались всего несколько секунд назад.

– Он двигается? – взволнованно спросила Элизабет.

– Не знаю, – признался Джек, отступая.

– Я тебе помогу, – вызвалась она.

– Начинай на счет три, – предложил он.

Они снова уперлись ногами в песчаный пол, схватились за край саркофага и хором отсчитали:

– Раз. Два. Три.

Саркофаг сдвинулся!

Вскоре они уже отодвинули каменный гроб в сторону и увидели под ним ступеньки, уходящие в камеру, расположенную прямо под ними.

– Я знаю, что открытие принадлежит тебе, дорогая. Не исключено, что вниз никто не спускался уже несколько тысячелетий. Кто знает, что там окажется?

Элизабет посмотрела прямо в его яркие глаза.

– Ты собираешься проявить благородство? Оберегая меня, хочешь спуститься первым? Нет, Джек. Все будет нормально. Я спущусь вместе с тобой.

В его взгляде читались одновременно восхищение и доса-

да.

– А ты у меня упрямица, однако.

– Да.

Черный Джек вручил ей меньший из факелов, оставив у себя тот, который был больше и тяжелее.

– При первом же признаке опасности – любой опасности – изволь уходить обратно по ступенькам. Понятно? – ворчливо сказал он.

– Понятно.

Еще во время спуска по каменным ступенькам Элизабет чувствовала, что сердце ее отчаянно бьется от волнения и страха, которые всегда внушает неизвестность. В конце концов это было исполнением всех ее мечтаний. И мечтаний ее отца. Это было делом всей его жизни.

Она осторожно спускалась вниз, останавливаясь на каждой ступеньке. Темнота нижнего помещения отступала перед светом ее факела.

Вскоре ступени закончились.

– Я внизу, Джек, – негромко сказала Элизабет, повернув голову назад.

– Я иду следом, – подтвердил он, и она почувствовала, как его теплое дыхание пошевелило тонкие волоски на ее шее.

– Ты готов?

– Готов.

Элизабет и Джек одновременно высоко подняли свои факелы, и впервые за три тысячи лет глазам человека предстала

царская усыпальница великого фараона Мернептона Сети и его возлюбленной жены Нефертери.

Там оказались чудеса, недоступные воображению простого смертного: под песками и камнем Долины цариц был воссоздан настоящий дворец!

Помещение было заполнено прекраснейшей резной мебелью: ложами, столами, табуретами, тронами и сундуками. Здесь были статуи в рост человека, колесницы, лодки, корзины, в которых когда-то находились яства, шкатулки с драгоценными камнями и монетами, кувшины и миски, луки и стрелы, копья, ткани и одежда, скульптурные изображения богов, святилища из золота и серебра, эбеновые коробки для игр, резные флейты из слоновой кости, серебряные трубы, сосуды с благовониями, сабли и кинжалы, церемониальные щиты, кожаные доспехи, инструменты, лампы... Там оказалась даже царская кровать.

А в самом центре стоял один каменный саркофаг.

Элизабет не замечала, что плачет, пока Джек не извлек из кармана носовой платок и не передал ей. Оба не сразу смогли заговорить.

– Ты была права, – благоговейно проговорил Джек.

Элизабет вполне разделяла его чувства – ей тоже казалось, что это место священо.

– Я была права, – прошептала она.

– Здесь сокровищ больше, чем во всех музеях и коллекциях целого мира.

– Очень может быть, – согласилась она.

– Но я вижу только один саркофаг.

Элизабет вытерла слезы.

– Конечно.

– Ты ожидала именно этого?

– Да.

– Опять женская интуиция?

– Опять женская интуиция. Она меня пока не подводила.

– Тогда что же она говорит тебе о Мернептоне Сети и

Нефертери?

– Они так сильно любили друг друга при жизни, что пожелали остаться вместе навечно. Не просто в общей погребальной камере. Но в одном саркофаге.

– Ну конечно! – негромко воскликнул Джек, почувствовав истинность ее слов. – Они пожелали, чтобы их похоронили вместе. Но откуда ты это узнала?

– Потому что я женщина. Потому что я мыслю по-женски. Потому что люблю, как женщина, – просто ответила Элизабет, поворачиваясь к нему. – И если бы мне предстояло умереть прямо сейчас, я бы захотела остаться навечно в объятиях мужчины, которого люблю. В твоих объятиях, Джек.

Он протянул к ней руки:

– Элизабет...

– Ну до чего же трогательно и романтично! – раздался неприятный мужской голос позади.

– Полковник Уинтерз...

– Будь ты проклят, Уинтерз!

– Поворачивайтесь медленно и очень осторожно. Особенно вы, милорд. Мой пистолет направлен на леди Элизабет. И можете не сомневаться – я выстрелю без колебаний.

Глава 26

– Я, конечно, хочу знать, где находится изображение фараона, сделанное из цельного золота, о котором упоминается в ваших записках, – заявил полковник, направив пистолет прямо на Элизабет. При этом левой рукой он похлопал себя по карману. Было ясно, где теперь находятся ее дневник и карты.

– Я отказываюсь вам отвечать! – отважно бросила ему Элизабет.

– Ну, я полагаю, что смогу найти способ заставить вас передумать, – спокойно сказал Хилберт Уинтерз, и губы его изогнулись в хищной улыбке.

Элизабет внутренне содрогнулась. Теперь она поняла, насколько отвратительным оказался этот человек.

– Пусть я не так хорош собой и не такой сильный, как ваш молодой любовник, но мне всегда удавалось убеждать женщин, и они смотрели на вещи моими глазами.

– Только попробуйте тронуть хоть волос на ее голове – и считайте себя покойником, Уинтерз, – прорычал Джек.

– Надо понимать это как обещание, а не как угрозу, не правда ли, лорд Джонатан? – ухмыляясь, произнес полковник. – Смелые слова для человека без пистолета.

– Радуйтесь пока, что у вас есть пистолет, – презрительно произнес Джек. – Я уже видел, как вы пускаете его в дей-

ствие.

Полковник жестом приказал им попятиться, чтобы у него было больше возможности для маневра.

– Так вы нашли Полонски и Амелию?

Черный Джек опасно сощурил глаза, ставшие почти черными.

– Да, нашел.

– Думаю, зрелище было не из приятных.

Элизабет напряглась.

Нет, Джек не будет столь неразумен, чтобы сказать полковнику, что пара любовников осталась жива. Хотя она не испытывала особой симпатии к Амелии и Андре, не было у нее и желания видеть их мертвыми. Если бы Хилберту Уинтерзу стало известно о том, что двое свидетелей его предательства остались живы, он вполне мог бы вернуться, чтобы довести до конца свое черное дело.

– Да. Зрелище было неприятное, – только и сказал Джек.

Элизабет облегченно вздохнула. Хотя бы ради леди Шарлотты она была довольна, что Андре Полонски остался жив.

– Их нашли шакалы? Или стервятники? Ну, это не важно. Здесь присутствует дама, и нам ни к чему шокировать ее подробностями.

– Вы, сударь, совсем не джентльмен, кем я вас считала, – заявила Элизабет своему бывшему опекуну.

– Мне очень жаль, милая моя девочка, я глубоко извиняюсь. Я ведь искренне к вам привязался, знаете ли. Вы пре-

красно сидите в седле и всегда держались молодцом. Не то что эта девка Амелия. – Он насмешливо поклонился. – Извините за грубость, миледи.

Элизабет заставила себя не реагировать на его издевки.

– Так что же мне сделать с вами обоими? – Вопрос был явно риторическим. – Я могу сейчас просто пристрелить вас здесь, и дело с концом. Кажется, вы говорили что вам хотелось бы провести вечность в объятиях любимого мужчины, леди Элизабет. – Полковник расхохотался, и смех его был исключительно мерзостным. – Но пули – это так неаккуратно. Полонски буквально все залил кровью: себя, бедняжку Амелию, песок...

Элизабет почувствовала, что ей становится дурно.

– Ну-ну, не вздумайте падать в обморок, милочка, или я буду вынужден стрелять, – предостерег ее Хилберт Уинтерз.

Девушка расправила плечи и посмотрела негодяю прямо в глаза. Лицо ее оставалось смертельно бледным, но стояла она прямо и гордо.

– Видите, до чего она отважная, Уик. Вы знали, в кого влюбиться. Она не из робких. А этот чертов Полонски и Амелия друг друга заслуживали, вот и все, что я могу сказать.

– Может, и так. Но это еще не значит, что они заслуживали смерти, – возразила Элизабет.

Взгляд негодяя наполнился злобой.

– Никто не может предать полковника Уинтерза и остать-

ся безнаказанным!

– Вы уверены, что вас задело именно это, Уинтерз? А может, дело просто в том, что граф Полонски тайком наставлял вам рога?

– Заткни свою пасть, Уик! Или я заставлю тебя замолчать навсегда. Ты понятия не имеешь, о чем говоришь. Да я мог бы рассказать тебе такое...

Элизабет протянула руку и умоляюще дернула Джека за рукав.

– Пожалуйста, дорогой, не надо!

– Не дергайте руками, девица. – Полковник задумчиво нахмурился. – Хотя вы подали мне неплохую мысль. – Он указал на крепкую веревку, которой была стянута связка копий. – Возьмите вон ту веревку, миледи. Полагаю, я совсем успокоюсь, когда у лорда Джонатана будут связаны руки за спиной. Нет, пожалуй, лучше мне не спускать глаз с его рук. Свяжите их впереди.

Элизабет не шевельнулась.

– Если вы предпочитаете, я могу просто его пристрелить.

Угроза полковника подействовала. Элизабет взяла веревку и связала Джеку руки так, как ей было приказано.

– Крепче, милая моя леди. Гораздо крепче, – требовал Хилберт Уинтерз.

– Извини, Джек, – тихо сказала Элизабет.

– Ничего любимая, – успокоил ее Джек.

– А теперь я повторю свой вопрос, – сказал полковник,

наводя пистолет на грудь Джека. – Где статуя из цельного золота, о которой говорится в ваших записках?

– Не знаю.

Он взвел курок.

– Точно не знаю, – поспешно поправились Элизабет.

Он уставился на нее, не скрывая своих намерений:

– Но имеете достаточно убедительное предположение, не так ли?

– Да.

– Так где же она?

– Пожалуйста, поверьте мне, полковник Уинтерз: если вы попытаетесь вынести статую из гробницы, с вами произойдет нечто ужасное.

– Вы хотите убедить меня в том, что на этом месте лежит проклятие?

– В некотором смысле – да.

Он расхохотался.

– Вы меня за дурака принимаете?

– Я не принимаю вас за дурака. И надеюсь, вы не будете упорствовать в своей попытке уйти отсюда с сокровищами, которые по праву принадлежат Мернептону Сети и Нефертери.

– Чушь! Глупости!

– Но во всех древних папирусах говорится о таком проклятии, – умоляюще проговорила она.

– Еще бы не говорилось! Так древние фараоны и царицы

хотели – или по крайней мере надеялись – помешать грабителям проникнуть в их усыпальницы и все оттуда выкрасть. Это не срабатывало прежде, не сработает и сейчас. – Он угрожающе помахал пистолетом. – В последний раз спрашиваю: где статуя?

Она прошептала:

– В саркофаге.

– Я вас не расслышал, милочка. Говорите громче.

– Я сказала, что, по моему мнению, золотая статуя находится в саркофаге.

Хилберт Матиас Уинтерз наградил Элизабет улыбкой. Ее чуть не стошнило.

– Ну вот, наконец-то мы приближаемся к главному. Уик, по-видимому, юной леди понадобится ваша помощь. Одна она крышку саркофага не сдвинет. – Его улыбка исчезла. – Принимайтесь за дело. Оба. Используйте что хотите, но чтобы вы саркофаг мне открыли!

На это ушло немало времени. Когда крышка наконец была сдвинута настолько, что полковника это удовлетворило, Джек и Элизабет были покрыты пылью, песком и потом.

– Простите нас, – печально попросила Элизабет, обращаясь к двум фигурам, обнимавшим друг друга в саркофаге.

Хилберт Уинтерз заглянул внутрь и захихикал:

– Силы небесные! Девушка, вы оказались правы. Она действительно там.

Запустив руку под крышку, полковник извлек золотую

статую высотой примерно в четырнадцать или пятнадцать дюймов.

– Великолепно! – воскликнул он, осматривая бесценное сокровище. – Я выручу за нее целое состояние и всю оставшуюся жизнь проведу по-царски.

– Вы умрете, не успев потратить и пенса, – предрекла Элизабет.

Полковник выпрямился и осмотрел остальные сокровища, хранившиеся в царской усыпальнице.

– Не хотелось бы слишком жадничать, поскольку нести все придется мне самому. Но еще кое-что прихватить я бы смог. – Он указал на дорожную сумку Джека, валявшуюся на полу: – Освободите ее и наполните драгоценностями, миледи. Да поторапливайтесь, – последовал приказ.

Элизабет повернулась к Джеку со слезами на глазах. Оба сознавали, что должно было произойти в ближайшие минуты.

– Делай то, что он говорит, любимая, – прошептал Джек. – Будь храброй. В конце концов все будет хорошо. Мы – вместе.

Элизабет стала выбирать наименее дорогие браслеты и ожерелья: полковник все равно не мог их оценить по достоинству. И это служило хотя бы небольшой мстью за то кощунство, которое уже свершилось в погребальной камере.

– Ну вот, – сказала она, наполнив сумку согласно указаниям грабителя.

Хилберт Уинтерз попятился к ступенькам, которые вели наверх. Сумку с сокровищами он повесил на плечо, пистолет по-прежнему был наведен на них.

– Вы всегда были такой милой девицей и так прекрасно держались, миледи, что я решил не стрелять в вас и лорда Джонатана.

– Вы нас не убьете? – изумленно спросила она из дальнего угла камеры.

– Не убью. – Полковник уже поднялся на несколько ступенек. – Но вы сами умрете. Здесь, в этой гробнице, – захотел он, не спуская с них глаз.

Хилберт Уинтерз быстро преодолел последние три ступени и начал сдвигать пустой саркофаг над их головами, чтобы закрыть вход в подземелье.

– Ах ты, сукин сын! – крикнул Джек.

Лаз закрылся.

– Дай я развяжу тебе руки. – Это было первое, что сказала Элизабет, когда они остались вдвоем. – Извини, Джек, за то, что из-за меня ты попал в эту историю.

Как только она освободила ему руки, он притянул ее к себе.

– Ни слова больше. Дай я просто тебя обниму. – После недолгого молчания он заглянул ей в лицо и негромко проговорил: – Мне следовало сказать тебе это раньше. Наверное, я даже себе боялся признаться. Я люблю тебя, Элизабет.

– А я люблю тебя, Джек.

Потом они молча стояли, отчаянно обнимая друг друга. Сверху послышался угрожающий грохот.

Джек поднял голову:

– Что это, Боже?

Казалось, что окружающие их скалы рушатся, превращаясь в тысячи, миллионы тонн смертоносных камнепадов. Погребальная камера сотрясалась. В спертom воздухе поднялись тучи пыли. Однако стены выдержали напор.

– Я говорила полковнику, чтобы он не пытался унести статую.

– Ты думаешь, он погиб?

Элизабет кивнула:

– Думаю, что Хилберт Уинтерз и его несправедно добытое богатство похоронены под целыми горами камней.

– Боже правый!

– Я предупреждала его, что на того, кто вынесет сокровище Мернептона Сети из этого священного места, падет проклятие.

Джек подозрительно посмотрел на нее:

– Ты на самом деле в это веришь?

– Не знаю. Но я твердо знаю одно: гробница была защищена ловушками. Древние строители были очень хитроумны и прекрасно владели искусством устраивать противовесы, блоки, поддельные двери и скрытые помещения. Они смогли придумать всевозможные механизмы, защищавшие фараона

и его сокровища.

– Да, конечно. Достаточно только вспомнить, что смогли совершить строители пирамиды Хеопса, – согласился Джек. Разжав объятия, он начал расхаживать по усыпальнице.

Элизабет поймала себя на том, что начинает говорить обо всем на свете:

– Мне жаль, что я больше не увижу матушку и Англию. Няню, Траута и наши сады. Мне хотелось найти возможность, чтобы Али смог учиться в Кембридже, если пожелает. Я даже представляла себе, как на пути домой остановлюсь в Марселе, чтобы убедиться в том, что у Колетт и Жоржа все ладится в их новой совместной жизни.

Джек в глубокой задумчивости продолжал ходить по погребальной камере.

Элизабет вздохнула.

– У меня были планы. Я хотела получше узнать жизнь, путешествовать по всему миру, переживать множество приключений. А потом в один прекрасный день я бы поселилась в сельской местности с любимым человеком и растила бы здоровых и счастливых детей. А сад у меня был бы полон роз.

– Сад с розами.

Эти слова были первыми, которые Джек произнес за последнюю четверть часа.

– Да, сад с розами.

– А ты встретила этого человека, это воплощение всех семейных добродетелей, за которого ты выйдешь замуж?

Она обвила руками его шею и заглянула ему в глаза:

– Я сделала гораздо больше. Я не только его встретила – я вышла за него замуж.

– А я думал, что он – всего лишь мечта, – пробормотал Джек, крепко ее поцеловав.

– Я тоже так думала. Но это была моя мечта, и я не сомневалась в том, что когда-нибудь его найду. – Ее глаза снова наполнились слезами. – Ты как-то сказал мне, что акт любви – это словно смерть и возрождение к жизни. Но я очень боюсь, любимый, что мы умрем и к жизни не вернемся.

Черный Джек пристально смотрел на нее. Его голубые глаза были полны решимости.

– А если бы у тебя был выбор, Элизабет, ты вышла бы за меня замуж снова?

– Не задумываясь.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Я прослежу, чтобы ты это обещание выполнила, милая моя женушка, потому что я знаю, как нам отсюда выбраться.

Элизабет чуть не потеряла сознание.

– Выбраться отсюда? – У нее перехватило горло. – Но как?

– Мне это пришло в голову, когда ты заговорила о механизмах, придуманных древними архитекторами. При строительстве великих пирамид они всегда предусматривали запасной выход – обычно это был длинный туннель, наклонно уходивший вверх от главной погребальной камеры. Вы-

ход его находился на поверхности, в каком-нибудь укромном месте. Может быть, боги будут к нам благосклонны, и мы найдем второй выход отсюда.

Они сразу же начали поиски.

– А что именно мы ищем? – спросила Элизабет.

– Что-нибудь вроде твоей фальшивой двери, которая на самом деле не фальшивая, – ответил ей Джек. – Это будет казаться естественным элементом усыпальницы, поэтому нам надо смотреть повнимательнее.

Элизабет взяла маленький факел и начала осматривать одну из стен погребальной камеры.

Джек с большим факелом направился к противоположной стене.

Прошло около получаса, когда Элизабет вскрикнула:

– Джек!

Он бросился к ней:

– Что такое?

Она указала на фреску, украшавшую участок стены:

– Смотри!

На фреске были изображены сам Мернептон Сети и Нефертери. Держась за руки, они поднимались по лестнице, уходящей к самым небесам.

– Очень может быть, – согласился Джек, оглядываясь по сторонам в поисках достаточно тяжелого орудия, которым можно было бы пробить покрытую штукатуркой стену. – Надеюсь, они нас поймут, – добавил он, поднимая древний мо-

лоток, чтобы нанести первый удар. Стена начала рушиться.

– Я уверена, что они нас поняли бы. Что понимают, – прошептала Элизабет.

Часть стены превратилась в обломки. За ней оказался длинный узкий туннель.

– Восхождение будет нелегким, – предупредил Черный Джек, высоко поднимая факел и вглядываясь в темный проход.

– Знаю.

– Я совершенно не представляю себе, куда оно нас выведет – и выведет ли вообще.

– Конечно.

– Может случиться так, что мы преодолеем половину подъема и обнаружим тупик, а вернуться обратно уже не сможем.

– Может случиться и такое.

– Но если мы не попытаемся, то мы здесь умрем, Элизабет.

– Знаю.

Он замолчал и обнял ее за талию.

– Есть вещи похуже, чем смерть с человеком, которого любишь.

Она прижалась губами к его губам.

– Есть только одна вещь лучше этого – это жизнь с человеком, которого любишь.

– К жизни!

– К жизни! – повторила Элизабет и сразу же добавила: –
Постой, Джек. Перед уходом нам надо сделать одну вещь.

Он повернулся:

– Какую?

– Мне бы хотелось, чтобы мы поставили на место крышку саркофага. Это самое малое, что мы можем сделать.

Когда они закрыли саркофаг, Джек направился к туннелю – и, как они надеялись, к ожидавшей их свободе. Повернувшись к Элизабет, он сказал:

– Ну, дорогая, дай мне руку. Нам пора идти.

Эпилог

Лорд Джонатан Малькольм Чарльз Уик, младший сын герцога Дорана, недавно помирившийся с отцом, остановился рядом с женой и обнял ее за талию.

– Элизабет...

Она повернулась и заглянула мужу в глаза. Его взгляд был ей знаком. За последние несколько месяцев лорд уже сотни раз так смотрел на нее.

– Да, милорд? – отозвалась она, прикрываясь веером.

– Ваши гости начали мне надоедать, миледи.

– Это наши гости, милорд. И вам прекрасно известно, что есть вещи пострашнее скуки.

Притворившись, будто наслаждается ароматом живых роз, вплетенных ей в волосы, он склонился к ней и прикоснулся губами к ее обнаженному плечу.

– Я могу придумать для нас что-нибудь гораздо более интересное, чем прием гостей.

Покачивая веером, Элизабет поддразнила его:

– Что же, например, вы можете мне предложить?

Джек снова посмотрел ей в глаза и многозначительно проворкотал:

– Ну же, дорогая, дай мне руку. Нам пора идти.

– А что подумают наши гости?

– Они подумают, что мы направляемся к небесным высоко-

там, – ответил он с теплым смехом.

– Джек! – воскликнула Элизабет несколько минут спустя, когда они оказались у себя в спальне. – Что это случилось с нашей кроватью?

– Это розы, любовь моя.

– Розы?

– Если говорить точно – розовые лепестки. Давным-давно я пообещал себе, что буду любить мою прекрасную Элизабет на ложе из роз.

И с переполненным любовью сердцем этой ночью Джек сдержал свое обещание.

Примечание автора

Чтобы не вводить читателя в заблуждение, признаюсь, что Мернептон Сети и его возлюбленная Нефертери – моя выдумка, как и их любовь к поэзии.

Однако доказано, что у великого Рамсеса действительно были рыжие волосы и что до его правления все, кто рождался с «пламенными» волосами, считались представителями зла.

Народ принца Рамсеса – тоже плод моей фантазии. Самые близкие потомки древних фараонов – арабы-копты. Они живут главным образом в Египте и исповедуют христианство.